

Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Рецензируемый научный журнал

Апрель 2021 г.

НОМЕР 72

ЧАСТЬ 6

Самара 2021

УДК 001.1
ББК 60

T34

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Апрель 2021 г. № 72, Часть 6 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2021. – 188 с.

DOI 10.18411/lj-04-2021-p6

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

<http://ljournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ XXII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	6
Авенов Т.К. Новеллы в законодательстве Республики Казахстан о порядке организации и проведения мирных собраний	6
Байчорова Ф.Х., Хатков А.А. Оценка показаний свидетеля в уголовном процессе ...	10
Бойкова А.Р., Рейдель Л.Б. «Зеленая карта», как часть системы обязательного страхования автогражданской ответственности	13
Бялт В.С., Чимаров С.Ю. К вопросу о реализации конституционного права граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе.....	18
Бялт В.С., Чимаров С.Ю. К вопросу о методологии теории государства и права	21
Висарханова А.М. Понятие взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений	23
Вырвина В.В. Понятие и система органов местного самоуправления Российской Федерации	26
Гусейнов Н.Р., Шарипова Э.А. К вопросу о роли административно-процессуального нормотворчества при осуществлении государственного контроля	28
Гусейнова Р.А. Товарищество собственников жилья как форма управления многоквартирным домом.....	31
Даниленко Н.Е. К вопросу об основаниях и условиях рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением	36
Демченко А.А., Мамин А.С. Методика проведения отдельных мероприятий, связанных с несанкционированным доступом к системам дистанционного банковского обслуживания	40
Елесина И.Г., Воронов А.С., Елесина Е.А. Проблемы регулирования розыска и этапирования лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда.....	43
Жидовкина Н.А., Рабец А.П. Пределы ответственности единоличного исполнительного органа корпорации.....	46
Закурдаева М.А. Некоторые проблемы законодательного регулирования обвинительного акта	53
Каракулева Т.М. Принципы права в современной науке: понятие и сущность	55
Кильмаметова И.И. Президент РФ и исполнительная власть.....	57
Кирсанов А.С., Кушкина О.В. Соблюдение конституционных прав и свобод человека сотрудниками правоохранительных органов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	60

Колиева А.Э., Лущик Т.А. Государственная кадастровая оценка земельных участков: современное состояние и перспективы развития.....	64
Колмогорова Е.В. Владение, пользование и распоряжение общим имуществом в многоквартирном доме	67
Лайкова И.И. Опекa и попечительство	71
Литвищенко Я.В., Мамин А.С. Система органов внутренних дел, осуществляющих административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы	74
Марченко А.В., Марченко В.В. Актуальные вопросы проведения прений сторон в ходе судебного разбирательства.....	77
Митин Р.К. Гражданско-правовое регулирование ограниченных вещных прав в свете проекта внесения изменений в Гражданский кодекс РФ	83
Митин Р.К. Гражданско-правовое регулирование использования прав интеллектуальной собственности в сети интернет	87
Мудрая Д.А. Средства индивидуализации, содержащие географические обозначения, в законодательстве стран СНГ	90
Обыденная А.И., Голенок С.Г. Правовое регулирование смарт-контрактов в законодательстве Российской Федерации	95
Павлова Е.В. Проблемные аспекты, возникающие на стадии судебного разбирательства административного правонарушения мелкое хулиганство.....	101
Портянко Е.М. Портрет детоубийцы. Убийство матерью новорожденного ребёнка: криминологическая характеристика.....	104
Пузиков С.А. Особенности правового регулирования отношений, возникающих в сфере технического обслуживания внутридомового газового оборудования (ТО ВДГО)	107
Путилина Е.А. Смешанная реорганизация юридического лица	110
Рамазанова К.С. Проблемы правового обеспечения кластерной политики в РФ	113
Рogaва И.Г., Хальзов М.И. Механизм преступления в криминалистике – понятие и структура.....	116
Седых Д.В. Понятие мер безопасности в уголовном судопроизводстве	119
Селицкий М.В. Система нормативно-правовых актов, регулирующих современные отношения по переходу спортсменов из одного клуба в другой	122
Сергиенко А.А. Понятие, признаки и пределы упрощения уголовно-процессуальной формы	127
Симанчук М.Л. Правообладатели фирменных наименований в законодательстве России.....	134
Славова Н.А. Принципы предоставления медицинской помощи и лекарственного обеспечения: социально-правовой аспект	137

Стебленко А.А., Мамин А.С. Проведение индивидуальной профилактической работы с гражданами, состоящими на профилактическом учете	141
Тильба А.В. Право на доменное имя в Российской Федерации	144
Упоров И.В. Выборы и статус депутата местного Совета в советском государстве (до Конституции СССР 1977 г.): правовой аспект	147
Хаджимурадова Т.Х. Основные направления совершенствования правовых основ обязательного медицинского страхования	152
Хаджимурадова Т.Х. Правовые основы установления пособия по временной нетрудоспособности.....	154
Хапаев А.-З.Г. Объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении .	157
Цуканов С.С. Правовые основы избирательной системы РСФСР и их реализация на территории Дальнего Востока России (1923-1926 гг.)	160
Чимаров Н.С. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан в условиях реализации технологии регистрации по биометрическим показателям: на примере зарубежного опыта	163
Шамне А.Н. Влияние причин миграции на миграционно-правовую политику государства	166
Шульгин А.А., Лункашу Ю.В. Применение мер принуждения к лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах	169
Ямпольская А.И., Мамин А.С. Сущность государственного управления в сфере санитарно-эпидемиологического управления благополучием населения в Российской Федерации	172
Янова И.В. Понятие и признаки показаний подозреваемого	176
Ярошук И.А., Амелина У.С. Псевдоним как объект нейминговой экспертизы.....	179
Ястребова А.А. Триада правовых понятий «банкротство», «трансграничное банкротство» и «субсидиарная ответственность» в деятельности контролирующих должника лиц.....	181

РАЗДЕЛ XXII. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Авеннов Т.К.

Новеллы в законодательстве Республики Казахстан о порядке организации и проведения мирных собраний

*Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики
Казахстан
(Казахстан, Нур-Султан)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-216

Аннотация

Закон Республики Казахстан «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 25 мая 2020 года, можно признать самым обсуждаемым среди ученых, общественных деятелей и международных организаций. В статье рассматриваются новеллы в законодательстве о порядке организации и проведения мирных собраний, а также некоторые проблемные вопросы.

Ключевые слова: мирное собрание, публичное мероприятие, уведомительный порядок, принципы мирных собраний, права и обязанности участников и организаторов мирных собраний.

Abstract

The Law of the Republic of Kazakhstan «On the procedure for organizing and holding peaceful assemblies in the Republic of Kazakhstan» of May 25, 2020, can be recognized as the most discussed among scientists, public figures and international organizations. The article discusses the novelties in the legislation on the procedure for organizing and holding peaceful assemblies, as well as some problematic issues.

Keywords: peaceful assembly, public event, notification procedure, principles of peaceful assembly, rights and obligations of participants and organizers of peaceful assembly.

В соответствии со ст. 3 Конституции единственным источником власти в Казахстане является народ [1]. Он же избирает Президента страны, депутатов Парламента и т.д. Вместе с тем, народовластие проявляется не только путем выбора его представителей, но и непосредственным участием. Например, выражая мнение в средствах массовой информации (далее - СМИ), либо участвуя в публичных мероприятиях.

Право на организацию, проведение, а также участие в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании является общедемократической и конституционной ценностью. Оно позволяет гражданам и их объединениям участвовать в политической жизни государства, доводить до власти свои требования, а также отстаивать свои интересы по самому широкому спектру социальных проблем.

Вышеуказанные права гарантированы Конституцией Республики Казахстан, в частности статьей 32. Данная статья предоставляет общее право на мирные собрания. Процедура организации и проведения регламентируется законодательными актами стоящими ниже по иерархии.

Так, с приобретением независимости Казахстана в 1991 году, первым национальным нормативно-правовым актом в сфере организации и проведения мирных собраний, считается Закон Республики Казахстан «О порядке организации и проведения мирных собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций в Республике Казахстан» от 17 марта 1995 года за № 2126 (далее – Закон 1995 года) [2]. Этот правовой акт является одним из первых шагов на пути к демократическому развитому обществу, высшей ценностью которого является человек, его права и свободы.

Вместе с тем, вышеуказанный закон отвечал не всем требованиям международных актов, ратифицированных Республикой Казахстан. Такая ситуация вызывала дискуссии как со стороны ученых-правоведов, так и со стороны правоприменителей, правозащитников и международных организаций. В результате имеющихся законодательных и организационных пробелов нарастала и социальная напряженность.

Все это послужило основой для кардинального реформирования законодательства в области организации и проведения публичных мероприятий.

Отправной точкой стала инициатива Глава государства К-Ж. К. Токаева, который, в своем первом Послании народу Казахстана («Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» от 2 сентября 2019 года), отметил, что необходимо совершенствовать законодательство о митингах: «Если мирные акции не преследуют цель нарушения закона и покоя граждан, то нужно идти навстречу и в установленном законом порядке давать разрешения на их проведение, выделять для этого специальные места. Причем, не на окраинах городов» [3].

Во исполнение Послания Главы государства, Министерству информации и общественного развития (далее - МИОР) было поручено разработать закон о мирных собраниях.

Разработанный МИОР законопроект «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» стал одним из самых обсуждаемых в 2020 году.

В результате активного обсуждения, 20 мая 2020 года закон был принят (далее – Закон о мирных собраниях) [4].

Он во многом отражает демократические принципы и требования международных правовых актов. Остановимся подробнее на основных нововведениях.

1. **Внедрение уведомительного порядка проведения мирных собраний.** Впервые в законодательство вводится уведомительный порядок проведения мирных собраний. Уведомление не будет требовать какого-либо ответа от местных исполнительных органов и будет считаться согласованным по умолчанию. Данная норма предусмотрена для собраний, митингов и пикетирования. Вместе с тем, проведение шествий и демонстраций требует согласования.

2. **Возможность проведения пикетирования в любых местах, за исключением запрещенных в законе мест.** Закон 1995 года и постановления маслихатов ограничивали возможность проведения мирных собраний только местами, определенными маслихатами.

Сейчас одиночные пикеты можно проводить в любом месте, у любого объекта, в том числе и у зданий центральных государственных органов, местных исполнительных органов, что позволит гражданам быть услышанными органами власти.

Необходимо отметить, что не во всех странах разрешено пикетирование у органов государственной власти, например, в некоторых странах установлены «зоны тишины» (США).

3. **Включение в закон понятийного аппарата.** Одним из общепризнанных недостатков Закона 1995 года является отсутствие четкого регламентирования форм мирных собраний. Также основанием для критики Республики Казахстан международным сообществом являлось то, что при вынесении решений об отказе в проведении мирных собраний, местными исполнительными органами зачастую к собранию или пикету предъявлялись те же требования, что и к демонстрации или шествию.

В этой связи, в Законе о мирных собраниях законодатель предусмотрел понятийный аппарат, что позволило сформировать ключевые понятия, такие как мирное собрание, митинг, пикетирование, собрание, демонстрация, шествие и разграничить их между собой.

Предполагалось, что введение понятийного аппарата позволит исключить необоснованные требования к формам мирных собраний.

4. Внедрение в законодательство базовых принципов мирных собраний, среди которых: ненасильственный характер; законность; обеспечения государственной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья, защиты прав и свобод других лиц; добровольность участия; презумпции в пользу проведения мирных собраний; ответственность сторон.

Ключевым здесь является принцип презумпции в пользу проведения мирных собраний, который означает, что при отсутствии обоснованных причин для ограничения или запрета на проведение мирного собрания, мероприятие должно состояться.

5. Сокращены сроки подачи и рассмотрения уведомления. Законом 1995 года было предусмотрено, что сроки подачи заявления составляют 10 рабочих дней до дня проведения, сроки рассмотрения местными исполнительными органами (далее - МИО) - 5 рабочих дней со дня поступления.

Законом о мирных собраниях предусмотрено, что уведомление о проведении пикетирования, митинга, собрания подается за 5 рабочих дней до дня проведения. Сроки рассмотрения уведомления составляют 3 рабочих дня. Таким образом, в отношении пикетирования, митинга, собрания сроки сокращены в 2 раза.

Вместе с тем срок подачи заявления на проведение демонстрации и шествия составляет 10 рабочих дней до дня его проведения, сроки рассмотрения МИО - 7 рабочих дней со дня его регистрации. На наш взгляд такая градация предусмотрена в связи с тем, что демонстрация и шествие предполагает значительно больший объем работы со стороны МИО, пожарных, медицинских служб, органов внутренних дел и др.

6. Установление исчерпывающего перечня оснований для отказа в проведении мирных собраний. Закон 1995 года содержал размытый перечень оснований отказов для проведения мирных собраний. Маслихатам предоставлялось право устанавливать иные отличные от закона основания для отказа.

В Законе о мирных собраниях закреплен исчерпывающий перечень оснований для отказа в проведении мирных собраний. Среди них насильственное изменение конституционного строя, нарушение целостности Республики Казахстан, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни, нарушение других положений Конституции Республики Казахстан, законов и иных нормативных правовых актов Республики Казахстан, угроза государственной безопасности, нарушения общественного порядка, жизни и здоровью других лиц;

Необходимо отметить, что отказ должен быть мотивированным и обоснованным, то есть должны быть указаны конкретные причины отказа в проведении мирного собрания.

7. Закрепление в Законе статуса, прав и обязанностей организаторов, участников мирных собраний. Закон 1995 года не разграничивал участников от организаторов, не определял их права и обязанности, а устанавливал только запреты. Законом о мирных собраниях определен статус, права и обязанности организаторов и участников мирных собраний.

8. Обязанность государственных органов оказывать содействие в проведении мирного собрания. Предусмотрено, что государственные органы будут оказывать содействие организатору в проведении мирного собрания. Так, например, охрану общественного порядка будут обеспечить органы внутренних дел, медицинские службы будут оказывать, при необходимости, медицинскую помощь, противопожарная служба будет обеспечивать противопожарную безопасность.

9. Введение и расширение специализированных мест для проведения мирных собраний. Законом установлено, что проведение мирных собраний, за исключением пикетирования, проводится в специализированных местах. Законодатель предусмотрел, что данные специализированные места определяются в центральных

частях населенных пунктов, которые соответствуют требованиям безопасности. Основная цель установления специализированных мест – возможность быть услышанными органами власти.

При этом количество данных специализированных мест не ограничивается Законом о мирных собраниях и может составлять десятки таких мест в зависимости от потребности.

Поскольку, постановления маслихатов об утверждении специализированных мест являются нормативными правовыми актами, то установление перечня специализированных мест проходит в широком обсуждении с общественностью.

10. Ведение реестра специализированных мест местными исполнительными органами.

Одним из недостатков Закона 1995 года являлось то, что гражданам отказывали в проведении мирных собраний в случае занятости места. Во избежание таких ситуаций и информирования граждан предусмотрено, что МИО должны размещать на интернет-ресурсах информацию о занятости этих мест, для того, чтобы граждане были информированы о возможности проведения мирных собраний.

11. Установление в проекте закона права граждан на обжалование действий государственных органов. Законом 1995 года не предусматривалась норма о возможности обжалования действий государственных органов, например, при отказе в проведении мирного собрания. В новом законе такое право предусматривается.

12. Предоставление права на проведение мирных собраний юридическим лицам в качестве организатора публичного мероприятия. Соответственно, законодатель предусмотрел и ответственность за нарушение порядка организации и проведения мирных собраний.

13. Запрет на организацию и участие в мирных собраниях для иностранных граждан. В статье 1 Закона о мирных собраниях определениями терминов «участник мирного собрания» и «организатор мирного собрания» законодатель, кроме прочего, предоставляет право на публичные мероприятия только гражданам Республики Казахстан. Тем самым, иностранцам и лицам без гражданства запрещено организовывать и участвовать в вышеупомянутых мероприятиях. Более того, за нарушение такого запрета предусмотрена административная ответственность (ч.ч. 8,9 ст. 488 КРКоАП), вплоть до административного ареста с выдворением его за пределы Республики Казахстан. В редакции закона 1995 года понятийный аппарат отсутствовал, как и отсутствовала ответственность для иностранцев и лиц без гражданства.

В целом, можно сделать вывод, что новое законодательство о порядке организации и проведения мирных собраний, во многом соответствует основным принципам международных актов. Однако, как оказалось, принятый Закон о мирных собраниях все еще не совершенен и требует дополнительного изучения и возможно корректировки.

По нашему мнению, дефиниция «мирное собрание» охватывает не все мероприятия (как по форме, так по содержанию). Например, законодатель не дает определение *незаконным* публичным мероприятиям.

Более того, собирательным понятием «мирное собрание» формы его проведения ограничены только собранием, митингом и демонстрацией, шествием и пикетированием. Данное положение может негативно сказаться на практике организации и проведения мирных собраний с иными формами (флешмоб, смартмоб, политмоб и др.), соответственно это вызовет затруднения и в рассмотрении административных дел.

В связи с этим предлагаем понятие «мирное собрание» заменить на «публичное мероприятие». Предлагаемый термин включит в себя все формы и содержания законных, незаконных, спонтанных мероприятий. Тем более законодатель не разграничивает санкции за правонарушения по формам (собрание, митинг, шествие, демонстрация, пикетирование).

Следует отметить, что законодатель при разработке Закона о мирных собраниях в части не предоставления права иностранцам, лицам без гражданства на участие и организацию мирных собраний руководствовался ст. 32 Конституции Республики Казахстан. Данная статья прямо указывает на то, что участвовать и организовывать мирные собрания вправе только граждане Республики Казахстан [1]. Соответственно, этот запрет нашел свое отражение и в ответственности за его нарушение (ч.ч. 8, 9 ст. 488 КРКоАП).

Вместе с тем в п. 6 ст. 2 Закона о мирных собраниях сказано, что «Если международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются правила международного договора» [4].

В свою очередь международные акты, ратифицированные Республикой Казахстан, предусматривают право организовывать и проводить публичные мероприятия для иностранцев, лиц без гражданства.

По нашему мнению, складывается коллизия в праве, где с одной стороны, по Конституции иностранцы не имеют права на мирные собрания, а с другой, Закон о мирных собраниях четко указывает на международные акты, которые предоставляют такое право.

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. Режим доступа (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000>). Дата обращения: 14.03.2021
2. Закон Республики Казахстан «О порядке организации и проведения мирных собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций в Республике Казахстан» от 17 марта 1995 года N 2126. Утратил силу. Режим доступа (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002126>). Дата обращения: 14.03.2021.
3. Послание Главы государства народу Казахстана «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» от 2 сентября 2019 года. Режим доступа (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1900002019>). Дата обращения: 12.03.2021.
4. Закон Республики Казахстан «О порядке организации и проведения мирных собраний в Республике Казахстан» от 25 мая 2020 года № 333-VI. Режим доступа (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000333#z283>). Дата обращения: 14.03.2021.

Байчорова Ф.Х., Хатков А.А.

Оценка показаний свидетеля в уголовном процессе

*Северо-Кавказская государственная академия
(Россия, Черкесск)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-217

Аннотация

Статья посвящена оценке показаний свидетеля по уголовному делу. В статье раскрывается понятие «показания свидетеля», особое внимание уделяется оценке показаний свидетелей, находящихся в момент совершенного преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, их способности восприятия, сохранения в памяти, воспроизведения воспринятого, ставит в затруднительное положение весь процесс их допроса и оценки их показаний как доказательства по делу, как на стадии предварительного расследования так в ходе судебного следствия.

Ключевые слова: процесс доказывания, свидетель, показания свидетеля, статус свидетеля, допрос свидетеля.

Abstract

The article is devoted to the assessment of the testimony of a witness in a criminal case. The article reveals the concept of "testimony of a witness", special attention is paid to the assessment of the testimony of witnesses who are at the time of the crime in a state of alcoholic or drug intoxication, their ability to perceive, retain in memory, reproduce what was perceived during interrogation and evaluate these testimonies. The author focuses on the fact that alcohol abuse and drug use by victims and witnesses puts the entire process of their

interrogation and evaluation of their testimony as evidence in the case into a difficult position, both at the stage of preliminary investigation as during the judicial investigation.

Key words: the process of proof, witness, witness status, questioning of the witness.

Важным элементом в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве выступают показания свидетелей. При даче показаний свидетели воспроизводят те обстоятельства, которые были ими, восприняты и сохранены в памяти. Это не просто воспроизводство. Это сложный психологический процесс, в котором активно участвуют мышление, эмоции. Показания свидетеля - доказательство, представляющее собой сообщение лица, в отношении которого по данному уголовному делу не осуществляется уголовное преследование, о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, воспринятых им лично или со слов других лиц, полученное на допросе или очной ставке, проведенных в установленном законом порядке.

Особую роль в процессе восприятия имеет эмоциональное состояние свидетеля. Эмоциональная реакция, вызванная свидетелем преступлением, неизбежно приковывает их внимание к преступным действиям, однако острые переживания сужают сознание и снижают полноту и точность отражения.

Последствия стрессовой ситуации могут сказаться и позднее, в стадии расследования. Большое внимание она (стрессовая ситуация) оказывает на процесс запоминания, сохранения в памяти воспринятого, что затрудняет процесс допроса.

Злоупотребление свидетелями алкоголем и употребление ими наркотических средств, ставит в еще более затруднительное положение процесс их допроса, как на стадии предварительного расследования, так и в ходе судебного следствия, а также затрудняет процесс оценки доказательств – их показаний, что является проблемой уголовного судопроизводства.

Говоря о свидетеле страдающим алкоголизмом, в механизме преступления проявляются самые различные его нравственно-психологические особенности, такие, как половая распущенность, жадность, деспотизм, агрессивность, грубость, трусость, мнительность, физическая слабость склонность к употреблению алкогольных напитков и наркотических веществ, лживость, хитрость, изворотливость и другие. И самое главное, под воздействием алкоголя у таких лиц нарушается нормальная деятельность мозга, всей нервной системы, расстраивается сознание.

Пьяный теряет способность к адекватному восприятию внешней среды, людей, поступков. Способность свидетеля правильно воспринимать окружающее, сознавать социальную значимость происходящего и избирательно реагировать на ситуацию, с тем, чтобы избежать возможности оказаться жертвой преступления или же правильно оценить происходящее, в значительной степени зависит от личностных особенностей и состояния свидетеля в момент преступного посягательства. Такое состояние свидетеля преступления мешает правильному восприятию им происходящего, а в дальнейшем правильной передачи информации при его допросе, как на предварительном следствии, так и в суде. Показания таких свидетелей вызывают сомнения в их точности, потому что такие люди не вызывают доверия и уважения. Как справедливо замечает А.И. Алексеев, систематическое пьянство способствует неблагоприятному нравственному формированию личности, ослабляет и подрывает социально полезные связи в различных типах микросреды [1].

Наркомания – это болезненное пристрастие к потреблению наркотических средств [2].

Наркотик в переводе греческого – приводящий в оцепенение, одурманивающий. Проблема имеет четко выраженный медицинский характер. У больных наркоманией нарушается активное внимание. Мышление также расстраивается, оно становится непоследовательным, образным, чувственным. Он становится неискренним, нечестным, способным обмануть. Он перестает испытывать положительные эмоции без

наркотиков, а затем и принимая их. Изменяются мотивы и побуждения, снижается способность моторной реализации психических импульсов. Установки и ценностные ориентации наркоманов игнорируют системы социальных ценностей, запреты и ограничения общества, что в свою очередь порождает рост преступности и другие негативные криминальные явления.

Показания свидетеля – это сообщенные им на допросе сведения, в установленном порядке зафиксированные. Показания свидетеля – вид доказательств, который наиболее распространен. Свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, которые подлежат доказыванию и определены в ст. 73 УПК РФ, а также об обстоятельствах подготовки совершения, сокрытии преступления, об иных обстоятельствах имеющих значение доказательственных фактов, о личности подозреваемого, обвиняемого и о его взаимоотношениях с ним. Обязанность давать правдивые показания является юридической обязанностью свидетеля. Он предупреждается об уголовной ответственности по ст.ст. 307,308 УК РФ.

Конечно же, при оценке достоверности свидетельских показаний, и показаний потерпевшего страдающих алкоголизмом и наркоманией необходимо учитывать как возможность умышленного искажения информации, так и возможность неумышленного искажения информации, добросовестного заблуждения и ошибки.

Процесс формирования свидетельских показаний включает в себя три стадии: восприятие, запоминание и воспроизведение [4]. Ошибки и искажения возможны на любой из стадий и даже на каждой стадии.

Чтобы давать добросовестные и правдивые показания, свидетель должен иметь способность воспринимать факты, запоминать их и правильно воспроизводить.

Состояние опьянения, алкогольного и наркотического, отражается на способности наблюдать, запоминать и вспоминать события. Поэтому сам по себе факт того, что свидетель является алкоголиком или наркоманом или же находились в состоянии опьянения наркотического или алкогольного в ситуации, подлежащей воспроизведению ими, ставит под сомнение их добросовестность. Такой факт должен служить основанием недоверия суда к их показаниям.

Поскольку показания таких потерпевших и свидетелей могут быть положены в основу приговора, так как обратное не предусмотрено законом, участники уголовного судопроизводства должны быть вправе задавать свидетелю вопросы с тем, чтобы поставить под сомнение добросовестность и правдивость их показаний.

Таким образом, приходя к выводу, что алкоголизм и наркомания отрицательно сказывается на способности свидетеля в точности воспринимать, запоминать и излагать события, предлагаем судам, доказанный факт злоупотребления алкоголем и наркотиками считать основанием выражения недоверия свидетелю и потерпевшему.

В случае же особой ценности информации в показаниях таких свидетелей, для правильного и справедливого разрешения уголовного дела, судам необходимо, мы считаем, требовать заключения эксперта, которое подтверждало бы или опровергло влияние алкоголя и наркотиков на добросовестность свидетеля его способность давать правдивые, точные показания. После такого заключения эксперта, на наш взгляд, информация полученная при производстве по уголовному делу от потерпевших и свидетелей страдающих алкоголизмом и наркоманией, или находившихся в состоянии опьянения, наркотического или алкогольного в момент преступного посягательства, не вызовет сомнения у участников уголовного судопроизводства в своей точности и допустимости.

1. Комментарий к УК РФ/Под общ ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996.
2. Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. М.: - 2002.
3. Тищенко М.Д. Комплексный криминологический анализ преступлений, совершаемых на почве наркомании, и проблемы их предупреждения: Автореф. дисс. канд.юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999.
4. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. 2-е издание, переработанное и дополненное, М.: 2011.

Бойкова А.Р., Рейдель Л.Б.

«Зеленая карта», как часть системы обязательного страхования автогражданской ответственности

*ФГБОУ Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
(Россия, Биробиджан)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-218

Аннотация

Статья посвящена правовой характеристике, применяемой в России с 2009 года международной системы автострахования «Зеленая карта», как части системы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. В статье рассматриваются особенности данной системы страхования, права и обязанности страховщиков и страхователей. Определены поправки, внесенные законодателем и позволяющие страховщикам проводить операции в рамках международных систем страхования. Установлен контролирующий орган, обеспечивающий соблюдение владельцами транспортных средств обязательств по страхованию своей гражданской ответственности при въезде в Россию, а также при выезде из неё в страны, участвующие в международной системе автострахования. Проанализирована судебная практика по данной теме.

Ключевые слова: страхование, международная система страхования, «Зеленая карта», ОСАГО, Российский союз автостраховщиков.

Abstract

The article is devoted to the legal characteristics applied in Russia since 2009 of the international car insurance system "Green Card", as part of the system of compulsory civil liability insurance of vehicle owners. The article discusses the features of this insurance system, the rights and obligations of insurers and policyholders. The amendments introduced by the legislator and allowing insurers to carry out operations within the framework of international insurance systems have been determined. A supervisory body has been established to ensure that vehicle owners comply with their civil liability insurance obligations when entering Russia, as well as when leaving it to countries participating in the international auto insurance system. Analyzed the judicial practice on this topic.

Key words: insurance, international insurance system, Green Card, OSAGO, Russian Union of Auto Insurers.

Рынок услуг в области страхования постоянно развивается. С развалом социалистической системы и открытием границ, граждане бывшего Союза стали чаще путешествовать и выезжать за пределы своих государств. Естественно, что страховые компании, учитывая возможность попадания своих граждан за рубежом в автомобильные аварии, стали задумываться об участии в системе международного автострахования. Для этого необходимо было решить ряд вопросов: с одной стороны, ни один пострадавший в аварии не должен был оказаться в худшем положении из-за того, что виновником происшествия является иностранец; с другой стороны – необходимо было урегулировать вопрос с обеспечением финансовых гарантий, ведь размер компенсаций за рубежом исчисляется в валюте, кроме этого, страховые выплаты пострадавшим за рубежом значительно выше, чем гарантированные российским законодательством.

Принимая во внимание эти условия, часть экспертов была настроена крайне отрицательно к выходу российских страховщиков на международный рынок автострахования. В качестве причин они указывали на трудности в оценке потенциального рынка полисов международного страхования; их высокую убыточность и лимиты ответственности, а также значительные различия в нормативно-правовой базе и низкую капитализацию российских страховых компаний. Другая часть экспертов указывала на необходимость вступления на данный рынок, т.к. это было

продиктовано потребностями не только отдельных физических лиц, но и защитой интересов юридических лиц, а также государственных органов. Они также отмечали, что нужно думать не только об экономической заинтересованности, но и о политическом факторе, т.к. вступление в международную систему страхования способствует повышению национального престижа.

В рамках международного сотрудничества и интеграции в мировое автомобильное сообщество, в 2006 году Российским союзом автостраховщиков (далее – РСА) была подана заявка на членство в международной системе «Зеленая карта». Данная система действует с 1953 года и объединяет 48 стран [7]. Она представляет собой аналог российского обязательного страхования автогражданской ответственности за причинение вреда жизни, здоровью и имуществу лиц, в ходе эксплуатации транспортного средства, но в международном формате, т.е. фактически является полисом международного автострахования и распространяет своё действие только в тех странах, которые признают договора общего страхования, заключенные в любой из них. Сразу следует отметить, что данный полис необходим для поездок на автомобиле за рубеж и не является заменой полиса страхования гражданской ответственности автовладельцев при поездках в стране регистрации автомобиля.

С начала 2007 года в России была проведена большая работа, связанная с внесением изменений в Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [1]. В целях приведения российского Закона об ОСАГО в соответствие с требованиями международной системы, в него были внесены ряд изменений и в 2009 году, на основании Распоряжения Правительства РФ от 19.03.2008 г. № 337-р Россия вошла в международную систему автострахования «Зеленая карта» [2]. Российский союз автостраховщиков был признан в качестве Российского бюро «Зеленая карта», о чем в адрес профильной комиссии ООН и Совета бюро «Зеленая карта» было направлено соответствующее уведомление [2].

Какие же изменения были внесены? Прежде всего, в статью 21 «Страховщики» Закона об ОСАГО были внесены поправки, позволяющие страховщикам проводить операции в рамках международных систем страхования. Так же было закреплено условие, что страховщик, осуществляющий страхование в рамках международных систем должен быть членом профессионального объединения страховщиков и при вступлении в данный союз внести в качестве обеспечения взнос, эквивалентный 500 тыс. евро по курсу ЦБ РФ, установленному на день платежа. В свою очередь, союз страховщиков обязался сформировать фонд текущих обязательств (п. 2.1. ст. 28 Закона об ОСАГО), а также на своем сайте и в выпускаемом им печатном средстве массовой информации ежеквартально обновлять перечень страховщиков, занимающихся операциями в рамках международных систем страхования. На таможенные органы был возложен контроль за исполнениями владельцев транспортных средств обязательств по страхованию своей гражданской ответственности при въезде в Россию, а также при выезде из неё в страны, которые участвуют в международной системе страхования (ст. 31 Закона об ОСАГО).

Несомненно практическое применение данного вида полиса: оформляя международное страхование в системе «Зеленая карта», можно беспрепятственно передвигаться через границы и по территориям, упомянутых в соглашении государств. В период действия полиса количество пересечений границы не имеет ограничений. Единственное условие – вернуться из-за рубежа следует до окончания срока действия сертификата, т.к. его продление за границей невозможно. Полис предполагает выезд как на весь срок его действия, так и выезд и возвращение на территорию России через день или каждый день. В связи с этим, многие транспортные компании, совершающие международные рейсы регулярно, оформляют «Зеленую карту» сроком на год.

Имея данный полис, при попадании в аварийную ситуацию можно решить любые страховые проблемы, а также получить возмещение причиненного вреда, в

соответствии с национальным законодательством. Таким образом, наличие подобной страховки позволяет не только использовать автомобиль в чужой стране, но и освобождает от повторного страхования автомобиля на территории других государств. В случае аварии вызывается представитель правоохранительных органов и предоставляется данная страховка. Полное возмещение ущерба проводится потерпевшему в бюро «Зеленой карты» страны, где случилась авария.

При наступлении страхового случая, общий срок выплат по российскому законодательству, в том числе в системе «Зеленая карта», составляет 20 календарных дней со дня подачи полного пакета документов за исключением нерабочих праздничных дней, а в случае проведения восстановительного ремонта направление на ремонт должно быть выдано не позднее 30 календарных дней за исключением нерабочих праздничных дней.

Здесь возникает проблема: так некоторые страховщики полагают, что данные сроки могут быть продлены до момента получения представителем по урегулированию информации от иностранного бюро «Зеленая карта» подтверждения о действительности «Зеленой карты», предъявленной виновником. Сложившаяся в Российской Федерации судебная практика говорит об обратном. В частности, Судебная коллегия по гражданским делам в г. Ростове-на-Дону, в своем апелляционном определении по делу № 33-7871/2018 от 07.05.2018 г. указала, что «статья 21 ФЗ от 25.04.2002 г. №40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», не предусматривает продление срока для проверки действительности страхового полиса. Соответственно, применение в данном случае положения по урегулированию требований в рамках международной системы страхования «Зеленая карта», принятое РСА, недопустимо, так как данный акт является внутренним документом РСА, соответствие которого требованиям международной системы страхования «Зеленая карта» в отношении продления срока рассмотрения заявления о страховом случае ответчиком не подтверждено, и он противоречит приведенным положениям действующего российского законодательства [4]. Тем самым, суд указал, что иное бы применение норм права привело бы к нарушению прав лица, имеющего право на получение страхового возмещения в разумные сроки. Такой же позиции придерживается Мурманский областной суд [5].

Данная практика позволяет страхователю обратиться в суд за выплатой страхового возмещения и применения санкций к страховщику за несвоевременное выполнение его требований, в том числе и как потребителя страховой услуги. Но следует помнить, что данные сроки определяются национальным законодательством страны, на территории которой произошло ДТП и не распространяются на все страны, участвующие в данной системе.

В отличие от ОСАГО, стоимость которого регулируется Правительством РФ, стоимость «Зелёной карты» устанавливается Российским бюро международного представительства и согласовывается с Министерством финансов РФ, тем самым, компания сама имеет право определять стоимость данного вида страхования.

Обычно, при расчете стоимости данного вида полиса учитываются такие характеристики, как: тип транспортного средства; период, на который планируется выезд (от 15 дней до 1 года); страны, в которых предполагается использование транспортного средства. Следует добавить, что данный страховой тариф также зависит от курса евро, в связи с чем, он ежемесячно пересчитывается.

В каждой стране установлен свой порядок проверки у прибывших из других стран водителей наличия полиса «Зеленая карта». В некоторых странах въезд без международной автостраховки не допускается, так в Финляндии, в случае отсутствия «Зеленой карты» на границе, пограничники выпишут штраф в размере 100 евро, либо предложат вернуться обратно и купить страховку. Сотрудники таможенной службы вправе при отсутствии международной страховки отправить водителя обратно.

Кроме них, наличие полиса могут проверить полицейские, контролирующие дорожное движение в той или иной стране.

В случае отсутствия полиса к водителю могут быть применены серьезные санкции, так сумма штрафа может достигать до 1000 евро. Кроме этого, транспортное средство могут арестовать до устранения правонарушения. А в связи с тем, что «Зеленая карта» оформляется только по месту регистрации автомобиля, то придется покупать местный полис ОСАГО, который стоит еще дороже. Также водителя могут занести в «черный список» с запретом на въезд в страны Шенгенского соглашения, а в некоторых странах это еще и считается административным правонарушением и может привести к аресту водителя. Например, в некоторых странах, попавшего в ДТП водителя, не имеющего полиса, могут привлечь к уголовной ответственности. Исходя из правил действия данного сертификата, его следует предъявлять даже в том случае, если водитель-владелец «Зеленой карты» сам стал пострадавшей стороной. Но есть и некоторые плюсы: так управлять автомобилем за границей может любой человек, которому предоставлено право использования транспортного средства, при этом страхователем может быть совсем другой человек.

Начиная с 2014 года «Зеленые карты» официально выдаются только в печатном виде. Это связано с тем, что данный вид полиса имеет несколько степеней защиты: водяные знаки, идентификационный номер, а также - металлизированную полосу, наносимую с помощью специального оборудования. Соответственно, данный вид полиса нельзя передать по электронной почте, как другие полисы.

Если ранее сертификаты «Зеленая карта» выдавались только в зеленом цвете, то начиная с 1.07.2020 года вступило в силу решение Совета Бюро [6] о возможности оформления «Зеленых карт» не только на бланке зеленого цвета, но и на черно-белом бланке. В соответствии с данным решением, национальные бюро вправе как сохранить оформление страховых сертификатов на бланках зеленого цвета, так и перейти полностью или частично на выпуск черно-белых. При этом держатели черно-белых сертификатов при выезде и въезде на территории стран международной системы должны иметь их при себе в печатном виде.

Следует отметить и некоторые другие особенности «Зеленой карты», в частности:

- человек, оформляющий страховку, должен быть гражданином страны, где производится ее заполнение;
- при оформлении данного полиса, он оформляется на автомобиль с указанием лица, которое заключает договор. Это означает, что, страхователь не обязательно должен являться собственником автомобиля;
- полис действителен в отношении всех водителей, допущенных к управлению транспортным средством на законном основании;
- страховка на автомобиль оформляется в стране, где данное транспортное средство зарегистрировано;
- «Зеленая карта» оформляется максимум за месяц до выезда из страны и раньше указанного срока оформление невозможно;
- минимальный срок действия полиса – 15 дней [1], а максимальный – 1 год. Убедиться в достоверности полиса можно на сайте РСА или связавшись с компанией, указав номер полиса [8];
- во всех страховых компаниях, оформляющих полис «Зеленая карта», условия страхования абсолютно одинаковы;
- на машину и прицеп к ней требуется оформить два отдельных полиса;
- если в ДТП виноват водитель иностранного автомобиля, то вам возместят ущерб;
- если ДТП произошло по вашей вине, то следует предъявить «Зеленую карту» представителю полиции или пострадавшему;

- урегулирование всех претензий осуществляется в рамках страховых сумм, предусмотренных законодательством той страны, в которой произошло ДТП;
- так как действие сертификата распространяется на автомобиль, то в случае продажи транспортного средства деньги за неиспользованный период действия сертификата возврату не подлежат, а все права по сертификату переходят на нового владельца автомобиля.

Для оформления «Зеленой карты», в соответствии со ст. 14 Правил страхования, **от страхователя потребуется заявление** о заключении договора страхования по форме, а также следующие документы:

- а) паспорт или иное удостоверение личности (если договор страхования заключается физическим лицом);
- б) свидетельство о регистрации юридического лица, (если договор страхования заключается юридическим лицом);
- в) один из документов о регистрации транспортного средства, выданный органом, осуществляющим регистрацию транспортного средства (паспорт транспортного средства, свидетельство о регистрации транспортного средства, технический паспорт или аналогичный документ).

Страховой агент должен предоставить страхователю бланк сертификата на 3-х страницах, памятку о ДТП, правила действия полиса и квитанции, подтверждающие его оплату.

Если в период действия договора страхования изменились данные, указанные страхователем в заявлении о заключении договора страхования (адрес страхователя; регистрационный номер транспортного средства; номер кузова или номер двигателя), то страхователь незамедлительно обязан сообщить о них в письменной форме страховщику. В свою очередь, страховщик обязан выдать новый страховой сертификат «Зеленая карта» в течение одних суток с даты возвращения страхователем ранее выданного страхового сертификата и документов, подтверждающих изменения ранее поданных сведений страховщику.

В случае, если страховой сертификат утрачен или испорчен, страхователь имеет право на бесплатное получение дубликата. При этом страхователь обязан заполнить заявление и вернуть испорченный страховой сертификат страховщику.

В заключении следует еще раз отметить: полис «Зеленая карта» страхует ответственность водителя от причинения им вреда третьим лицам в результате ДТП, совершенного в странах-участниках системы международного автострахования. В случае, если сам водитель оказался потерпевшим, то ему надлежит обратиться в страховую компанию виновника ДТП (если у виновника есть полис ОСАГО страны, в которой произошло ДТП). Если виновник аварии такой полис не имеет, либо если его личность не установлена, то нужно обратиться в местное бюро «Зеленая карта» за информацией о возможности получения выплаты из гарантийного фонда Бюро страны ДТП - аналога российского фонда компенсационных выплат. Все контактные телефоны бюро стран указываются на оборотной стороне «Зеленой карты».

Как видим, положительные моменты при оформлении международного автострахования в системе «Зеленая карта», очевидны: отсутствует необходимость заключения отдельных договоров страхования, неограниченна сумма страховки и достаточно подробно отрегулированы вопросы оценки и возмещения ущерба применительно к конкретному законодательству страны места ДТП. Стоит только помнить, что данный полис обеспечивает риски автовладельца исключительно перед третьими лицами и только на территории зарубежного государства и не заменяет полис ОСАГО, если ваш автомобиль зарегистрирован на территории России и не имеет российского полиса.

Но существуют и некоторые проблемы, связанные с адаптацией данной страховой системы в России, отчасти это касается международных тонкостей, а также того, что для России данная система страхования является достаточно «молодой». В

результате автомобилисты и страховщики столкнулись с такими нюансами, как: иной механизм регулирования страховых случаев; международные нормы, отличные от российских; более высокий размер выплат потерпевшим; вопросы ценообразования страховых полисов «Зеленая карта» для отечественных автомобилистов; некий бюрократизм внутри страховщиков и недоверие со стороны страхователей. На сегодняшний день указанные проблемы затормаживают процесс адаптации данной страховой системы в России и наряду с пандемией откладывают срок интеграции России в мировом страховом пространстве.

Конечно, система международного автострахования имеет недостатки, но в России она существует немногим более 10 лет, поэтому, несмотря на начальную убыточность стоит продолжать в ней участвовать. По данным статистики, в сфере грузовых международных перевозок уже приходится 25-26 % автомобильных перевозок, а значит – система востребована, это не говоря о том, что потоки автотуристов, пересекающих границы на личном транспорте, также увеличиваются.

Для решения проблем, думается, что на сегодняшний день необходимо развивать филиальные сети, занимающиеся международным автострахованием, повышать квалификацию персонала и качество обслуживания, заинтересованность потребителя выгодными предложениями, создать систему, когда цена страховых полисов будет достаточно устойчива и независима от колебаний валютного курса, предпринимать меры для устранения случаев мошенничества. Данные меры могут обеспечить рост в развитии системы страхования «Зеленая карта». Приобретение опыта правового урегулирования позволит не только расширить сферу услуг, но и защитить интересы российских граждан, попавших в сложную правовую ситуацию при ДТП за рубежом.

1. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: офиц. текст ФЗ от 25.04.2002 № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 18. - Ст. 1720.
2. О национальном страховом бюро «Зеленая карта»: офиц. текст Распоряжения Правительства РФ от 19.03.2008 г. № 337-р // Собрание законодательства РФ. – 2008. - №12. – Ст. 1167.
3. Уведомление Министерства финансов РФ № 05-04-10/ЗК от 20.03.2008 г. // [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <https://autoins.ru/zelenaya-karta>
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам г. Ростов-на-Дону по делу № 33-7871/2018 от 07.05.2018 г. // [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://судебныерешения.рф/33983811/print>
5. Решение Мурманского областного суда по делу № 2-1088/2014 от 12.08.2014 г. // [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://oblsud.mrm.sudrf.ru/modules.php>
6. Российский Союз Страховщиков // [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <https://autoins.ru/zelenaya-karta/chto-takoe-zelenaya-karta/>
7. Список стран – членов «Зеленой карты» // [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <https://www.cobx.org/article/45/gc-system-composed-green-card-bureaux-48-countries-participating-system>
8. Юридическая помощь автомобилистам // [Электронный ресурс]: сайт. – Режим доступа: <http://pravo-auto.com/>

Бялт В.С., Чимаров С.Ю.

К вопросу о реализации конституционного права граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе

*Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-219

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей реализации конституционного права российских граждан на равный доступ к государственной службе на примере поступления на службу в органы внутренних дел. Авторы, анализируя научную

литературу и нормативную правовую базу в данной области, формулируют и обосновывают ряд выводов, касательно рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: конституционные права; государственная служба; органы внутренних дел; поступление на государственную службу.

Abstract

The article is devoted to the study of the features of the implementation of the constitutional right of Russian citizens to equal access to public service on the example of entering the service in the internal Affairs bodies. The authors, analyzing the scientific literature and the regulatory framework in this area, formulate and justify a number of conclusions concerning the problem under consideration.

Keywords: constitutional rights; public service; internal Affairs bodies; admission to public service.

Институт государственной службы на современном этапе административно-правовой реформы в Российской Федерации занимает одно из ведущих мест в системе функционирования государственного механизма [6, с. 260]. Деятельность государственных служащих по исполнению различных функций государства направлена в первую очередь на совершенствование механизма реализации, охраны и защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Тем не менее, процедура поступления на государственную службу сама связана с реализацией права граждан России на равный доступ к государственной службе, которое закреплено в Конституции Российской Федерации [1, ст. 32]. Однако не все граждане могут воспользоваться данным конституционным правом, поскольку существуют определенные ограничения, установленные действующими правовыми нормами. Таким образом, можно констатировать, что, исследование вопросов, связанных с реализацией права граждан на поступление на государственную службу, а также основаниями его ограничения, является весьма актуальным.

Система государственной службы в Российской Федерации включает в себя три вида государственной службы: государственная гражданская служба, военная служба, государственная служба иных видов [3, ст. 2].

Рассмотрим особенности реализации права граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе на примере поступления на службу в органы внутренних дел.

Основными нормативными правовыми актами, регулирующими правоотношения в сфере поступления на службу в органы внутренних дел, являются Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе в органах внутренних дел) и Порядок организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденный Приказом МВД России от 1 февраля 2018 года № 50.

В рамках реализации конституционной нормы, допускающей возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1, с. 55], нормативно определены случаи, когда гражданин не может быть принят на службу в органы внутренних дел [4, ст. 14, 17].

Исследуем такие основания ограничения в приеме на службу в органы внутренних дел как «осуждение гражданина за преступление по приговору суда, вступившему в законную силу, а равно наличие судимости, в том числе снятой или погашенной» и «выход из гражданства Российской Федерации».

В случае наличия у поступающего на службу судимости интересным для анализа представляется юридическая коллизия двух нормативных правовых актов,

а именно с одной стороны Закона о службе в органах внутренних дел, а с другой стороны Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно нормам указанного кодекса «погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью» [2, ст. 86].

На практике встречаются случаи, когда кандидаты на службу в органы внутренних дел, имеющие погашенные судимости апеллируют к указанной норме и полагают, что их право на труд не может быть ограничено по данному основанию.

Разрешается же рассматриваемая коллизия следующим образом. И Закон о службе в органах внутренних дел, и Уголовный кодекс Российской Федерации по юридической силе равны – оба имеют статус федерального закона, но в данном случае будет действовать принцип приоритета специальной нормы над общей. По общему правилу для гражданина со снятой или погашенной судимостью все правовые последствия, связанные с ней должны быть аннулированы, но вот конкретно для поступления на службу в органы внутренних дел в отношении данного гражданина будет действовать уже специальная норма, не позволяющая ему поступить на службу. Мы полагаем, что это вполне справедливо, поскольку наличие такого ограничения способствует в определенной мере формированию кадрового состава органов внутренних дел из законопослушных граждан, не совершавших ранее преступлений. Иначе было бы не вполне понятным, как гражданин, совершивший преступление, осужденный судом, спустя некоторое время может сам быть представителем закона в государстве, по действиям которого другие граждане будут судить о состоянии правоохранительной системе в стране.

Выход из гражданства Российской Федерации как основание ограничения в приеме на службу в органы внутренних дел, с нашей точки зрения, является вполне обоснованным и логичным препятствием для реализации права поступления на государственную службу Российской Федерации. Если кандидат на службу планирует в дальнейшем защищать российские законы и требовать их соблюдения от других граждан, то он вне сомнения сам должен быть гражданином Российской Федерации. Однако, на наш взгляд, следует рассмотреть вопрос о возможности прохождения службы в органах внутренних дел лицами, имеющими двойное гражданство. Указанный тезис можно обосновать следующим образом:

- 1) согласно действующим нормам федерального законодательства в Российской Федерации «предусматривается поступление иностранных граждан на военную службу по контракту и прохождение ими военной службы» [3, ст. 18.1];
- 2) анализ зарубежного опыта показывает, что в некоторых странах нормативно определена возможность прохождения правоохранительной службы сотрудниками, имеющими двойное гражданство [5, с. 121];
- 3) по нашему мнению, обозначенное положение позволит осуществлять выбор кандидатов из большего числа претендентов, что в свою очередь будет косвенно способствовать повышению качественного состава кадров органов внутренних дел [7, с. 114].

Обобщая все вышеизложенное, можно сформулировать следующие выводы:

- исследование вопросов, касающихся реализации конституционного права граждан Российской Федерации на поступление на государственную службу, а также оснований его ограничения, имеет важнейшее значение в аспекте анализа и обобщения имеющихся знаний в области института прав человека;
- право граждан на равный доступ к государственной службе закреплено в Конституции Российской Федерации, однако нормами федерального законодательства установлены определенные ограничения для поступления на конкретный вид государственной службы;
- существование указанных ограничений обосновывается тем, что эффективная реализация государственными органами своих

функций предполагает наличие кадрового состава государственных служащих, отвечающего современным повышенным требованиям.

1. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. 1993. 25 декабря; СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2021 года) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2021. № 9. Ст. 1472.
3. Федеральный закон от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (в ред. от 23 мая 2016 года) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063; 2016. № 22. Ст. 3091.
4. Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342 «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 8 декабря 2020 года) // СЗ РФ. 2011. № 49. Ч. 1. Ст. 7020; 2020. № 50. Ч. 3. Ст. 8074.
5. Ёркина Т. Н. Полиция в России и зарубежных странах. Вопросы кадровой политики, деятельности и реформирования // Закон и право. 2019. № 6. С. 119–122.
6. Корзанова А. В. Государственная служба на современном этапе в России // Трибуна ученого. 2020. № 11. С. 260–268.
7. Первитская А. М. Профессионально-психологический отбор кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. 2020. № 4 (54). С. 110–115.

Бялт В.С., Чимаров С.Ю.

К вопросу о методологии теории государства и права

*Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-220

Аннотация

Статья посвящена исследованию системы методов научного познания в рамках рассмотрения такой основополагающей фундаментальной юридической науки как теория государства и права. Авторы, анализируя существующие подходы ученых правоведов к методологии юридической науки, обобщают их мнения, а также формулируют и обосновывают собственные выводы касательно исследуемых вопросов.

Ключевые слова: теория права; теория государства; методология; наука; научное познание.

Abstract

The article is devoted to the study of the system of methods of scientific knowledge in the framework of consideration of such a fundamental legal science as the theory of state and law. The authors analyze the existing approaches of legal scholars to the methodology of legal science, summarize their opinions, as well as formulate and justify their own conclusions regarding the issues under study.

Keywords: theory of law; theory of state; methodology; science; scientific knowledge.

Все возрастающий объем научных знаний повышает требования к точности, строгости, логической последовательности научного мышления, а это с необходимостью предполагает изучение самого познавательного процесса. Без такого изучения невозможно не только овладеть той огромной массой знаний, которые уже накоплены человечеством, но и осуществлять дальнейшее, более всестороннее и углубленное проникновение в тайны исследуемых объектов, явлений и процессов [2, с. 8-9]. Не случайно В. М. Сырых разработку проблем методологии правовой науки выделяет как самостоятельное направление научных исследований – метатеоретических исследований [9, с. 16]. Теория государства и права выступает фундаментальным основополагающим звеном системы правовых знаний, и сама формирует и описывает комплекс методов познания государственно-правовых явлений.

Таким образом, следует констатировать, что актуальность рассматриваемых вопросов не вызывает сомнений.

Среди ученых правоведов встречаются различные подходы к пониманию методологии юридической науки. Л. И. Спиридонов полагает, что методология правовой науки как одно из важнейших направлений юриспруденции должна учитывать весь комплекс мировоззренческих, исторических, социальных, экономических и политических факторов, оказывающих влияние на процесс познания государственно-правовых явлений. По его мнению, в указанном процессе уместно использовать такие способы и приемы как целостный взгляд на мир, дескриптивный метод (наблюдение и описание), качественный анализ, классификация государственно-правовых явлений, метод сравнительного правоведения, диалогическое мышление, исторический подход, структурно-функциональный анализ, метод диалектической логики (восхождение от абстрактного к конкретному) и др. [8, с. 9-16]. Р. А. Ромашов утверждает, что в процессе изучения теории государства и права используются общенаучные, специальные и частные методы [7, с. 17]. В. К. Бабаев различает в методологии правоведения общий метод – метод материалистической диалектики и специальные методы, к которым он относит сравнительный метод, социологический, формально-юридический и логический методы [10, с. 26-35]. С. А. Комаров определяет систему методов, используемых теорией государства и права в процессе познания государственно-правовых явлений, следующим образом: а) общенаучные методы (формально-логический, социологический, системный, структурно-функциональный, конкретно-исторический, статистический и т.п.); б) общелогические методы теоретического анализа (анализ, синтез, обобщение, сравнение, абстрагирование, аналогия, моделирование); в) частнонаучные методы (сравнительного правоведения, технико-юридического анализа, конкретизации, толкования и т.п.) [3, с. 59]. С. А. Лебедев выделяет два основных множества методов научного познания: общенаучные (методы познания, применяемые во всех основных областях науки) и частнонаучные (методы, используемые только в каком-то одном сегменте научного знания) [4, с. 6]. В. С. Нерсисянц в аспекте либертарно-юридической концепции правопонимания считает, что метод юридической науки как науки о свободе – это способ юридического познания, производства и организации юридического знания [6, с. 11]. С точки зрения М. Н. Марченко методология юридической науки включает в себя следующие группы методов: а) всеобщий диалектико-материалистический метод; б) общие методы; в) специальные методы; г) частные методы [5, с. 16]. А. Ф. Черданцев указывает, что метод науки – это совокупность принципов, правил, приемов научной деятельности, применяемых для получения истинных знаний, объективно отражающих действительность. На его взгляд методы исследования, используемые наукой, в том числе и юридической, подразделяются на общие, применяемые всеми или большинством наук (например, количественные методы, структурно-функциональный, системный анализ), частнонаучные, свойственные некоторой группе наук, и специальные, присущие одной конкретной науке [11, с. 27; 32].

На наш взгляд методология теории государства и права может включать в себя следующие группы методов научного познания:

- всеобщие методы (философские, мировоззренческие подходы, выражающие наиболее универсальные принципы мышления): метафизика и диалектика;
- общенаучные методы (приемы, которые не охватывают все научное познание, а применяются лишь на отдельных его этапах, в отличие от всеобщих методов): системно-структурный подход, функциональный подход, логические приемы;
- специальные методы (способы познания, которые разрабатываются в рамках обособленных научных групп, например, в сфере естественных, либо социальных наук): метод социального

эксперимента, математический, статистический, социологический методы;

- частные методы (вырабатываемые юридическими науками и используемые только в этих науках): формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод [1, с. 13].

Резюмируя все вышеизложенное, можно констатировать следующее:

- 1) в научных кругах нет единой общепринятой точки зрения касательно классификации методов познания государственно-правовых явлений;
- 2) по нашему мнению теория государства и права как юридическая наука должна использовать все множество методов научного познания, поскольку выступает своеобразной азбукой юриспруденции, непосредственно формирует юридическое мировоззрение и способствует повышению уровня правосознания и правовой культуры в обществе и государстве;
- 3) с нашей точки зрения вопросы, связанные с методологией правовой науки, нуждаются в дальнейшем комплексном рассмотрении и анализе с позиции систематизации имеющихся теоретико-правовых знаний в данной сфере, а также дальнейшего совершенствования юридической деятельности в свете применения правовых знаний на практике.

1. Бялт В. С. Теория государства и права в схемах: Учебное пособие. – М.: Издательство Юрайт, 2020.
2. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2015.
3. Комаров С. А. Общая теория государства и права: Учебник, 8-е изд. дополн. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2011.
4. Лебедев С. А. Методология научного познания: Монография. – М.: Проспект, 2018.
5. Марченко М. Н. Теория государства и права: Учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2019.
6. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: Учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019.
7. Ромашов Р. А. Теория государства и права. – СПб.: Питер, 2009.
8. Спиридонов Л. И. Теория государства и права: Учебник / под ред. В. П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004.
9. Сырых В. М. Понятие, структура и виды правовых исследований // Методологические проблемы юридической науки: Сборник материалов семинара, посвященного 10-летию кафедры теории и истории государства и права ЮУрГУ. Челябинск, 2011.
10. Теория государства и права: Учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019.
11. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2010.

Висарханова А.М.

Понятие взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений

*Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-221

*Научный руководитель
Демидченко Ю.В.*

Аннотация

В статье рассматривается вопрос взаимодействия следователя с органами дознания. Анализируются определения различных авторов на понятие «взаимодействия следователя с органами дознания» и исследуются нормы действующего законодательства по рассматриваемому вопросу. Называются отличительные особенности и дается авторское определение взаимодействия. Рассматриваются процессуальные и непроцессуальные формы взаимодействия.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, расследование и раскрытие преступлений, следователь, органы дознания, совместная деятельность, взаимодействие.

Abstract

The article deals with the issue of interaction between the investigator and the bodies of inquiry. The definitions of various authors on the concept of “interaction of the investigator with the bodies of inquiry” are analyzed and the norms of the current legislation on the issue under consideration are examined. Distinctive features are named and the author's definition of interaction is given. Procedural and non-procedural forms of interaction are considered.

Key words: criminal proceedings, investigation and disclosure of crimes, investigator, inquiry bodies, joint activities, interaction.

Несмотря на то, что в системе правоохранительных органов России, выделяются следственные органы, специально уполномоченные вести расследование и раскрытие преступление, следует констатировать, что для достижения ощутимых результатов в борьбе с преступностью необходима более эффективная работа по выявлению преступлений, предполагающая более высокий уровень взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания.

Следует отметить, что сегодня наблюдается отсутствие единства подходов к определению понятия взаимодействия следователя с органами дознания. Так, по мнению Х.Д. Хошимова, «взаимодействие – это согласованная по целям и задачам деятельность следователей с оперативными сотрудниками, направленная на предотвращение, раскрытие, полное и объективное расследование преступлений и привлечение виновных к уголовной ответственности» [6, с. 89].

А.Х. Хорхоруни, определяет взаимодействие следователя и органов дознания как «основанную на законе, ведомственных и межведомственных нормативных актах, согласованную по месту, времени и цели, совместную деятельность следователя и органов дознания, направленное на достижение задач уголовного судопроизводства» [5, с. 79].

По мнению Н.С. Бурнашева взаимодействие следователя с органами дознания представляет собой «основанную на законе и подзаконных актах совместную и скоординированную деятельность следователей с сотрудниками уголовного розыска и других служб ОВД, осуществляемую в целях успешного раскрытия, расследования и предотвращения преступлений» [3, с. 204].

И.Ф. Герасимов и Е.В. Цыпленкова определяют взаимодействие органов предварительного следствия и дознания как «правильное сочетание и эффективное использование присущих каждому из этих органов полномочий и методов работы, основанных на законе, направленных на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений» [3, с. 72].

Более полный подход к определению понятия взаимодействия был предложен Р.С. Белкин, который определил, что «взаимодействие субъектов доказывания является одной из форм организации расследования преступлений, которая заключается в правовом взаимодействии следователя с органом дознания, согласованном по цели, месту и времени и осуществляемом в пределах их компетенции с целью полного и быстрого раскрытия преступлений, всестороннего и объективного расследования уголовного дела и розыска скрывающихся преступников, похищенных ценностей и других существенных по делу предметов» [2, с. 31].

Анализ действующего законодательства и мнений ученых по вопросам взаимодействия следователя с органами дознания позволили выделить следующие характерные (отличительные) особенности такого взаимодействия:

во-первых, взаимодействие основывается на законодательных (УПК РФ, ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ФЗ «О полиции» и др.) и подзаконных нормативных актах;

во-вторых, представляет собой совместную деятельность субъектов;

в-третьих, данная деятельность носит плановый характер;

в-четвертых, согласованность между участниками взаимодействия в части целей, места и времени;

в-пятых, в процессе осуществления взаимодействия необходимо обеспечить эффективную расстановку сил и всестороннее использование методов и средств следствия и дознания;

в-шестых, следователь и сотрудники органов дознания не подчиняются друг другу и организационно независимы друг от друга;

в-седьмых, каждый из участников взаимодействия имеет свою роль, свою задачу, компетенцию (полномочия) для решения задач в рамках осуществляемого взаимодействия.

в-восьмых, ведущая, организующая роль в этой деятельности принадлежит следователю, поскольку именно он несет ответственность за результаты расследования уголовного дела;

и, наконец, в-девятых, данная деятельность направлена на достижение назначения уголовного судопроизводства и решение возникающих проблем.

Взаимодействие следователя с органами дознания складывается из различных связей и взаимоотношений между ними, которые широки и разнообразны. Конкретные способы и порядок этих связей выражены в определенных формах. В современных условиях, с учетом положений действующего законодательства, совместная работа следователя с органами дознания - оперативными подразделениями может осуществляться в двух основных формах: процессуальной и непроцессуальной (организационной).

Процессуальные виды взаимодействия являются исчерпывающими и перечислены в ст. 38 УПК РФ [1]. К ним относятся следующие:

- 1) исполнение органами дознания письменных поручений следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий;
- 2) исполнение органами дознания письменных поручений следователя о производстве следственных действий;
- 3) исполнение органами дознания постановлений следователя о задержании, изгнании, задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий;
- 4) содействие органами дознания следователю при производстве процессуальных действий.

Согласно ч. 1 ст. 152 УПК РФ следователь может поручить производство следственных или розыскных действий в другом месте органу дознания, который обязан выполнить поручение следователя в срок не позднее 10 суток.

Следует отметить, что следователь может давать поручение о производстве не всех следственных действий. Некоторые являются лишь прерогативой следователя, по сложившейся следственной практике, хотя на это и нет прямого указания в законе.

Непроцессуальных видов взаимодействия следователя с органами дознания гораздо больше, они не отражены в УПК РФ. На практике наиболее распространенными являются: обмен информацией, взаимные консультации по отдельным вопросам, выполнение заданий, участие в тактических операциях, совместное изучение и оценка имеющихся материалов раскрываемого дела. Могут быть и другие способы непроцессуального взаимодействия.

Названные выше отличительные особенности взаимодействия следователя с органами дознания позволяют дать определению такому взаимодействию: «- это основанная на законе и подзаконных актах совместная деятельность не подчиненных

друг другу органов, обеспечивающая эффективное расстановку сил, комплексное использование методов и средств, направленных на решение проблем уголовного судопроизводства, с ведущей и организующей ролью следователя и четким разграничением компетенции участников взаимодействия».

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997.
3. Криминалистика: учебник / Под ред. А.Г. Филиппова. – М.: Юрайт, 2020.
4. Криминалистика: учебник / Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М., 1994.
5. Хорхоруни А.Х. Взаимодействие органов дознания и предварительного следствия при расследовании преступлений в Вооруженных Силах Республики Армения: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
6. Хошимов Х.Д. Взаимодействие следователя органов внутренних дел и милиции при расследовании уголовных дел: по материалам Республики Таджикистан: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.

Вырвина В.В.

Понятие и система органов местного самоуправления Российской Федерации

*Брянский филиал РАНХиГС
(Россия, Брянск)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-222

Аннотация

Статья посвящена определению содержания основных понятий и раскрытию системы органов местного самоуправления Российской Федерации. Автор осуществляет анализ теоретических и практических проблем правового регулирования организации местного самоуправления, указывая на особенности деятельности органов местного самоуправления.

Ключевые слова: орган местного самоуправления, представительный орган, публичная власть, полномочия, должностное лицо, муниципальное образование.

Abstract

The article is devoted to defining the content of the basic concepts and revealing the system of local government of the Russian Federation. The author analyzes the theoretical and practical problems of legal regulation of local government organization, points out the peculiarities of local government.

Key words: local authority, representative body, public authority, authorities, official, municipality.

Конституцией Российской Федерации установлено, что единственным источником власти в Российской Федерации (далее – РФ) является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Местное самоуправление является одной из основ конституционного строя РФ. В качестве наиболее приближенной к населению власти местное самоуправление обеспечивает защиту тех интересов граждан, которые основаны на совместном их проживании на определенной территории.

Термин «орган местного самоуправления» относится к конституционным терминам – он используется в статьях 3, 12, 15, 24, 32, 40, 46, 97, 130, 131, 132 Конституции РФ. В Федеральном законе №131-ФЗ определение этого термина изложено в следующей редакции: органы местного самоуправления – избираемые

непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

Таким образом, органы местного самоуправления – это органы самоуправляющихся территориальных сообществ, каковыми, по сути, являются муниципальные образования. Данные органы формируются непосредственно населением либо представителями населения (представительным органом) и несут ответственность за ненадлежащее осуществление своих полномочий, прежде всего перед жителями муниципального образования. Им принадлежит особое место в демократической системе управления обществом и государством, и оно определяется, прежде всего, тем, что наличие органов самоуправления обеспечивает такую децентрализацию системы управления, которая делает эту систему наиболее пригодной к обеспечению интересов населения на местах с учетом исторических и иных местных традиций.

В основе формирования системы органов местного самоуправления лежит принцип многообразия организационных форм местного самоуправления. Этот принцип относится к числу базовых принципов организации местного самоуправления и предполагает определенный простор для населения в выборе институтов выражения своих интересов на муниципальном уровне.

Систему органов местного самоуправления составляют представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольный орган муниципального образования, иные органы местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. Наличие в системе органов местного самоуправления представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования, местной администрации (исполнительно-распорядительного органа муниципального образования) является обязательным, за исключением случаев, предусмотренных законом. Наряду с наличием органов местного самоуправления предполагается возможность создания отраслевых (функциональных) и территориальных органов местной администрации (п. 8 ст. 37 Федерального закона № 131-ФЗ).

Система органов местного самоуправления в случае образования на межселенных территориях вновь образованного муниципального образования или в случае преобразования существующего муниципального образования определяется населением на местном референдуме в муниципальном образовании с численностью населения менее 100 человек (на сходе граждан) или представительным органом муниципального образования и закрепляется в уставе муниципального образования.

Решение представительного органа муниципального образования об изменении структуры органов местного самоуправления вступает в силу не ранее чем по истечении срока полномочий представительного органа муниципального образования, принявшего указанное решение.

Таким образом, существенными признаками органов местного самоуправления являются следующие:

1. таковые должны быть избраны (сформированы) населением муниципального образования на муниципальных выборах или образованы представительным органом муниципального образования;
2. таковые должны обладать собственными полномочиями по решению вопросов местного значения;
3. статус таковых как органов местного самоуправления и их собственные полномочия должны быть предусмотрены уставом муниципального образования.

Перечисленные три существенных признака органа местного самоуправления должны присутствовать одновременно, что и составляет основу его статуса.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ). «Российская газета», № 7, 21.01.2009
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 03.05.2011) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 16.09.2003). «Российская газета», № 202, 08.10.2003.
3. Авакьян С.А., Лютцер В.Л., Пешин Н.Л. и др. Муниципальное право России. М.: Проспект, 2011. С.158
4. Бабичев И. В. Муниципальное право: системно-структурный анализ юридических конструкций. М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. 188 с.

Гусейнов Н.Р., Шарипова Э.А.

К вопросу о роли административно-процессуального нормотворчества при осуществлении государственного контроля

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-223

Аннотация

Административный процесс - это упорядоченная система административно-процессуальных норм и основанная на них деятельность органов и должностных лиц. Ведомственное административно-процессуальное нормотворчество, регламентирующее осуществление государственного контроля разнообразно, и только в последнее время законодатель задумался об общих требованиях в вопросах его регулирования. Поскольку осуществление государственного управления невозможно без государственного контроля, а государственный контроль неосуществим без конкретных административных процедур, авторы приходят к выводу, что административный процесс следует изучать как отдельную учебную дисциплину в высших юридических учебных заведениях.

Ключевые слова: административный процесс, административно-процессуальное нормотворчество, административное право, исполнительная власть, государственный контроль (надзор).

Abstract

The administrative process is an orderly system of administrative and procedural rules and the activities of bodies and officials based on them. Departmental administrative-procedural rulemaking, which regulates the exercise of state control, is diverse, and only recently the legislator has thought about general requirements for its regulation. Since the exercise of public administration is not possible without State control, and State control is not feasible without specific administrative procedures, the authors conclude that the administrative process should be studied as a separate educational discipline in higher legal institutions.

Key words: administrative process, administrative-procedural norm-setting, administrative law, executive power, state control (supervision).

Понятия «административный процесс» и «государственный контроль» и их содержание действительно являются предметом для острых дискуссий уже многие годы. Взаимосвязи государственного контроля и административно-процессуального нормотворчества субъектов контроля, к сожалению, в научной литературе уделяется не так много внимания. В теории административного права государственный контроль в системе органов исполнительной власти традиционно осуществляют такие субъекты

контроля, как Правительство Российской Федерации, федеральные министерства, федеральные службы, а также органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. «Наличие двух уровней государственной власти и двух уровней законодательства в Российской Федерации предполагает собственное правовое регулирование» субъектов Федерации в сфере государственного контроля [7]. Осуществление государственного контроля, муниципального контроля «в силу недостаточного контроля за данными процессами со стороны гражданского общества» может сопровождаться нарушениями прав и свобод граждан [8]. С точки зрения законных интересов гражданского общества, проблема ограничения административного усмотрения должностных лиц исполнительной власти при осуществлении ими различных форм государственного контроля - одна из приоритетных проблем государственного управления в целом. Подписанный 31 июля 2020 года новый Федеральный закон № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который еще не вступил в силу, многие виды государственного контроля исключает из зоны своего правового регулирования. Тем самым не устраняется невообразимо большое разнообразие административно-процессуального нормотворчества при осуществлении государственного контроля (надзора) различными ведомствами. Между тем, в системе учебной дисциплины административного права, собственно административному процессу уделяется мало внимания.

В современной научно-юридической литературе, выделяют, как правило, четыре концепции, раскрывающие содержание как административного процесса, так и связанного с ним административно-процессуального права. К ним относят: юрисдикционную, судебную, управленческую и интегративную.

Говоря о юрисдикционной концепции, можно привести мнение профессора Н.Г. Салищевой. Она говорит, что административный процесс - это регламентированная законом деятельность по разрешению споров, которые возникают между сторонами административного правоотношения, которые не находятся между собой в отношениях служебного подчинения, а также по применению мер административного принуждения [1]. Другой сторонник данной концепции - С.И. Котюргин определяет административный процесс как действия гражданина при нарушении какого-либо запрета, когда поступки того или иного лица попадают под действие санкций [2].

Профессор С.М. Шахрай, напоминает, что на практике под административным и административно-процессуальным законодательством понимается законодательство, касающееся именно административных правонарушений и производства по этим делам [3].

Если обращаться к судебной концепции, можно сказать, что её последователи, в частности, Ю.Н. Стариков, отождествляют административный процесс с административным правосудием, а именно с судебным порядком рассмотрения дел, которые возникают из административных правоотношений [4]. По мнению учёного, производство по данным делам, которые осуществляется судами или же судьями, находится за рамками административного процесса, как и всякая административно-процедурная деятельность иных должностных лиц, государственных органов.

Профессор В.Д. Сорокин, который является автором многих значимых научных работ, посвящённых теории административно-процессуального права и основоположником управленческой концепции, говорил, что административное право выступает самостоятельной отраслью российского права. Однако он уточнял, что административный процесс не является “выходцем” из гражданского и уголовного процесса. Он полагал, что “прародитель” административного процесса - это исполнительная власть, которая реализуется в деятельности государственных органов, весьма разнообразных по своим конкретным функциям, задачам и целям [5].

В последние годы наиболее популярным становится подход, который близок к управленческому - интегративный, согласно которому административный процесс - это системная государственная деятельность, осуществляемая судебными органами и

публичной администрацией, в рамках административных и судебно-административных дел в соответствии с юридическими процедурами, которые закреплены в административно-процессуальном законодательстве [6]. Несмотря на то, что большинство авторитетных учёных не может прийти к общему знаменателю и конкретно определить административный процесс, соотношение административно-процессуального ведомственного нормотворчества и административного процесса в целом, административно-процессуальное право занимает очень важное место в системе российского права, также, как, в частности, административный процесс важен для функционирования отрасли административного права.

В современной науке административный процесс определяется, как система административно-процессуальных норм, а также основанная на этих нормах деятельность должностных лиц и органов государственной власти и управления по реализации возложенных на них функций, целей и задач. К признакам административного процесса можно отнести:

- соотношение с юридическим процессом, как целого и части;
- разновидность властной деятельности субъектов государственного управления;
- обеспечение условий для реализации материальных норм административного права;
- нормативное закрепление;
- регламентация административно-процессуальными нормами, в совокупности образующими самостоятельный институт административного права;
- наличие определенной структуры.

Из вышеперечисленных признаков мы видим, что административный процесс занимает не последнее место в системе административного права. Так как административное право является самостоятельной отраслью права, то его положения должны быть процессуально закреплены в отдельном его институте [7]. Также, так как административное право построено на совокупности норм и правил, случается, что эти нормы могут быть нарушены. Здесь играет немаловажную роль административный процесс, административное производство и Кодекс административного судопроизводства. Административный процесс закрепляет деятельность по разрешению индивидуальных, конкретных дел в сфере государственного управления уполномоченными на то субъектами данных отношений. Не исключена также процедура трёхстороннего разрешения дисциплинарных и административных споров в любом органе государства и при любом способе организации такого рассмотрения.

Стоит отметить, что нормы административно-процессуального права в рамках административных или судебно-административных дел определяют порядок охранительной и распорядительной деятельности публичных органов власти и управления.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что административно-процессуальное нормотворчество в целом как правовое явление не перестаёт выступать “яблоком раздора” для многих учёных - юристов. На протяжении уже практически шестидесяти лет, праведы пытаются объяснить данный институт. Существует множество подходов и концепций к его пониманию. Касательно места административного процесса в административном праве, можно сказать, что он занимает одно из главных мест, так как процессуальное закрепление и реализация материальных норм административного права является важной и нужной для российской правовой системы.

Обобщая, можно сказать, что административно-процессуальные нормы как важнейшая составляющая государственного контроля - очень важный институт и он требует дальнейшего изучения и анализа. Можно сделать вывод, что государственный контроль в целом - это упорядоченная система административно-процессуальных норм и основанная на них деятельность органов и должностных лиц. В связи с

вышесказанным, а также в связи с существованием достаточно разветвленной системы нормативных правовых актов, преимущественно, ведомственных подзаконных актов, на наш взгляд, административный процесс следует изучать как отдельную учебную дисциплину в высших юридических учебных заведениях для углубленного изучения студентами порядка осуществления государственного контроля.

1. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. М., 1964. 158 с.
2. Котюргин, С. И. Административный процесс. Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1968. 15 с.
3. Шахрай С.М. Административное право России: учебник для вузов. М., 2001. 576 с.
4. Стариков Ю. Н. Административный процесс в трудах профессора В. Д. Сорокина: «управленческая концепция» и ее значение для науки административного права // Административное право и процесс. 2015. № 1. С. 19.
5. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003. 661 с.
6. Стахов А. И. Интегративный подход к пониманию административного процесса в России // Административное право и процесс. 2015. № 2. С. 18.
7. Заика М.Л., Шарипова Э.А. Правовые основы служебного поведения государственных гражданских служащих и муниципальных служащих в субъектах Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11 (150). С. 119.
8. Шарипов В.Г., Шарипова Э.А. К вопросу о правовых основах осуществления государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации // Экономические исследования и разработки. 2020. № 3. С. 12.

Гусейнова Р.А.

Товарищество собственников жилья как форма управления многоквартирным домом

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-224

*Научный руководитель
Погодина Т.И.*

Аннотация

В статье раскрывается такое понятие как товарищество собственников жилья, дается краткая характеристика ТСЖ, перечисляются признаки ТСЖ, названы плюсы и минусы ТСЖ как формы управления многоквартирным домом.

Ключевые слова: товарищество собственников жилья, многоквартирный дом, признаки ТСЖ, создание ТСЖ, реорганизация и ликвидация ТСЖ.

Abstract

The article reveals such a concept as a homeowners' partnership, gives a brief description of a homeowners' partnership, lists the signs of a homeowners' partnership, identifies the pros and cons of a homeowners' partnership as a form of management of an apartment building.

Key words: homeowners' association, apartment building, signs of homeowners' association, homeowners' association creation, reorganization and liquidation of homeowners' association.

Данная статья посвящена товариществам собственников жилья (далее – ТСЖ). Изучение этой темы не теряет своей актуальности с момента российской жилищно-правовой реформы с начала 90-х годов прошлого столетия, которая положила начало как приватизации жилищного фонда, так и переходу функций управления многоквартирными домами (далее – МКД) из полномочий государства в руки рядовых

граждан. Даже после вступления в силу 1 марта 2005 г. Жилищного Кодекса РФ (далее – ЖК РФ) институт ТСЖ не раз реформировался, что не снизило сложности его применения обычным гражданином.

Сущность ТСЖ заключается в том, что, будучи объединением домовладельцев, данная организация является одной из форм управления МКД.

ТСЖ представляет собой некоммерческое юридическое лицо. Прежде чем дать понятие «ТСЖ», поговорим о порядке создания, реорганизации и ликвидации ТСЖ.

Созданию и регистрации ТСЖ посвящена ст. 136 ЖК РФ. Указанной нормой императивно установлен запрет на создание двух и более ТСЖ для управления одним многоквартирным домом. Однако одно ТСЖ при этом по смыслу данного законоположения может быть создано на базе двух или нескольких МКД.

Выбор ТСЖ как формы управления многоквартирным домом также происходит только путем проведения общего собрания собственников жилья. Решение о создании ТСЖ считается принятым, если за него проголосовали собственники помещений в соответствующем МКД, обладающие более чем 50 % голосов от общего числа голосов собственников помещений в таком доме. Из данного положения вполне объективно вытекают следующие выводы:

- 1) членами товарищества не обязательно будут все собственники жилых помещений в многоквартирном доме;
- 2) количество голосов может и не совпадать с числом собственников жилых помещений: так, одно жилое помещение может принадлежать на праве собственности нескольким лицам;
- 3) решения, принимаемые ТСЖ, на практике принимают меньшинство собственников жилья в МКД.

Необходимо отметить тот факт, что решение о создании ТСЖ будет тогда законным, когда в нем будут содержаться подписи всех собственников, которые голосовали за принятие такого решения. На этом же собрании необходимо и решить вопрос о принятии устава ТСЖ. Данный вопрос, впрочем, решается также как и первый, однако при составлении проекта устава ТСЖ следует обратить внимание на его содержание: полный и императивный перечень вопросов, которые должны быть предусмотрены уставом ТСЖ, содержится в ч. 2 ст. 135 ЖК РФ.

Очередным обязательным правилом является указание на то, что число членов ТСЖ, создавших товарищество, должно превышать 50 % голосов от общего числа голосов собственников всех помещений в МКД. Данный «минимум» членов ТСЖ необходимо поддерживать и после создания ТСЖ под страхом ликвидации. Т. е. в случае, когда в результате выхода (по самым различным причинам) членов ТСЖ из товарищества их число окажется менее половины всех собственников в данном МКД, то товарищество обязано ликвидироваться в силу прямого указания ч. 2 ст. 141 ЖК РФ.

После принятия устава и достижения согласия о создании ТСЖ необходимо зарегистрировать ТСЖ как юридическое лицо по правилам, предусмотренным ЖК РФ и Федеральным законом от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 31.12.2017) "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей". Для этого необходимо обратиться в соответствующий налоговый орган по месту нахождения постоянно действующего исполнительного органа ТСЖ. В данный орган необходимо представить следующий перечень документов:

- 1) заявление о государственной регистрации ТСЖ согласно форме, подписанное уполномоченным лицом (это может быть лицо, уполномоченное на общем собрании или уже выбранный председатель ТСЖ);
- 2) устав ТСЖ (в двух экземплярах);

- 3) протокол общего собрания собственников помещений в МКД, на котором приняты решения о создании товарищества и об утверждении его устава;
- 4) сведения о лицах, проголосовавших на общем собрании собственников помещений в МКД за создание ТСЖ, о принадлежащих этим лицам долях в праве общей собственности на общее имущество в МКД;
- 5) документ об уплате госпошлины. За государственную регистрацию ТСЖ уплачивается государственная пошлина (пп. 1 п. 1 ст. 333.33 Налогового Кодекса РФ) в размере 4 000 рублей;
- 6) нотариальная доверенность (если с документами обращается представитель).

В результате государственной регистрации ТСЖ выдается документ, подтверждающий факт его регистрации – это свидетельство о государственной регистрации юридического лица.

ТСЖ прекращает свою деятельность путем реорганизации. Общее собрание членов товарищества вправе произвести слияние с другим аналогичным товариществом либо присоединение к нему или провести преобразование товарищества. Реорганизация в форме разделения и выделения возможна только в случае, если ТСЖ было создано в двух или более МКД. При этом Крашенинников П.В. отмечает, что «возможность преобразования ТСЖ в жилищный или жилищно-строительный кооператив противоречит и здравому смыслу, и законодательству». Это действительно парадоксально, ведь ЖК и ЖСК создаются с целью обеспечения жильем своих членов, тогда как члены ТСЖ и так уже являются собственниками своих жилых помещений.

Проанализировав порядок создания, государственной регистрации, реорганизации и ликвидации ТСЖ, необходимо дать понятие «ТСЖ». Жилищное законодательство дает нам понятие «ТСЖ» в ч. 1 ст. 135 ЖК РФ. Однако данная дефинитивная норма представляется весьма перегруженной, из-за чего есть опасения, что «рядовой» гражданин, открыв Кодекс, не сможет правильно определить, в чем же заключается сущность ТСЖ.

Ограничимся только перечислением тех признаков, которые вытекают из законодательной дефиниции «ТСЖ». Во-первых, ТСЖ является одним из видов товарищества собственников недвижимости (далее-ТСН), соответственно ему присуще все то регулирование, которое содержится в ГК РФ о ТСН. Во-вторых, обозначены цели деятельности ТСЖ, которые выражены более широким образом применительно к целям управления МКД (ст. 161 ЖК РФ). Так, формулировка ст. 135 ЖК РФ позволяет товариществу в установленных случаях распоряжаться общим имуществом в МКД, а также заниматься «приращением» такого имущества. Закреплена также возможность предоставления коммунальных услуг собственникам жилья в МКД, что в своей сущности подменяет деятельность ресурсоснабжающих организаций. Таким образом, исходя из анализа законодательного определения, следует сделать вывод, что оно сформулировано лишь по целевому признаку и не учитывает иных признаков ТСЖ. Поэтому постараемся дать свое определение «ТСЖ», предварительно раскрыв его признаки.

Признаки ТСЖ можно условно поделить на две группы: признаки свойственные ТСЖ как юридическому лицу и сущностные признаки ТСЖ. Такое разделение обусловлено тем, что у ТСЖ как у некоммерческой организации «цели создания и деятельности большинства из них находятся за пределами правовой регламентации и в определенных случаях могут быть достигнуты без признания соответствующих образований субъектами гражданского права».

Признаки ТСЖ как юридического лица, вытекают из доктрины гражданского права и собственно ст. 48 ГК РФ:

1. ТСЖ обладает организационным единством. Этот признак заключается в том, что у ТСЖ имеются определенные внутренние органы, которые находятся в системной связи друг с другом. Организационное единство юридического лица отражается в его учредительном документе – уставе;
2. ТСЖ обладает имущественной обособленностью. Данный признак означает, что имущество ТСЖ отделено от имущества других лиц, в частности его учредителей, т.е. членов ТСЖ. Имущественная обособленность ТСЖ отражается в самостоятельном бухгалтерском балансе и смете, а также дополнительно можно выявить этот признак и в том, что ТСЖ может иметь расчетный и иные счета в банке. Помимо этого, согласно ст. 151 ЖК РФ закрепляются имущественные права ТСЖ на движимые и недвижимые вещи, а также определяются пути получения такого имущества;
3. ТСЖ обладает самостоятельной имущественной ответственностью. Этот признак раскрывается в ч. 6 ст. 135 ЖК РФ, согласно которой ТСЖ отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. ТСЖ не отвечает по обязательствам членов товарищества, а члены ТСЖ не отвечают по обязательствам товарищества;
4. ТСЖ обладает способностью выступать в гражданском обороте от собственного имени. Этот признак выражается в ч. 2 ст. 135 ЖК РФ: устав ТСЖ должен содержать сведения о его наименовании, включающем слова "товарищество собственников жилья". Но это не главное его выражение. ТСЖ является некоммерческой организацией, соответственно получение прибыли в качестве своей основной цели не имеет, однако согласно ст. 152 ЖК РФ для достижения целей, предусмотренных уставом, ТСЖ вправе заниматься хозяйственной деятельностью (например, сдача в аренду или внаем части общего имущества МКД и пр.). Доход, полученный в результате такой деятельности, распределяется только на цели, которые выбрало общее собрание членов ТСЖ.

Правоспособность ТСЖ – специальная, поэтому учредителям важно правильно определить цели еще при создании ТСЖ.

Переходя к существенным признакам, следует назвать тот факт, что ТСЖ — это, во-первых, объединение собственников помещений, т. е. буквально соседей (этот признак раскрывает социальную функцию товарищества). Во-вторых, ТСЖ это, собственно, одна из форм управления МКД. В-третьих, ТСЖ создается для управления (владение, пользование и в установленных случаях распоряжение) общим имуществом.

На основании вышеназванных признаков ТСЖ следует понимать как объединение собственников жилых помещений в МКД, зарегистрированное в установленном порядке в качестве юридического лица, созданное в целях управления МКД и общим имуществом собственников в МКД, а также для создания, содержания, сохранения и приращения указанного имущества.

Членом ТСЖ можно стать в двух случаях: подача заявления о вступлении в ТСЖ, которое нельзя отклонить, а также с самого начала создания ТСЖ путем голосования «за» его создание. При вступлении в члены ТСЖ кандидат обязан предоставить достоверную информацию о себе, а в случае необходимости обновлять ее. В свою очередь ТСЖ ведет реестр своих членов, в котором содержатся все необходимые сведения о членах ТСЖ.

Членство в ТСЖ прекращается также по двум основаниям. Во-первых, в случае подачи заявление о выходе из членов ТСЖ. Во-вторых, с момента отпадения титула, т. е. прекращения права собственности на жилое помещение в МКД.

Лица, хоть и не являющиеся членами ТСЖ, все-таки имеют определенные права по отношению к ТСЖ. Данное положение вполне логично, иначе отсутствие каких-либо правомочий у данных лиц в этом случае означало бы неправомерное ограничение прав собственников жилых помещений в МКД. Так, названные лица имеют право:

1. Получать от органов управления товарищества информацию о деятельности товарищества;
2. Обжаловать в судебном порядке решения органов управления товарищества;
3. Предъявлять требования к товариществу относительно качества оказываемых услуг и (или) выполняемых работ;
4. Ознакомиться с внутренними документами товарищества.

ТСЖ как форма управления МКД в результате всего вышеназванного показывает себя как достаточно эффективная модель управления общим имуществом в МКД. Однако, несмотря на достаточно большое количество зарегистрированных ТСЖ (по данным на сайте государственной корпорации «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства») львиной долей домов до сих пор управляют «управляйки». Причиной этому является проблема не столько правовая, сколько социальная – граждане просто не готовы взять на себя обязанности по управлению МКД, не готовы скооперироваться вместе с соседями для достижения общего блага. Такая «леность» так или иначе является основанием для прихода управляющей организации, уровень доверия к которой у тех же граждан гораздо ниже, но граждане все-равно остаются бездействовать.

Таким образом, несмотря на приближенность ТСЖ к гражданам, эффективность и самостоятельность управления МКД при этой форме, ТСЖ все же остается неизвестной гражданину «экзотикой». Поэтому необходимо воспитывать грамотного собственника МКД, который будет осведомлен о правовых основах жилищного права. Прежде всего такая обязанность лежит на публичных институциях: в школах должны прививать правовые знания в названной сфере, а органы государственной власти и местного самоуправления должны проводить информационно-просветительскую работу с населением.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ // "Российская газета", N 238-239, 08.12.1994 (ред. от 29.12.2017).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2004 N 188-ФЗ // "Российская газета", N 1, 12.01.2005 (ред. от 31.12.2017).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 05.08.2000 N 117-ФЗ // "Парламентская газета", N 151-152, 10.08.2000 (ред. от 29.12.2017).
4. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федеральный закон от 08.08.2001 N 129-ФЗ // "Российская газета", N 153-154, 10.08.2001 (ред. от 31.12.2017).
5. Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств: приказ ФНС России от 25.01.2012 N ММВ-7-6/25@ // "Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти", N 44, 29.10.2012 (ред. от 25.05.2016).
6. Крашенинников, П.В. Жилищное право. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 384 с.
7. Кузьмак, Р. Легитимное создание ТСЖ в нарушение закона: пути выхода / Р. Кузьмак // Жилищное право. 2014. N 7. С. 45 – 52.
8. Перепелкина, Н.В. Товарищество собственников жилья: создание и деятельность / Н.В. Перепелкина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. N 7. С. 92 – 99.
9. Сойфер, Т.В. Некоммерческие организации: некоторые проблемы гражданско-правового статуса / Т.В. Сойфер // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. N 2. С. 3 – 13.
10. Фролова, О.Е. Управляйте домом правильно: что нужно знать собственнику жилья / О.Е. Фролова, С.С. Сохранов, С.А. Яременко и др. М.: Редакция "Российской газеты", 2017. Вып. 20. 176 с.

Даниленко Н.Е.

К вопросу об основаниях и условиях рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением

*Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-225

*Научный руководитель
Блинников В.А.*

Аннотация

В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов особого порядка судебного разбирательства, связанный с определением оснований и условий его применения. Анализируются различные точки зрения ученых-процессуалистов по определению оснований и условий применения данной формы судебного разбирательства; исследуется содержание норм уголовно-процессуального закона по рассматриваемому вопросу. Делается вывод о том, что необходимо различать основания и условия применения особого порядка судебного разбирательства, предлагается авторское понимание содержания данных категорий. Кроме того, вносятся предложения по внесению изменений в действующий УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, особый порядок судебного разбирательства, согласие обвиняемого, заявление ходатайства, основания, условия.

Abstract

The article deals with one of the controversial issues of a special order of court proceedings related to the determination of the grounds and conditions for its application. Various points of view of legal scholars on the determination of the grounds and conditions for the application of this form of legal proceedings are analyzed; investigates the content of the norms of the criminal procedure law on the issue under consideration. It is concluded that it is necessary to distinguish between the grounds and conditions for the application of a special order of court proceedings, the author's understanding of the content of these categories is proposed. In addition, proposals are being made to amend the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, special order of trial, consent of the accused, application of a petition, grounds, conditions

По официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в последние годы более 60% уголовных дел рассматриваются в особом порядке судебного разбирательства [11], который, как показывают результаты судебной практики, давно потерял качество «особенного», став типичной формой уголовного судопроизводства [7, с. 5].

Необходимо отметить, что как до принятия действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ), так и после его вступления в законную силу ряд ученых-процессуалистов в своих работах поднимали проблемные вопросы особого порядка судебного разбирательства. Так, одним из дискуссионных по сегодняшний день вопросов, носящий как практический, так и теоретический характер, является проблема определения оснований и условий применения особого порядка судебного разбирательства при рассмотрении уголовных дел.

Если обратиться к названию ст. 314 УПК РФ, то можно увидеть, что законодатель говорит об основаниях применения особого порядка судебного

разбирательства [1]. Однако, проанализировав содержание данной статьи, мы видим, что в ней говорится не только об основаниях, но и об условиях. Получается, что законодатель, используя оба понятия (основания и условия), как в названии, так и в тексте ст. 314 УПК РФ, не проводит разграничения данных категорий, и, соответственно, оснований и условия применения гл. 40 УК РФ.

К сожалению, в научных трудах, предметом которых выступил особый порядок судебного разбирательства, также отсутствует единый подход к решению вопроса о разграничении оснований и условий применения данной формы судебного разбирательства.

Так, вслед за законодателем одни ученые-процессуалисты также не различают основания и условия применения особого порядка судебного разбирательства [14, с. 266], рассматривая их во взаимосвязи как сложную структуру [9, с. 60].

Другие ученые говорят о необходимости разграничения оснований и условий применения особого порядка судебного разбирательства. При этом, по мнению А.Ф. Ефремова «в качестве правовых оснований применения особого порядка судебного разбирательства выступают правовые предпосылки, возникающие до начала рассмотрения уголовного дела» [10, с. 56], а по мнению А.И. Ивенского «условиями применения особого порядка судебного разбирательства выступают обстоятельства, установленные в результате проверочных действий, проведенных судом, при наличии полного набора которых суд получает право вынести приговор в сокращенные сроки» [5, с. 6].

Считаем необходимым различать основания и условия. Без наличия фундамента, который является базисом, отправной точкой, достичь цели невозможно. Но для получения результата, в нашем случае - рассмотрения дела в особом порядке судебного разбирательства, необходимо выполнение условий, зависящих от возможности применения данного порядка. Таким образом, для рассмотрения дела в особом порядке судебного разбирательства необходимо соблюдение как оснований, так и условий. При этом в качестве правовых оснований для применения особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу необходимо учитывать правовые предпосылки, а условия должны включать обстоятельства строго фактического плана.

Придерживаясь точки зрения ученых, разграничивающих основания и условия применения особого порядка судебного разбирательства, следует констатировать, что на сегодняшний день так и не сложилось единого понимания по вопросу о том, какие обстоятельства следует отнести к основаниям, а какие - к условиям применения особого порядка судебного разбирательства. В связи с отсутствием единого подхода по данному вопросу рассмотрим различные позиции относительно определения оснований и условий применения особого порядка судебного разбирательства по уголовному делу и предложим свое видение данных категорий.

В соответствии с положениями ст. 314 УПК РФ - обвиняемый вправе согласиться с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести. В этом случае суд, как следует из закона, вправе вынести приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке, если он убежден, что:

- 1) обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства;
- 2) ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником;
- 3) государственный или частный обвинитель и (или) потерпевший не возражают против заявленного обвиняемым ходатайства.

Однако у ученых-процессуалистов есть своя точка зрения по данному вопросу. Так, С.А. Есенкулова выделяет только одно основание рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства «это ходатайство обвиняемого об особом

порядке судебного разбирательства. Условия - это обстоятельства, без которых невозможно существование определенного явления или осуществление каких-либо действий» [4, с. 14].

Согласно точке зрения А.В. Кищенко, «основанием для применения особого порядка принятия судебного решения являются положения, сформулированные законодателем в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, а именно: 1) наличие согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением; 2) наличие ходатайства обвиняемого о вынесении приговора без проведения судебного разбирательства; 3) наличие согласия потерпевшего на вынесение приговора без судебного разбирательства; 4) отсутствие у обвиняемого свойств особого субъекта; 5) наличие согласия государственного или частного обвинителя» [6, с. 19].

По мнению Т.Я. Хабриевой «необходимо наличие лишь оснований в качестве достаточности удовлетворения ходатайства обвиняемого о применении особого порядка судебного разбирательства: 1) согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением; 2) обвиняемым заявлено ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке» [13, с. 256].

Обобщая рассмотренные мнения ученых-процессуалистов, мы приходим к выводу, что только ходатайство обвиняемого следует отнести к основаниям применения особого порядка судебного разбирательства. Полагаем, что под данным основанием следует понимать правовые предпосылки, которые должны возникнуть перед началом судебного разбирательства уголовного дела, и только их наличие позволяет суду определить возможность рассмотрения уголовного дела в упрощенном порядке. Иные обстоятельства связаны с условиями, их наличие без обращения подсудимого к рассмотрению дела в особом порядке не меняет форму судебного разбирательства.

Далее, из положений гл. 40 УПК РФ, следует, что к условиям применения особого порядка судебного разбирательства относятся следующие обстоятельства:

- заявление обвиняемым ходатайства в момент ознакомления с материалами уголовного дела (абз. 1 ч. 2 ст. 315 УПК РФ) или на предварительном слушании (абз. 2 ч. 2 ст. 315 УПК РФ);
- согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ч. 1 ст. 314 УПК РФ);
- предъявление обвинения в совершении преступлений небольшой или средней тяжести (ч. 1 ст. 314 УПК РФ);
- отсутствие возражений государственного (или частного) обвинителя и потерпевшего против ходатайства, заявленного обвиняемым;
- заявление ходатайства добровольно и после проведения консультаций с защитником (п. 2 ч. 2 ст. 314; ч. 1 ст. 315 УПК), а также осознание обвиняемым характера и последствий заявленного им ходатайства осведомленности о характере и последствиях своего ходатайства (п. 1 ч. 2 ст. 314 УПК РФ);
- обоснованность обвинения подтверждается собранными по уголовному делу доказательствами (ч. 7 ст. 316 УПК РФ).

Однако данный перечень нельзя признать исчерпывающим. Так, согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» устанавливается дополнительное условие, которое не названо в гл. 40 УПК РФ «отсутствие оснований для прекращения уголовного дела» [12].

Помимо указанных выше условий особого порядка, в литературе дополнительно выделяются признание вины обвиняемым [2, с. 83], необходимость возмещения вреда, причиненного потерпевшему [8, с. 260], и отсутствие возражений со стороны обвиняемого по предъявленному гражданскому иску [3, с. 75]. Эти условия неоднозначны в научной литературе.

Разнообразие мнений и подходов к определению оснований и условий применения особого порядка судебного разбирательства свидетельствует о необходимости законодательного уточнения перечня оснований и условий для предотвращения необоснованного расширения списка и необоснованного ограничения прав обвиняемого по уголовному делу.

Таким образом, под основанием применения особого порядка судебного разбирательства мы предлагаем понимать ходатайство обвиняемого о вынесении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Все остальные требования, перечисленные законодателем в гл. 40 УПК РФ, выступают условиями применения данного порядка, а именно: согласие государственного или частного обвинителя и потерпевшего; совершение обвиняемым преступления небольшой или средней тяжести; осведомленность обвиняемого о характере и последствиях поданного им ходатайства; ходатайство было заявлено обвиняемым добровольно и после консультации с защитником; обвинение, с которым согласился подсудимый, обосновано и подтверждено доказательствами, собранными по уголовному делу.

Считаем, что основания и условия применения особого порядка судебного разбирательства должны быть четко обозначены и перечислены законодателем в одной из норм гл. 40 УПК РФ. В связи с этим предлагаем ст. 314 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 314. Основания и условия применения особого порядка судебного разбирательства.

1. Основанием применения особого порядка судебного разбирательства является ходатайство обвиняемого о вынесении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

2. Условиями применения особого порядка судебного разбирательства являются:

- 1) признание обвиняемым вины в совершении преступления и согласие с предъявленным ему обвинением
- 2) обвиняемому инкриминируется преступление, наказание за которое, предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации, не превышает пяти лет лишения свободы;
- 3) обвинение, с которым согласен обвиняемый, обосновано и подкреплено доказательствами, собранными по уголовному делу;
- 4) обвиняемый осведомлен о характере и последствиях поданного им ходатайства;
- 5) ходатайство заявлено добровольно и после проведения консультации с защитником;
- 6) государственный или частный обвинитель и потерпевший соглашаются с ходатайством обвиняемого о вынесении приговора в особом порядке судебного разбирательства.

3. Если суд установит, что основания и условия применения особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного частями первой и второй настоящей статьи, не соблюдены, то он принимает решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке».

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.
2. Арсенова Н.В. Основания и условия применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы IX Междунар. науч.- практ. конф. - Барнаул, 2011.
3. Великий Д.П. Особый порядок судебного разбирательства: теория и практика // Журнал российского права. - 2005. - № 6.

4. Есенкулова С.А. Упрощенный порядок судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2013.
5. Ивенский А.И. Приговор - акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядке судебного разбирательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2006.
6. Кищенко А.В. Упрощенные производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Владивосток, 2010.
7. Колоколов Н.А. В поисках convenient criminal law // Уголовное судопроизводство. - 2014. - № 1.
8. Лагуткина Н.Б. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Наука и современность. - 2013. - № 21.
9. Мурашкин И.Ю. Заявление ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке // Вестник Омского юридического института. - 2011. - № 4(17).
10. Особый порядок судебного разбирательства: проблемы теории и практики: монография / науч. ред. А.Ф. Ефремов. - Саратов, 2008.
11. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 23.02.2021 г.)
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (в ред. от 22.12.2015) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2007. - № 2.
13. Правосудие в современном мире: монография / Под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. - М.: Норма, Инфра-М, 2012.
14. Щербина Е.В. Основания для рассмотрения уголовного дела в особом порядке // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. - 2013. - № 4(42).

Демченко А.А., Мамин А.С.

**Методика проведения отдельных мероприятий, связанных с
несанкционированным доступом к системам дистанционного банковского
обслуживания**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-226

Аннотация

Данная статья направлена на рассмотрение и анализ несанкционированного доступа к системам дистанционного банковского обслуживания. Авторы уделяют внимание правовым проблемам в данной сфере, а также предлагают решение данной проблемы.

Ключевые слова: дистанционное банковское обслуживание, вредоносная программа, денежные средства.

Abstract

This article is aimed at reviewing and analyzing unauthorized access to remote banking systems. The authors pay attention to the legal problems in this area, and also offer a solution to this problem.

Keywords: remote banking, malware, money.

Анализ практики органов внутренних дел в области несанкционированного доступа к системам дистанционного банковского обслуживания позволяет наглядно рассмотреть схему такого алгоритма. В случае попадания на пользовательский персональный компьютер, вредоносное программное обеспечение проводит анализ составляющих носителя жесткого магнитного диска, ищет определенные виды файлов по сигнатурам, которые входят в состав программного обеспечения систем дистанционного банковского обслуживания. Однако, если подобных файлов не обнаружится, то вредоносная программа ищет пути распространения через локальные сети и уже там продолжает действовать. При обнаружении результата в зависимости от найденного программного продукта, представленного разработчиками систем дистанционного банковского обслуживания, вносит дополнительные модули

программного обеспечения, при этом сообщая злоумышленнику о том, что на анализируемом персональном компьютере обнаружено программное обеспечение определенного банка. Подобная вредоносная программа собирает и «запоминает» данные о клиенте банка, пароли, вводимые клиентом, лог-файлы действий пользователя, его переписку и т.д.

Особо важной информацией являются сведения об остатке денежных средств, находящихся на счете клиента, т.к. на основе таких данных производится построение анализа хода денежных средств и их использование. Злоумышленнику необходим момент аккумуляции максимальной суммы денежных средств на счете клиента, как правило, в такой момент он совершает попытку несанкционированного перевода денежных средств.

Исходя из некоторых технических подробностей следует отметить, что в большинстве случаев в тот момент, когда злоумышленник вводит команду о подобном переводе денежных средств, данная команда поступает через цепочку заранее скомпрометированных компьютеров, находящихся в разных местах планеты, данная операция делает проблематичным установление реального лица, совершившего инцидент. Как правило, на серверах банковской системы установлены необходимые настройки фильтров безопасности, в результате которых администрирование клиентом системы дистанционного банковского обслуживания будет возможно только с определенного адреса в сети выделенного компьютеру или физического адреса (IP - адрес и MAC - адрес) оговоренного ранее с пользователем или с диапазона таких адресов, возможно, выделенных интернет - провайдеру или одному из сегментов сети Интернет. В таком случае злоумышленник пытается подобрать и осуществить несанкционированный доступ к конкретному персональному компьютеру.

При осуществлении несанкционированного перевода сравнительно небольшой суммы денежных средств со счета скомпрометированного юридического лица на заранее подготовленный счет физического лица подельник или сам злоумышленник, который получает денежные средства из банкомата знает о примерном времени перевода, в таком случае, он может спланировать свои действия досконально. В некоторых случаях к такому счету привязывается абонентский номер оператора сотовой сети связи, и при получении сообщения о пополнении счета лицо обналичивает переведенные суммы денежных средств. Основным критерием при получении наличных лицом из банкомата является максимальная анонимность, на это влияет и выбор расположения банкомата, проходимость места, освещение и его видео оснащенность. На практике известны не многие случаи, когда видео безопасность обеспечивается качественно, когда удается распознать и выявить отличительные черты лица. При этом наблюдается извечная проблема периода времени хранения записанного материала из-за количества объектов наблюдения и времени наблюдения делает многие инциденты не раскрытыми.

Говоря об оперативно-розыскных мероприятиях, которые возможно проводить при получении сообщения об инциденте, связанном с несанкционированным доступом к системе дистанционного банковского обслуживания следует отнести мероприятия, направленные на обеспечение связи с банком, обслуживающим клиента, со счета которого не санкционированно списаны денежные средства, для того, чтобы принять меры к приостановки не согласованной операции по переводу денежных средств. Руководство банка, как правило, заинтересовано в сохранении своей репутации и охотно идут на встречу в вопросах разрешения инцидента с правоохранительными органами. Данный этап в раскрытии данного рода преступления является перспективным, так как с его помощью представляется возможным вернуть похищенные денежные средства.

Имеющим важное значение мероприятиям является действия после инцидента, направленные на обеспечение сохранности информации на носителях жестких магнитных дисков скомпрометированного компьютера, на котором установлено программное обеспечение системы дистанционного банковского обслуживания. Для

этого при получении сообщения о рассматриваемом инциденте необходимо принять меры об уведомлении лиц, администрирующих компьютер, на котором был установлен программный продукт, о невозможности дальнейшего его использования, отключения его от сети Интернет и питания. Необходимо пояснить, что ни при каких условиях не нужно пытаться запускать компьютер, так как с каждым разом логическая структура жесткого диска, а, следовательно, и необходимая для исследования криминалистическая информация будет безвозвратно потеряна, восстановить причинно-следственную связь совершенного инцидента не представится возможным. Как можно быстрее необходимо назначить и истребовать исследование, которое может дать необходимую информацию для результативного и качественного расследования преступления.

После истребования сведений у банковской структуры о статистике подключений клиента к серверу банка необходимо выявить неизвестные адреса пользователей сети, далее, при наличии таких, принять меры для их установления.

Целесообразно истребовать сведения от интернет-провайдера клиента с целью получения статистики подключения к сети интернет его абонента. При обработке сведений необходимо обратить внимание на временные интервалы подключения, физические адреса устройств, а также подключения к выделенному абоненту других пользователей с других адресов сети Интернет. При обработке допускается возможность установить цепочку, по которым злоумышленник осуществлял администрирование, это могут быть проверочные соединения или периоды времени самого несанкционированного администрирования, в ходе которого были переведены денежные средства. Период исследуемых сведений лучше расширить, так как проверочные соединения злоумышленника могут иметь спонтанный и хаотичный характер.

Для понимания работы вредоносного программного обеспечения необходим подробный опрос пользователя, который непосредственно администрировал систему дистанционного банковского обслуживания с целью выявления поведения операционной системы до инцидента и в его момент.

Следует признать, что рассмотренная в настоящей работе методика проведения отдельных мероприятий, связанных с несанкционированным доступом к системам дистанционного банковского обслуживания представляет собой правовую проблему в ближайшее время вряд ли может быть легко разрешена и, следовательно, борьба с хищениями денежных средств с использованием вредоносных программ будет по-прежнему затруднена. Для улучшения сложившейся ситуации, по мнению автора, необходимо создание целенаправленной деятельности правоохранительных органов. В частности, нуждаются в совершенствовании нормы административно-процессуального, уголовно-процессуального законодательства. Требуются руководящие разъяснения высшей судебной инстанции по некоторым сложным вопросам, касающимся определения места производства предварительного расследования по уголовным делам о таких преступлениях. Необходима разработка методологии проведения экспертными подразделениями органов внутренних дел исследований носителей информации, подвергшихся воздействию вредоносных компьютерных программ, а также совершенствование деятельности самих экспертных подразделений по проведению судебных компьютерно-технических экспертиз. Отдельными задачами являются разработка централизованного учета оперативной информации, поступающей в процессе борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации, а также организация информационно-аналитической работы.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 15.01.2021).

2. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 2.12. 1990 г. № 395-І (ред. от 30.12.2020)// Ведомости съезда народных депутатов РСФСР, 06.12. 1990 г. № 27 ст. 357.
3. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (01.01.2021)// Собрание законодательства Российской Федерации, 15 июля 2002 г. № 28 ст. 2790
4. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации, 04.07. 2011 г. № 27 ст. 3872
5. Аникин А. В. Защита банковских вкладчиков. Российские проблемы в свете мирового опыта. М., 2017. С. 30.
6. Тавасиев, А.М. Банковское регулирование и надзор в 2-х частях. Часть 2. Технологии обслуживания клиентов. Учебник для СПО / А.М. Тавасиев. - М.: Юрайт, 2014. - 449 с.

Елесина И.Г.¹, Воронов А.С.², Елесина Е.А.³

Проблемы регулирования розыска и этапирования лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда

¹*Санкт-Петербургский университет МВД России*

²*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения*

³*Российский государственный университет правосудия (Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-227

Аннотация

В статье представлены проблемы организации розыска лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, совершивших побег из-под стражи, осужденных, уклоняющихся от исполнения наказания. Рассмотрены проблемы правового регулирования конвоирования таких лиц в регион совершения преступления для проведения следствия и суда.

Ключевые слова: розыск, преступление, подозреваемые и обвиняемые, лица, скрывающиеся от следствия и суда, оперативно-розыскная деятельность, конвоирование.

Abstract

The article presents the problems of organizing the search for persons suspected and accused of committing crimes hiding from the bodies of inquiry, investigation and court, who escaped from custody, convicted, evading the execution of punishment. The problems of legal regulation of escorting such persons to the region of committing a crime for investigation and trial are considered.

Key words: search, crime, suspects and accused, persons hiding from investigation and trial, operational-search activity, escorting.

На современном этапе розыск лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, совершивших побег из-под стражи, осужденных, уклоняющихся от исполнения наказания, является актуальной правовой и практической проблемой.

В первую очередь это обусловлено территориальным фактором – значительной по площади территорией Российской Федерации, малонаселенными территориями Сибири, Дальнего Востока, и, следовательно, значительно отдаленных друг от друга дислокаций правоохранительных органов.

С точки зрения правовой регламентации проблема розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, обусловлена рядом неурегулированных нормативными правовыми актами организации процедуры сбора и систематизации информации о таких лицах, межведомственного взаимодействия органов дознания,

следствия, суда, органов уголовно-исполнительной системы, а также порядка принудительного перемещения таких лиц к месту проведения расследования.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) в 2015 году от общего числа лиц, скрывающихся от следствия, объявленных в розыск разыскано 67,5%. С 2017 по 2019 годы количество неразысканных лиц увеличилось с 69114 до 78343, в том числе ранее судимых (с 8228 до 10446), в 2020 году общее число лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, составило 79321.

Учитывая перечисленные проблемы, представляется актуальным анализ проблем в области правового регулирования и организации процедуры розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, а также их этапирования в регион (населенный пункт) совершения преступления.

Деятельность органов МВД в области розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда регулирует Конституция РФ, Федеральный закон от 12 августа 1995 года N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором в качестве одной из задач оперативно-розыскной деятельности установлена задача по розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда (ст. 2 Закона об оперативно-розыскной деятельности). В ст. 4 Закона об оперативно-розыскной деятельности указано на возможность со стороны уполномоченных органов издавать нормативные акты, регламентирующие тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий, их организацию и проведения (в случае, если эти акты соответствуют требованиям Конституции Российской Федерации, Федеральных законов). Сложности в области правового регулирования розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия, суда, а также их перемещения к месту проведения расследования (суда), обусловлены тем, что регламентация практической деятельности осуществляется ведомственными актами МВД.

Объявление лица, скрывающегося от органов дознания, следствия или суда, осуществляется на основе постановления следователя, которое утверждается руководителем следственного органа, либо по представлению прокурора о выдаче следователем такого постановления. Законодательство и ведомственные акты регламентируют ситуации, в которых следователем должно быть вынесено постановление об объявлении в местный розыск или федеральный розыск, при этом, перечня случаев, в которых объявление в розыск инициирует прокурор (через поручение следственным органам) в законодательстве не содержится. Основными проблемами в области реализации полномочий органов следствия по розыску лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, являются такие проблемы, как превышение полномочий, недостаточное внимание к соблюдению норм процессуального права (преждевременное объявление в розыск лиц, которые по уважительной причине не явились по повесткам), недостаточное обоснование необходимости объявления в розыск, несвоевременное объявление в розыск.

На современном этапе в работе информационных центров органов МВД используются следующие системы оперативно-справочного учета выявления лиц, скрывающихся от органов следствия, дознания и суда:

- Изучение учетных регистров, баз данных с целью систематизации сведений о разыскиваемом лице.
- Изучение движения средств по счетам и банковским картам (на основании запроса, направляемого в кредитные организации).
- Изучение сделок, особенностей их регистрации, движения средств в рамках сделок, изучение фактов приобретения имущества или продажи (по запросу к Росимуществу).
- Направление запросов в системы федерального уровня (АИС «Загранпаспорт» и др.) с целью формирования данных о предполагаемом местонахождении разыскиваемого лица.

- Формирование запросов о содействии в Росфинмониторинг (в случае подозрения в финансировании террористической деятельности).

Перечисленные виды деятельности не столько регламентированы, сколько выработаны практикой деятельности сотрудников МВД.

Для решения проблем в области обмена информацией из систем оперативно-справочного учета представляется актуальной организация межведомственного взаимодействия ОВД и информационных центров. Целесообразно представить руководителям следственных органов на местах доступ по паролям к системам оперативно-справочного учета на региональном уровне, причем, как в «своем» регионе, так и в соседних, так как разыскиваемые лица могут быстро перемещаться по субъектам РФ, прилегающим друг к другу.

В качестве предложений по решению проблем организации розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, можно представить следующие рекомендации по их решению:

- Урегулирование в УПК РФ порядка передачи сообщений (заявлений) о преступлении. В частности, представляется целесообразным закрепить норму о том, что органы дознания и следствия, при получении сообщения (заявления) о преступлении в другой местности, обязаны передать оперативно данное сообщение соответствующему органу дознания или следствия и проследить факт его регистрации и начала доследственной проверки.
- Необходимо выработать ряд критериев, на основании которых следователь может вынести мотивированное постановление о начале розыска лица в другой местности (регионе) и поручить розыск лица другому органу МВД по территориальности. Актуально закрепить полномочия по поручению объявлению розыска за руководителем следственного органа.
- Необходимо закрепить в УПК РФ порядок определения подсудности в части территориальной подсудности по результатам розыска, установив норму, согласно которой, если лицо, подозреваемое (обвиняемое) в совершении преступления, задержано в другом регионе, то необходимо передать уголовное дело по месту задержания либо транспортировать это лицо в регион совершения преступления. Данное решение должно быть принято прокурором либо руководителем следственного органа, с направлением копии прокурору.
- Представляется актуальным дополнить УПК РФ нормой о том, что в случае наличия основания для передачи по территориальности в пределах одного органа предварительного следствия решение о передаче может быть принято руководителем следственного органа.

Основой классификации учреждений, выполняющих задачу по конвоированию, является их ведомственная принадлежность, однако она не отражает особенностей деятельности таких учреждений, ввиду чего более целесообразным представляется их разграничение по выполняемым функциям:

- Подразделения по конвоированию в рамках уголовно-исполнительной системы;
- Отдельные полки (батальоны, роты) конвоирования лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, подчиняющиеся УООП МВД РФ.
- Учреждения и органы, осуществляющие конвоирование постоянно в рамках уголовно-исполнительной системы.
- Учреждения и органы, которые осуществляют функцию конвоирования не постоянно: внутренние войска (например, конвоирование военнопленных), воинские формирования.

— Подразделения Департамента обеспечения правопорядка на транспорте МВД России.

Статья 121 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» обязывает федеральные органы исполнительной власти содействовать подразделениям уголовно-исполнительной системы по конвоированию, однако детально этот вопрос законодателем не регламентирован.

Общие требования к конвоированию содержатся в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, утвержденными в 1992 году, которые сегодня требуют актуализации и детализации. Также, на организацию процедуры конвоирования распространяются и нормы, установленные международными документами, однако в практике сотрудники правоохранительных органов не имеют возможности обращаться к ним систематически, поскольку данные нормы закреплены в различных документах и не систематизированы применительно к процедуре конвоирования.

Представляется актуальным оптимизировать межведомственное распределение функций конвоирования, с последовательной передачей функций конвоирования от органов МВД во ФСИН России.

1. Гончар В.В. Розыскные действия следователя на современном этапе // Вестник экономической безопасности. 2016. №2.
2. Парфенов А.В., Павличенко Н.В., Лапунова Ю.А., Шуплецов А.Ф. Гносеологическая природа розыскной и идентификационной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. №2.

Жидовкина Н.А., Рабец А.П. (научный руководитель)

Пределы ответственности единоличного исполнительного органа корпорации

*ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-228

Аннотация

В статье рассмотрены особенности гражданско-правового регулирования ответственности единоличного исполнительного органа (директора) корпорации, основания привлечения к ответственности директора, критерии фидуциарных обязанностей директора добросовестности и разумности, установленные судебной практикой на сегодняшний день, проблемы разграничений добросовестности и разумности от действий обычного (предпринимательского) риска.

Ключевые слова: ответственность единоличного исполнительного органа, добросовестность, разумность, взыскание убытков с директора (единоличного исполнительного органа), нарушение фидуциарных обязанностей, оценочные понятия, правило делового (бизнес) решения.

Abstract

The article discusses the features of civil regulation of the responsibility of the sole executive body (director) of the corporation, the grounds for bringing the director to responsibility, the criteria for the fiduciary duties of the director of good faith and reasonableness established by judicial practice to date, the problems of distinguishing good faith and reasonableness from the actions of ordinary (entrepreneurial) risk.

Key words: responsibility of the sole executive body, conscientiousness, reasonableness, recovery of damages from the director (sole executive body), violation of fiduciary duties, value concepts, rule of business (business) decision.

Возмещение убытков с единоличного исполнительного органа, членов коллегиальных органов юридического лица, лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица является одним из способов защиты прав корпорации.

В силу п. 3 ст. 53 ГК РФ, единоличный исполнительный орган корпорации, либо иное лицо, представляющее интересы корпоративной организации (члены коллегиального органа юридического лица) должны действовать в интересах представляемого им юридического лица **добросовестно и разумно**. [1]

Согласно п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, «лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени (пункт 3 статьи 53), обязано возместить по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, убытки, причиненные по его вине юридическому лицу» [Там же].

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 53.1. ГК РФ директор «несет ответственность, если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей он действовал **недобросовестно или неразумно** (выделено мною. - Н.Ж.), в том числе если его действия (бездействие) **не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску** (выделено мною. - Н.Ж.) [Там же].

Из статей 53 и 53.1 ГК РФ вытекает, что основанием для привлечения директора к ответственности и взыскании убытков с директора как способа защиты прав корпорации является: **недобросовестность, неразумность, не соответствие обычным условиям гражданского оборота, не соответствие обычному предпринимательскому риску**.

Добросовестность, разумность, соответствие обычному предпринимательскому риску являются оценочными понятиями и зависят от субъективного мнения оценивающего лица, его нравственности и морали. Легальных определений этих понятий нет. Правоприменитель играет основную роль в определении содержания оценочных понятий, потому решение вопроса о разумности, обычности, добросовестности лежит в рамках судебного усмотрения.

Постановлением Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» описаны примерные критерии недобросовестности и неразумности единоличного исполнительного органа.

Согласно п. 2 названного Пленума недобросовестность действий (бездействий) директора считается доказанной, в частности, когда директор:

- 1) действовал при наличии конфликта интересов между его личными интересами (интересами аффилированных лиц директора) и интересами юридического лица. При этом исходя из судебной практики – есть конфликт интересов, значит поведение недобросовестное, значит виноват.
- 2) скрывал информацию о совершенной им сделке от участников юридического лица, либо предоставлял участникам юридического лица недостоверную информацию в отношении соответствующей сделки;
- 3) совершил сделку без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица;
- 4) после прекращения своих полномочий удерживает и уклоняется от передачи юридическому лицу документов, касающихся обстоятельств, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица;
- 5) знал или должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, например, совершил сделку (голосовал за ее одобрение) на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо

неспособным исполнить обязательство лицом ("фирмой-однодневкой" и т.п.). [4, с. 1]

Пункт 3 Пленума ВАС № 62 устанавливает критерии неразумности действий директора, а именно, в частности, когда директор:

- 1) принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации;
- 2) до принятия решения не предпринял действий, направленных на получение необходимой и достаточной для его принятия информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах, в частности, если доказано, что при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации;
- 3) совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т.п.)» [Там же. С. 2]

Директор освобождается от ответственности в следующих случаях:

1. Когда убытки вызваны предпринимательским риском (абз. 2 п. 1 Постановления Пленума ВАС № 62, п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). [4, с. 1; 5, с. 9]
2. «...Если докажет, что заключенная им сделка хотя и была сама по себе невыгодной, но являлась частью взаимосвязанных сделок, объединенных общей хозяйственной целью, в результате которых предполагалось получение выгоды юридическим лицом» (абз. 7 п. 2 Постановления Пленума ВАС № 62). [4, с. 2]
3. «...Если докажет, что невыгодная сделка заключена для предотвращения еще большего ущерба интересам юридического лица» (абз. 7 п. 2 Пленума ВАС № 62). [4, с. 2]

Судебная практика по вопросу привлечения директора к ответственности очень пестрая.

Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. в своей работе «Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике» проанализировали 4 000 судебных актов по вопросу привлечения директора к ответственности с 2013 по апрель 2018 года [9, с. 1]. Они выделили подходы судов к определению стандарта разумности и добросовестности.

По критерию неразумности, описанного в подп. 1 п. 3 Пленума ВАС № 62, когда директор принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации, Степанов Д.И и Михальчук Ю.С. выделяют 40 вариаций нарушения данной обязанности; 14 вариаций нарушения обязанности получить дополнительную информацию, 4 вариации нарушения обязанности несоблюдения директором обычно требующихся или принятых в данной организации внутренних процедур. [См.: 9]

Автор статьи расписывает эти цифры исследуемого источника не для каких-либо статистических данных, а с целью показать, как из 3-х описанных ВАС критериев неразумности появилось огромное количество вариаций, т.е по сути критерии неразумности/разумности с 2013 года увеличились количественно очень значительно.

Изучив, судебную практику, трудно согласится со Степановым Д.И и Михальчук Ю.С. в том, что «стандарт разумности, ожидаемой от директора, действительно является довольно невысоким: обычно это уровень некоего среднестатистического директора... директору нужно очень постараться, чтобы нарушить данную обязанность и быть привлеченным к ответственности за нарушение только одной ее» [9, с. 6]

Считаем, что директору, чтобы доказать свою разумность надо очень постараться. Обратимся к примерам из судебной практики.

Интересным, на наш взгляд, является позиция судов, сложившаяся после выхода Постановления Пленума ВАС № 62, изложенная в п. 8, в котором указывается буквально следующее: «Удовлетворение требования о взыскании с директора убытков не зависит от того, имелась ли возможность возмещения имущественных потерь юридического лица с помощью иных способов защиты гражданских прав, например, путем применения последствий недействительности сделки, истребования имущества юридического лица из чужого незаконного владения, взыскания неосновательного обогащения, а также от того, была ли признана недействительной сделка, повлекшая причинение убытков юридическому лицу. Однако в случае, если юридическое лицо уже получило возмещение своих имущественных потерь посредством иных мер защиты, в том числе путем взыскания убытков с непосредственного причинителя вреда (например, работника или контрагента), в удовлетворении требования к директору о возмещении убытков должно быть отказано» [4, с. 4]. Исходя их буквального толкования данного пункта, обращаться за исполнением просроченного, либо не исполненного обязательства к контрагенту не обязательно, можно обратиться с иском о взыскании убытков исключительно только к директору. Хочется отметить, что ранее, до 2013 года практика была иная и строилась на позиции «пока нет проблем с возвратом денежной суммы или имущества от контрагента, нет и убытка, а когда они возникнут, тогда можно ставить вопрос о привлечении к ответственности директора» [9, с. 14]. Считаем, что позиция судов до 2013 года кажется более разумной. Предположим ситуацию, (и думается, что такие ситуации есть, только они не изветы судам) общество взыскивает убытки с директора, которые выражаются в том, что по договору поставки был оплачен товар, а товар не поставлен, срок исковой давности не прошел. Убытки взыскиваются с директора. А потом общество идет с иском с заявлением на контрагента и взыскивает и получает причитающееся по неисполненной сделке. Это невозможно проследить, так как при подаче исков к контрагентам, бывшие директора не привлекаются в качестве участника в судебный процесс, его мнения никто не спросит. Не создает ли сложившаяся судебная практика по п. 8 Постановления Пленума ВАС № 62 риска получения обществом неосновательного обогащения? Проверить получение такого неосновательного обогащения обществом возможности нет. Либо при обращении обществ с исками к своим контрагентам суд должен ставить вопрос на рассмотрение, а взыскивались ли такие убытки с директора? Прекращаются ли обязательства нерадивого контрагента перед обществом, если удовлетворен иск о взыскании с директора убытков в сумме обязательств контрагента перед обществом? Ни законодательство, ни судебная практика не отвечает на эти вопросы. Получается возможно двойное взыскание за одно и то же обязательство только с разных лиц и по разным основаниям. Полагаем, более разумным было бы применения п. 8 Постановления Пленума ВАС № 62 только к тем сделкам и только в отношении тех обязательств, которые не возможны в силу каких-либо причин к взысканию с контрагента (прошел срок исковой давности, банкротство, ликвидация контрагента, невозможность исполнения судебного акта и другие). В отношении же обязательств общества, которые возможны к взысканию либо исполнению, автору более приемлем подход, который существовал до 2013 года.

Неразумным поведением директора так же считается прощение долга перед вверенной ему организацией (Например, постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.04.2014 N Ф07-8655/2013 по делу N А56-66525/2012 [См.: 6]).

По мнению автора, признание убытками компании, которые должен возместить директор, суммы прощенного долга, далеко не всегда обоснованно. Принятие решения о прощении долга часто переплетается с критерием «бизнес- решения». Например, руководитель компании понимает, для того чтобы получить причитающееся с еле держащегося на плаву кредитора, выгоднее забрать то что у него есть сейчас и остальную часть долга простить, чем идти в суд на длительный срок, а потом еще и к

приставам на еще более длительный срок и в итоге получить обоснование для списания дебиторской задолженности в соответствии с нормами Налогового законодательства в виде постановления судебных приставов об окончании исполнительного производства и возвращении исполнительного листа взыскателю в связи с невозможностью взыскания и опять же в данном случае директор не застрахован от иска к нему о неразумности руководителя в выборе контрагента. Так же у автора возникает вопрос, а отказ от каких-либо притязаний по мировому соглашению, например, от неустойки, упущенной выгоды, в части прощенной части так же является убытками компании, возможными к взысканию с директора? По своей сути отказ от предъявленных взысканию сумм в мировом соглашении является прощением долга в этой части. Заключая мировые соглашения, стороны пытаются найти взаимовыгодный компромисс и взаимные уступки в данном случае естественны. Это те договоренности, те решения, которые руководители компании принимаются исходя из своего предпринимательского опыта и видения ситуации, очень часто неустойка является разменной монетой в получении основной суммы долга. Например, кредитору выставляются требования об оплате основного долга и неустойки, при этом компания-дебитор предлагает простить неустойку при условии оплаты основной суммы долга в течении какого-либо времени. Самое интересное, что любой руководитель компании знает, что получить сейчас причитающееся по договору выгоднее хоть при этом отказаться от суммы неустойки, чем судиться и получить причитающееся через длительное время. По сути своей возможность прощать либо не прощать долги является самим бизнес-решением, по которому суд не может давать оценку, не может определять правильность или не правильность таких решений единоличного исполнительного органа.

Автор так же не согласен с отнесением в судебной практике к неразумному поведению директора, когда «...директор не оплатил работы, выполненные в пользу управляемой им организации, по которым не было обоснованных претензий по качеству, при этом на момент возникновения обязанности оплаты выполненных работ у организации были необходимые средства» [9, с. 18]. В такой ситуации с директора будут взысканы как убытки санкции за несвоевременную оплату таких работ. Опять же, по мнению автора, решение, когда и кому и сколько платить является бизнес-решением, вполне возможно выгоднее было заплатить другому контрагенту, так как, например, договорные санкции в отношении с ним выше, чем тому контрагенту, где они ниже. Или, например, было выгоднее закупить сырье для производства работ, чтобы не было простоя в работе компании, чем заплатить по наступившим обязательствам.

Пункт 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 описывает 5 критериев недобросовестного поведения директора (указаны в начале статьи). Исходя из них, можно коротко резюмировать, что недобросовестный тот директор, который подменил интересы корпорации собственными интересами, скрывал информацию от участников, в том числе документы, не соблюдал порядок одобрения сделок, выбрал недобросовестного контрагента, заключил невыгодную сделку.

При чем критерии по выбору недобросовестного контрагента и заключения невыгодной сделки сильно переплетается с предпринимательским риском при принятии решения. И хотя Высший арбитражный суд указал, что суды не могут проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, однако на деле при рассмотрении споров по взысканию убытков с директора, разрешение спора зависит от судейской оценки выходили или не выходили действия директора за пределы обычного делового (предпринимательского) риска.

На деле, это приводит к тому, что судебное разбирательство о взыскании убытков с директора – это как игра в рулетку: нельзя прогнозировать исход судебного дела ни для истца, ни для ответчика - директора, так как все исключительно зависит от мнения судьи, его личных качеств, его компетенции, загруженности и желания вникать в рассматриваемое дело.

Ниже приведу пример такого эффекта непредсказуемости и нелогичности. Два судебных решения одного суда примерно в одно и тоже время по одному и тому же основанию: с директора взыскивают убытки в сумме административного штрафа, наложенного на корпорацию в период деятельности директора.

Итак, примером условно первой позиции судов, может послужить Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26 июня 2020 г. по делу N А40-286591/2019 [См.: 7], в котором судом не уделено должного внимания доводам директора, а можно ли было избежать такого административного штрафа или нет, сам факт привлечения юридического лица к административной ответственности явился достаточным основанием для привлечения директора к ответственности и взыскания с него убытков в сумме административного штрафа, наложенного на общество.

Примером второй позиции судов можно привести Решение Арбитражного суда г. Москвы от 13 февраля 2020 г. по делу N А40-251715/2019 [См.: 8], согласно которому имеющиеся решения судов о назначении административного наказания в виде уплаты штрафов в совокупном размере более 1 млн рублей не явились достаточным доказательством обоснованности привлечения бывшего директора к ответственности и взыскания с него этих убытков. Не явились так же доказательством недобросовестности те факты, что директор параллельно создал фирму с таким же видом деятельности и вел по ней предпринимательскую деятельность, а сразу после его увольнения, с обществом – истцом было расторгнуто много договоров на управление многоквартирными жилыми домами, и что уже будучи уволенным, директор от имени истца подал заявление на отзыв лицензии на управление многоквартирными жилыми домами. Интересным мне показался следующий момент: суд принял довод ответчика, что в обществе были и есть другие сотрудники, из-за действий которых и был наложен административный штраф на общество, что обязанности других сотрудников не входили в непосредственный круг обязанностей директора и потому по мнению суда недобросовестность и неразумность истцом не была доказана.

В целом сама возможность взыскания убытков с директора за ненадлежащее исполнение публично-правовых обязанностей юридическим лицом за привлечение юридического лица к публично правовой ответственности (п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62), а так же ответственность директора за выбор и действия работников, представителей, контрагентов (п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62) предъявляет директору невозможные критерии: получается директор должен разбираться во всех профессиях работников, которых он нанимает на работу, уметь оценить профессионализм своих работников, контролировать их качество работы, знать все законодательство РФ, сам быть профессионалом во всех областях, в том числе быть и бухгалтером и юристом и инженером и т.д.

Согласимся с мнением Гутникова О.В. о том, что нельзя перекладывать публично-правовую ответственность корпорации на директора, что это «..грубо нарушает принцип отделения, размывая грань между публично-правовой ответственностью юридического лица и гражданско-правовой ответственностью директора за свои действия, связанные с управлением юридическим лицом» [2, с. 161], «... сводит на нет саму конструкцию юридического лица и ведет к отрицанию его самостоятельной имущественной ответственности» [Там же].

В завершении вышесказанного, хочется подвести следующий итог. Как уже отмечал автор в начале статьи, в основе исков об убытках к директору лежат оценочные понятия, содержание которых формируется правоприменителем в процессе судебной практики. На сегодняшний день, критерии добросовестности, разумности, обычности, на наш взгляд, сильно расширены.

Конечно, нельзя требовать от законодателя закрепить четкие критерии вышеприведённых оценочных понятий для подобного рода дел, так как суть оценочных понятий в том и заключается, что судам необходимо оценивать каждый конкретный рассматриваемый случай, обращаться к уже сформированной судебной практике. Прав Лукьяненко М.Ф. говоря, что «...выработать какие-либо универсальные и объективные

критерии добросовестности для всех возможных и самых разнообразных практических казусов едва ли представляется возможным... Поэтому критерии понятия добросовестности следует устанавливать на основе практики, сформулированной в результате судебных разбирательств.» [3, с. 250] «Содержание обыкновения зависит от субъективного восприятия правоприменителем того, что сложилось в практике поведения субъектов в какой-либо сфере гражданского оборота. Известный поведенческий образ формируется в сознании, по своему содержанию является индивидуальным, и понимание обыкновения различными индивидами, в разное время и в разных жизненных обстоятельствах может не совпадать» [Там же. С. 155]. Однако при вынесении решения суд руководствуется не степенью соответствия оценочных понятий разумности, добросовестности, обычности исходя из ценностной установки законодателя, а именно речь идет о соответствии данных понятий ценностям, морали, профессиональным навыкам судьи, рассматривающего дело. Отсюда пестрота судебных решений, непредсказуемость в исходе рассматриваемых дел, порой нелогичность в выводах судебных решений.

При этом высший арбитражный суд в своем Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 (пункт 1) указал, что критерии добросовестности и разумности суд может рассматривать, а вот критерий обычности рассматривать не может («Поскольку судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц и их учредителей (участников), а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, директор не может быть привлечен к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в случаях, когда его действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска» [4]). Анализируя же судебную практику, представляется, что разделение оценки по данным критериям невозможно и в итоге суд всегда оценивает, являлись ли действия директора обычным предпринимательским риском наряду с оценкой разумности и добросовестности поведения. В связи с этим, автор предполагает, что рассмотрение корпоративных споров, в том числе взыскание убытков с единоличного исполнительного органа, как способа защиты прав корпорации, необходимо рассматривать судебскими составами, имеющими дополнительные профессиональные знания и навыки, которые позволили бы им оценить верно критерий обычности делового оборота, либо с привлечением экспертов соответствующих областей экономики.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с. // Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс», 362 с.
3. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 423 с. // Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс», 254 с.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»// Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.04.2014 N Ф07-8655/2013 N А56-66525/2012 // Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26 июня 2020 г. N А40-286591/2019 // Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 13 февраля 2020 г. N А40-251715/2019 // Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. 207 с. // Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс», 121 с.

Закурдаева М.А.

Некоторые проблемы законодательного регулирования обвинительного акта

*Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия»*

(Россия, Ростов-на-Дону)

doi: 10.18411/lj-04-2021-229

*Научный руководитель
Демидченко Ю.В.*

Аннотация

В представленной статье, на основе анализа норм действующего уголовно-процессуального законодательства, выявляются проблемы законодательного регулирования обвинительного акта как одного из итоговых процессуальных документов стадии предварительного расследования. Решение выявленных проблем авторы видят во внесении ряда изменений и дополнений в нормы УПК РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, дознание, обвинительный акт, дознаватель.

Abstract

In the presented article, based on the analysis of the norms of the current criminal procedural legislation, the problems of legislative regulation of the indictment as one of the final procedural documents of the preliminary investigation stage are identified. The authors see the solution to the identified problems in the introduction of a number of changes and additions to the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: criminal proceedings, preliminary investigation, inquiry, indictment, interrogator.

Одним из важнейших документов, принимаемых в досудебной части уголовного процесса, является обвинительный акт, завершающий такую форму предварительного расследования, как дознание (причем, в общем порядке). Юридическое значение данного документа выражается в том, что он обобщает работу, проведенную дознавателем, содержит выводы о событии преступления, виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и квалификации его деяния, а также определяет предмет и пределы судебного разбирательства. Обвинительный акт составляется с копиями, которые вручаются обвиняемому, защитнику и потерпевшему, а один экземпляр остается у прокурора. Если лица, которым вручена копия обвинительного акта, не говорят на языке судопроизводства, то для этих лиц должен быть предоставлен перевод таких копий. Все изложенное выше говорит о том, что данный процессуальный документ является одной из гарантий права обвиняемого на защиту, поскольку он получает реальную возможность подготовиться к судебному разбирательству и оспорить в суде предъявленное ему обвинение, в том числе путем представления доказательств в свою защиту.

Как справедливо отмечается в литературе, обвинительный акт позволяет решать следующие взаимосвязанные задачи [2, с. 120]:

- 1) подведение итогов предварительного расследования;
- 2) определение основ и рамок (границ) судебного разбирательства;
- 3) ознакомление обвиняемого с характером и основаниями выдвинутого против него обвинения, позволяющее определить линию защиты;
- 4) систематизация собранных по делу доказательств.

При этом следует назвать еще две задачи, решаемые с помощью данного процессуального акта. На основании представленных в нем доказательств прокурор делает вывод о целесообразности или нецелесообразности направления уголовного

дела в суд, а суд, если обвинение, выдвинутое в ходе судебного следствия, доказано, выносит приговор, в установленном в нем пределах [3, с. 324].

Требования, предъявляемые к обвинительному акту изложены в ст. 225 УПК РФ [1], и они достаточно просты. Однако, несмотря на кажущуюся простоту, детальный анализ норм УПК РФ, регламентирующих порядок составления обвинительного акта, и содержащие требования к его составлению, свидетельствуют о том, что на сегодняшний день существует ряд законодательных пробелов и неточностей.

Во-первых, законодатель в обвинительном акте не устанавливает срок, в течение которого указанный документ должен быть передан обвиняемому и его защитнику. Часть 2 ст. 225 УПК РФ содержит лишь указание на то, что обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом и материалами уголовного дела, но как долго это должно происходить, не определено. Полагаем, что отсутствие уточнения сроков вручения этого процессуального документа может привести к нарушению процессуальных прав обвиняемого на его защиту. В свою очередь, обвинительный акт является не только заключительным документом при проведении расследования в целом, но и своеобразной формой обвинения, придающей подозреваемому статус обвиняемого. Причем согласно ч. 1 ст. 172 УПК РФ, в случае принятия решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, что также является формой обвинения, оно должно быть предъявлено ему в течение 3 суток. С учетом вышеизложенного, в целях обеспечения прав обвиняемого и его защитника на этапе завершения дознания в общем порядке считаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 225 УПК РФ о сроке ознакомления с обвинительным актом и материалами основного дела в течение 3 суток.

Во-вторых, действующее уголовно-процессуальное законодательство не регулирует порядок ознакомления гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей с обвинительным актом и материалами уголовного дела.

Считаем, что данный пробел необходимо устранить путем внесения соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ. Так, следует дополнить ст. 225 с новой частью - 3.3 следующего содержания: «По ходатайству гражданского истца, гражданского ответчика и / или их представителей дознаватель знакомит этих лиц с материалами уголовного дела по гражданскому иску. Ознакомление проводится в порядке, установленном ст. 217 и 218 настоящего Кодекса».

В-четвертых, сравнительный анализ ч. 1 ст. 220 УПК РФ (содержит требования, предъявляемые к обвинительному заключению) и ч. 1 ст. 225 УПК РФ (содержит требования, предъявляемые к обвинительному акту) свидетельствует о том, что в обвинительном акте, в отличие от обвинительного заключения, законодатель опустил требование указывать в обвинительном акте ссылки на тома и листы уголовного дела. Что, на наш взгляд, является пробелом в законотворчестве, который необходимо устранить.

В связи с чем предлагаем, ч. 2 ст. 225 УПК РФ дополнить следующим содержанием: «2. В обвинительном акте должны быть ссылки на тома и листы уголовного дела».

Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве существует ряд пробелов в регулировании обвинительного акта, преодоление которых возможно путем внесения изменений и дополнений в нормы действующего УПК РФ. Представляется, что внесенные нами предложения решат ряд проблем, возникающих в правоприменительной деятельности.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Пилюгин Н.Н., Евстегнеев А.С. Доказывание на стадии предварительного расследования: монография. Кострома: Изд-во Костромского госуд. технол. ун-та, 2008.
3. Шайдуллина Э.Д. Окончание дознания составлением обвинительного акта: вопросы теории и практики // В книге: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. сборник материалов XXII международной научно-практической конференции: в 2 томах. 2017.

Каракулева Т.М.**Принципы права в современной науке: понятие и сущность***Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
(Россия, Абакан)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-230

*Научный руководитель
Шведчикова Е.В.***Аннотация**

В работе рассматривается понятие принципов права, их сущность, и роль в регулировании общественных отношений и влияние на право в целом.

Ключевые слова: право, принципы права, система права

Abstract

The paper examines the concept of the principles of law, their essence, and their role in regulating public relations and their impact on the law as a whole.

Keywords: law, principles of law, system of law

Любая сфера жизнедеятельности человека, в том числе и юридическая, основывается на определенных принципах. Принципы существуют в любой сфере общества, они определяют дальнейшее развитие и становление, так как именно они закладывают необходимый базис. В юриспруденции понятие принципа трактуется примерно так же, как и в философии. Принципы права – основополагающие начала, идеи, определяющие содержание и направления правового регулирования в целом и каждой из его отраслей в частности. Исходя из этого, стоит отметить, что принципы права являются важнейшей частью содержания правового регулирования, и эта тема является крайне важной для рассмотрения и понимания принципов права в целом. Рассмотрим, что происходит в данный момент времени с принципами права.

В условиях быстрых изменений и перестроений современных реалий, принципы права не являются исключением из этого правила. Соответственно, вопрос о принципах государственно-правовых явлений по-прежнему ключевой и теоретически значимый. В современной России основными принципами стали принципы разделения властей, господства права, верховенства закона, экономической свободы и частной собственности, достоинства личности и права человека и другие. И если выделять конкретно принципы, то нужно понять, что есть принципы в своей сущности.

Принципы выражают сущность права, определяют характер толкования и применения его норм, что способствует современной правовой системе выделять определенное значение принципам права: они обеспечивают разрешение дел, возникших из отношений, не урегулированных нормами права, благодаря тому, что могут быть использованы в качестве правовых норм при аналогии, имеют огромное воспитательное значение, играют важную роль в формировании правосознания граждан. Из этого мы можем сделать вывод о том, что принципы права способствуют тому, что принципы права имеют определенную характерно регулятивную функцию.

Принципы права, в первую очередь, выполняют регулятивную функцию, устанавливая правила нравственного поведения людей, давая возможность индивиду определиться в своих представлениях о законном и противозаконном, осознать свою ответственность перед государством и гражданами, проживающими в нем. Эта функция принципов права также позволяет формировать правовое сознание у человека и гражданина страны, так как именно принципы могут доступным способом донести до индивида основы правовой культуры. Но эта функция выражает только одну характерную сторону принципов права, стоит рассмотреть и другие.

Нормативный характер принципов права проявляется в случаях обнаружения пробелов в законодательстве. Пробелы в законодательстве существуют всегда, именно

поэтому нормативный характер принципов права является также одним из главенствующих в этой сфере. Если эти пробелы препятствуют объективному разрешению судом конкретного дела, суд руководствуется общими началами и принципами права, основанными на идеях справедливости и гуманизма. В связи с этим общепризнанные правовые принципы выделяют в качестве источников права в Российской Федерации. Принципы права выполняют не только функцию заполнения собой пробелов в законодательстве, но и в случаях, когда необходимость принятия нормативного акта прямо вытекает из правовых принципов. Особенно принципы права помогают законодателю в нынешний период стремительного развития общества и общественных отношений в целом.

Развитие общественных отношений приводит к тому, что в обществе возникают нетипичные, новые отношения, которые законом не урегулированы. Следствием этого может стать появление ситуаций в общественных взаимоотношениях, которые будут регулироваться конкретно с помощью принципов права. Принципы используются с целью установления содержания прав и обязанностей сторон в соглашениях, при отсутствии прямого урегулирования отношений законом, соглашением сторон, обычаями делового оборота и при невозможности использования аналогий закона и права. Нельзя не согласиться с выводом О.Е. Кутафина о необходимости законодательного органа в случае принятия законодательного решения по вопросам, прямо не указанным в Конституции, руководствоваться общими принципами конституционного строя и права, в частности принципом разделения властей.

Если рассматривать нормативное закрепление принципов права, то, следует отметить, что в первую очередь закреплялись принципы нравственности, свободы, гуманизма и справедливости. Право и закон не должны расходиться, они должны проявляться как форма и содержание. В свою очередь принципы права выступают неким фундаментом деятельности законодателей, которые позже проявляются в юридических нормах. Ни одни предписания не должны противоречить принципам права. Принципы права должны быть максимально рабочими, выражаясь в любых правоотношениях.

Вопрос о классификации правовых принципов до сих пор является дискуссионным, но стоит обратить внимание, что выделяют многоуровневую систему принципов права. Г.Б. Виттенберг выделял две группы основных принципов уголовного права: общеправовые принципы и принципы, специфически для уголовного права. А.В. Наумов рассматривает трехуровневую систему принципов: всеобщие, межотраслевые и специальные. Общеправовые принципы определяют содержание всего процесса правового регулирования общественных взаимоотношений, влияя на законодательную практику, ибо общеправовые принципы являются структурным элементом гораздо более общего понятия, нежели система принципов права конкретной правовой отрасли.

Выделяются две функции правовых принципов: внешняя и внутренняя. Внутренняя согласует системы юридических норм, то есть ни одно нормативное предписание не должно противоречить принципам права. Это позволяет осуществлять правовое регулирование на единых началах, что обеспечивает его наибольшую результативность. Внешняя функция осуществляет непосредственное регулирование поведения субъектов общественных отношений.

Таким образом, принципы права являются ведущими началами формирования, развития и функционирования права, пронизывая и систему прав субъектов общественных отношений, и правовую реальность страны в целом, отражая потребности развития общества на каждом историческом этапе. Вопрос классификации принципов права остается дискуссионным, ведь вместе с правом меняются и его внутренние составляющие. Интегрирование в мировое пространство российского права способствует развитию отечественного права, его пополнению и улучшению, соответствию мировым стандартам. Общепризнанные принципы права должны

оставаться постоянными, находя наиболее полное отражение в содержании правовых основ различных сфер правового регулирования.

1. Бошно С.В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 82-91.
2. Виттенберг Г.Б. Развитие основных принципов советского уголовного права в новом кодексе РСФСР // Правоведение. 1962. № 4. С.36-43.
3. Кутафин О.Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. -249 с.
4. Наумов А.В. Российское уголовное право: Общая часть. М., 1996. -157 с.
5. Цыбулевская О.И. Принципы права: нравственное измерение // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010. - 199 с.

Кильмаметова И.И.
Президент РФ и исполнительная власть

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-231

Аннотация

В данной статье рассматривается специфика правового положения Президента РФ. Анализируется конституционно-правовая основа президентских полномочий и фактически выполняемые им функции.

Ключевые слова: Президент РФ, полномочия, исполнительная власть, Конституция.

Abstract

This article examines the specifics of the legal status of the President of the Russian Federation. The article analyzes the constitutional and legal basis of presidential powers and the functions actually performed by it.

Key words: President of the Russian Federation, powers, executive power, Constitution.

При создании Конституции в 1993 году, С.С. Алексеев охарактеризовал содержание так: «Каждый занимается своим профессиональным делом, не претендуя ни на что другое. Президент обеспечивает целостность государства, функционирование исполнительной власти, преодолевает кризисные ситуации, «где монополия законодательной власти принадлежит Федеральному Собранию, которое осуществляет парламентский контроль и реализуется на самом высоком уровне правосудие судом, - все это при развернутом, последовательном парламентаризме» [2].

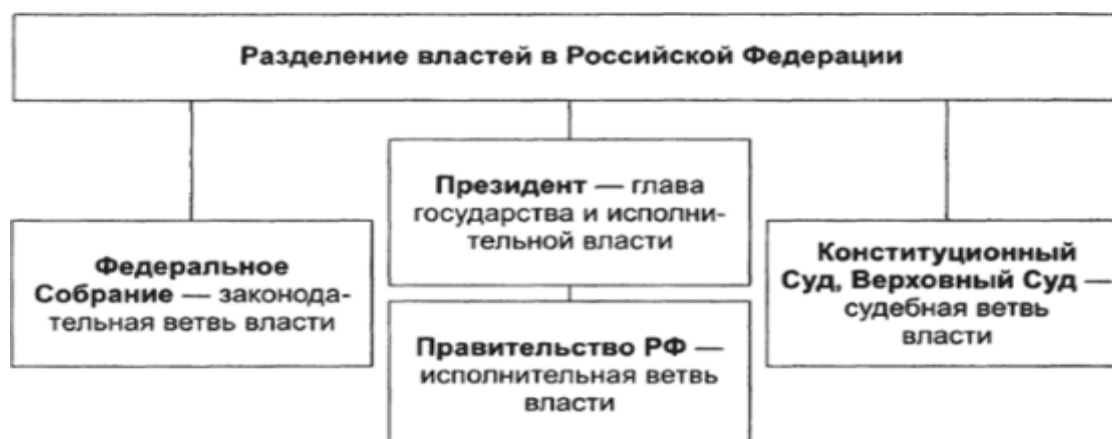

Таблица 1:

На наш взгляд, этого не произошло. Сейчас, согласно основному закону страны, Президент дистанцирован от всех ветвей власти. Но его полномочия содержат в себе законодательную, исполнительную и судебную ветвей власти. Статья 80 Конституции определяют его правовое положение, закрепляет властные полномочия (таблица 1) [1].

Особенность правового положения заключается в том, что Глава государства:

- является гарантом Конституции (означает, что он защищает основной закон страны, т. е. обеспечивает ее соблюдение на всей территории страны, включая все уровни власти, должностных лиц и иных субъектов). Президент обязан добиваться того, чтобы все законы, (в том числе и изданные Правительством), соответствовали Конституции РФ. Если какой-то нормативно-правовой акт противоречит главному закону страны, то он будет изменен или отменен;
- гарант прав и свобод человека - Президент может потребовать от любых органов власти соблюдение прав и свобод личности. Защищая права и свободы своих граждан и других людей, глава государства опирается на всю систему органов власти, которая должна эффективно работать, сотрудничать с другими органами власти и удовлетворять требования граждан;
- обеспечивает согласованное взаимодействие и функционирование государственных органов;
- имеет возможность отклонять законы и обладает правом законодательной инициативы;
- принимает меры по сохранению государственной целостности, независимости и охране суверенитета России, поддерживает мир и согласие во всей стране;
- определяет самые важные направления внутренней и внешней политики;
- представляет нашу страну в международных отношениях и внутри страны;
- стоит во главе и формирует Совет Безопасности;
- утверждает и помогает в разработке военной доктрины;
- формирует состав Администрации Президента;
- принимает решение о сохранении и назначении высшего командования Вооруженных Сил РФ;
- издает указы и распоряжения;
- осуществляет руководство внешней политики страны;
- подписывает международные договоры и ведет переговоры с иностранными государствами;
- назначает и отзывает дипломатов России;
- скрепляет своей подписью верительные грамоты, а принимает также верительные и отзывные грамоты дипломатических представителей;
- обладает неприкосновенностью;
- назначает, освобождает своих полномочных представителей;
- Президент – Верховный Главнокомандующий ВС РФ;
- имеет возможность ввести на территории страны, а также в отдельных местностях военное положение или чрезвычайное положение;
- формирует Государственный Совет;
- назначает референдум;
- решает вопросы предоставления политического убежища и гражданства;
- присваивает почетные звания, награждает государственными наградами;
- осуществляет помилование.

После поправок, принятых первого июля 2020 года, Президент РФ получил несколько новых полномочий, в их числе: определение лиц, которые будут в составе

Федерального Собрания (самостоятельное назначение им пожизненных сенаторов), формирование нового органа – Государственный Совет РФ.

Происходит усиление роли Парламента в обеих ее палатах:

- нижняя палата утверждает кандидатуру Председателя Правительства РФ, предлагаемую Президентом. А также кандидатуры заместителей Председателя Правительства и федеральных министров (по представлению Председателя);
- верхняя палата прекращает полномочия судей Конституционного Суда, Верховного Суда, судей кассационных и апелляционных судов — в случае совершения ими поступков, порочащих честь и достоинство судьи и другое.

Необходимо также подчеркнуть, что Президент практически не несет конституционной ответственности за ненадлежащее выполнение своих обязанностей. Отрешение возможно, если он совершит государственную измену или иное тяжкое преступление [3]. Некоторые ученые выделяют несовершенство института импичмента, так как практически невозможно отрешить от должности Президента в связи с особым статусом «обвиняемого», который обладает «неприкосновенностью» [4].

Глава государства имеет множество важнейших полномочий в области организации и деятельности государственных органов исполнительной власти. Взаимодействие с исполнительной властью заключается в том, что он:

- имеет право председательствовать на заседаниях Правительства РФ;
- осуществляет общее руководство Правительством;
- принимает решение об отставке всего Правительства, принимает отставку Председателя, его заместителей и федеральных министров, руководителей федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент;
- утверждает структуру федеральных органов исполнительной власти, вносит в нее изменения; в структуре определяет органы, руководство деятельностью которых осуществляет Президент, и органы, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство;
- вправе назначать и освобождать от должности федеральных министров и заместителей Председателя Правительства РФ по предложению Председателя Правительства;
- если постановления и распоряжения Правительства РФ противоречат Конституции, федеральным законам, указам Президента, то они могут быть отменены Главой государства;
- имеет право председательствовать на заседаниях Правительства.

Также, Председатель предлагает ГосДуме кандидатуры на должности своих заместителей и федеральных министров, после чего Глава государства назначает их на должности.

Таким образом, институт президентства фактически сосредотачивает в своих руках исполнительную власть, что на наш взгляд, является серьезным препятствием создания реального разделения властей.

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020 №1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ.
2. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, ИНФРА-М, 2017. 768 с.
3. Ибрагимов Г. Ш. Президент РФ в системе разделения властей. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/297/13769/> (дата обращения: 05.12.2020).
4. Тарасов О. Н. Особый статус Президента Российской Федерации в системе разделения властей. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sovremennoopravo.ru/m/articles/view> (дата обращения: 05.12.2020).

Кирсанов А.С., Кушкина О.В.

Соблюдение конституционных прав и свобод человека сотрудниками правоохранительных органов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности

*Сибирский Юридический институт МВД России
(Россия, Красноярск)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-232

Аннотация

В статье проведен анализ нормативно-правовых актов действующего законодательства, а также судебная практика в рамках соблюдения конституционных прав и свобод человека сотрудниками правоохранительных органов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Анализируются некоторые особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, конституционные права человека, конституционные свободы человека, оперативно-розыскные мероприятия, законность оперативно-розыскной деятельности.

Abstract

The article analyzes the normative legal acts of the current legislation, as well as judicial practice in the framework of the observance of constitutional human rights and freedoms by law enforcement officers in the implementation of operational-search activities. Some features of the conduct of operational-search measures limiting the constitutional rights of a person and a citizen to the secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages transmitted over the networks of electrical and postal communications, as well as the right to inviolability of the home are analyzed.

Key words: operational-search activity, constitutional human rights, constitutional human freedoms, operational-search activities, legality of operational-search activities.

Под соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее по тексту ОРД) следует понимать четкое и неукоснительное следование принципам и нормам Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее по тексту ФЗ об ОРД), а также ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих основания и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее по тексту ОРМ), соблюдение условий, использование техники и средств, исключающих необоснованное ограничение прав и свобод граждан, а также незаконного разглашения (рассекречивания) сведений, ставших известными в результате проведенного комплекса ОРМ.

Конституционный Суд РФ, исходя из собственной практики, а также учитывая практику Европейского Суда по правам человека и конституционных судов Европы, обозначил ряд правовых аспектов, касающихся законного ограничения прав и свобод человека и гражданина. Так, например: ограничения конституционных прав граждан должны быть обоснованно необходимыми и соразмерными целям применимых ограничений; в случаях, когда конституционные и иные правовые нормы позволяют законодателям устанавливать ограничения, закрепленных ими прав граждан, ему ни в коем случае не позволено осуществлять регулирование, которое бы посягало на само существование того или иного права и послужило бы поводом к утрате его реального содержания; при допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина в

соответствии с целями, которые одобряет Конституция РФ, государство в лице уполномоченных органов, обязано сохранить баланс конституционно защищаемых ценностей, интересов граждан, а также использовать исключительно необходимые и строго ограниченные конкретными целями меры.

Рассмотрим некоторые особенности соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД. Так, основанием для проведения уполномоченными органами ОРМ выступает информация, свидетельствующая о подготовке к совершению, о факте совершаемого или совершенного деяния, имеющего признаки того или иного состава преступления, а также о событиях или действиях, последствия от которых могут нанести ущерб государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ. Информация, являющаяся основанием для осуществления ОРМ может быть получена в рамках материала предварительной проверки, в рамках возбужденного уголовного дела, а также в рамках материалов ОРД. Ни в одном из нормативно-правовых актов законодатель четко не определил критерии, условия и вероятность оценки достоверности полученной информации, в связи с чем, для начала проверки в рамках ОРД, в некоторых случаях достаточно предположительных данных или наличие отдельных признаков преступлений, а не состава в целом. В соответствии со статьей 5 ФЗ об ОРД определяется обязанность уполномоченных органов обеспечивать соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина при проведении ОРМ, таких как: неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, неприкосновенность жилища, а также тайна корреспонденции. Нарушение указанных прав может быть обжаловано в порядке, установленном ст. 5 ФЗ об ОРД, в вышестоящий орган (прокурору или суд).

На практике, при осуществлении деятельности на основании принципа законности, обжалование действий сотрудников уполномоченных органов при осуществлении ОРД в рамках возбужденных уголовных дел встречается довольно редко.

Так, в 2014 - 2015 гг. прокуратурой Приморского края РФ в ходе проведения проверок дел оперативного учета были выявлены 7 нарушений ФЗ Об ОРД, допущенных судом при вынесении постановлений, разрешающих проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, 5 из которых были связаны с вынесением постановлений о разрешении на проведение оперативно-розыскных мероприятий, не предусмотренных ст. 6 ФЗ об ОРД, и 2 - в отношении подозреваемых в совершении преступления небольшой тяжести. В связи с выявлением нарушений на каждое решение краевой прокуратурой были направлены кассационные представления об отмене незаконных постановлений суда в порядке, предусмотренном статьями 401.2 и 401.3 УПК в президиум Приморского краевого суда. Приморский краевой суд возвратил без рассмотрения 3 кассационных представления краевой прокуратуры о признании незаконными судебных постановлений, разрешающих уполномоченным органам, осуществляющим ОРД, ограничить конституционные права граждан на тайну телефонных переговоров и переписки в связи с тем, что, по мнению суда, в кассационном порядке в соответствии с положениями главы 47.1 УПК РФ обжалованы могут быть только те судебные решения, которые были вынесенные в порядке реализации положений ФЗ об ОРД в рамках расследования конкретного уголовного дела, а не по делам оперативного учета. В связи с отказом рассмотрения представлений краевой прокуратурой в адрес председателя Приморского краевого суда были незамедлительно подготовлены и повторно направлены аналогичные кассационные представления с приложением письма с разъяснением позиции Верховного Суда РФ, согласно которой постановления суда о разрешении проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, могут быть обжалованы в порядке, предусмотренном главами 47.1 и 48.1 УПК РФ. Однако председатель Приморского краевого суда возвратил в краевую прокуратуру без

рассмотрения и эти кассационные представления с постановлениями об отказе в передаче для рассмотрения в судебном заседании кассационной инстанции. При этом основаниями для отказа в передаче кассационных представлений для рассмотрения послужили отсутствие заявления (жалобы) лица, чьи конституционные права были нарушены, а также истечение сроков обжалования указанных постановлений, поскольку ОРМ, на проведение которых были выданы разрешения, на момент рассмотрения кассационных представлений уже не проводились, сроки действия разрешений на проведение данных мероприятий истек.

Тактику, характер и виды ОРМ, проводимых с целью проверки полученной оперативной информации, а также поручений органа предварительного расследования, органа дознания, либо прокурора определяет уполномоченное должностное лицо оперативно-розыскного органа, план которого утверждается руководством подразделения. Это же лицо несет полную ответственность за законность и обоснованность проведения соответствующих мероприятий. В свою очередь следственные органы вправе ставить только общие цели и задачи, устанавливать сроки выполнения направляемых поручений. Прокурор (следователь, дознаватель, орган дознания) не вправе давать указания о проведении конкретных мероприятий и тактике проводимых в ходе выполнения поручения ОРМ.

Проведение ОРМ, ограничивающие конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается при наличии у уполномоченного органа судебного постановления, полученного на основании предоставленной в суд информации.

Судебное постановление на проведение ОРМ может быть получено уполномоченным органом только при наличии указанных в ФЗ об ОРД оснований, по предоставлении в суд соответствующих материалов, подтверждающих необходимость проведения ОРМ. Наличие судебного постановления на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, свидетельствует о том, что материалы, содержащие соответствующую информацию, были представлены суду в полном объеме и суд посчитал их достаточными, в связи с чем никаких дополнительных документов, подтверждающих законность действий сотрудников уполномоченных органов для проведения ОРМ, не требуется. Согласно ФЗ об ОРД, проведение таких ОРМ допустимо исключительно по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно.

Однако, не всегда даже правильно оформленные и предоставленные суду в рамках уголовного дела доказательства, полученные в результате осуществления ОРМ могут быть допустимыми. Так, Аскизский районный суд Республики Хакасия, рассматривая уголовное дело в отношении Р., возбужденного по ч. 3 ст. 30, п. «Б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 2 ст. 228, ч. 1 ст. 232 УК РФ, а также в отношении В. по ч. 2 ст. 228 УК РФ, исследовал протокол осмотра магнитного носителя, содержащего материалы ОРМ «прослушивание телефонных переговоров», проведенных уполномоченными органами в отношении Р., а также прослушал в судебном заседании содержащиеся на магнитном носителе файлы, из которых было очевидно, что лица, осуществляющие телефонные переговоры, причастны к незаконному обороту наркотических средств. В ходе заседания, оценив представленные доказательства с точки зрения допустимости, относимости и достоверности, путем сопоставления их с другими фактами и доказательствами, имеющимися в уголовном деле, суд пришел к правильному выводу о невозможности использования результатов ОРМ для обоснования выводов о виновности подсудимых в инкриминируемых им деяниях. Уполномоченными органами не были предоставлены данные, на основании которых можно было бы сделать однозначное заключение о том, что записанные телефонные переговоры велись именно гражданином Р., который, в свою очередь, не подтвердил данный факт в судебном

заседании. Кроме того, в протоколе осмотра магнитного носителя, на котором были предоставлены записи разговоров, отсутствовали абонентские номера телефонов, по которым проводились оперативные мероприятия. В ходе предварительного расследования в рамках уголовного установочные данные лиц, с которыми велись телефонные переговоры, достоверно установлены не были, а доводы свидетеля Б., приведенные им в процессе проведения осмотра магнитного носителя, о том, между кем велись переговоры, были обоснованно отвергнуты судом, поскольку указанный свидетель не являлся непосредственным участником данных телефонных переговоров, и его суждения носят исключительно субъективный и предположительный характер.

В исключительных случаях проведение ОРМ, ограничивающих вышеуказанные конституционные права человека и гражданина, допускается без наличия судебного решения, на основании мотивированного постановления руководителя оперативно-розыскного подразделения. К таким относятся случаи, не терпящие отлагательства, когда отсутствует объективная возможность получения судебного постановления, а в результате промедления правоохранительных органов, действия (бездействия) злоумышленников могут привести к совершению тяжкого, либо особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности РФ (ч. 3 ст. 8 ФЗ об ОРД). Такие ситуации обычно возникают в случаях необходимости незамедлительного проведения ОРМ непосредственно после получения оперативно-значимой информации в нерабочее время, например после окончания рабочего дня, в выходные, праздничные дни и т.п.

Таким образом, соблюдение прав и свобод человека и гражданина в ходе осуществления ОРД является одним из основным приоритетов законодательства в отношении уполномоченных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Сотрудники оперативных подразделений при проведении ОРМ обязаны неукоснительно соблюдать требования законов и иных нормативно-правовых актов, основываясь на личный профессионализм, уровень правовой культуры, а также уровень правового сознания. Таким образом, обеспечение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД есть деятельность соответствующих уполномоченных на то органов, направленная на создание условий (гарантий) по защите, охране и восстановлению нарушенных прав и свобод в условиях применения специальных сил и средств для решения конкретных задач по борьбе с преступностью, сбору информации лицах, а также событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической и экологической безопасности РФ.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс
2. Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СПС КонсультантПлюс
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
5. Всеобщая Декларация прав человека. (Принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета от 05.04.1995 // СПС КонсультантПлюс
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (вместе с Протоколом № 1 (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СПС КонсультантПлюс
7. Судебные решения Суда общей юрисдикции (Приморский край). Электронный ресурс. URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1049®ular-court=®ular-judge=#searchResult (дата обращения 30.03.2021)

Колиева А.Э., Лущик Т.А.

Государственная кадастровая оценка земельных участков: современное состояние и перспективы развития

*Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-233

Аннотация

На основе системного анализа российского законодательства и доктринальных источников автор статьи рассматривает вопрос о правовой регламентации государственной кадастровой оценки земельных участков. В частности исследованы положения Земельного кодекса РФ, ФЗ «О кадастровой оценке», Приказа Минэкономразвития России от 12.05.2017 №226 (с изм. и доп. от 09.09.2019) «Об утверждении методических указаний о государственной кадастровой оценке». В работе представлен критический анализ некоторых положений отечественного законодательства и представлены пути его оптимизации.

Ключевые слова: государственная кадастровая оценка земельного участка, уполномоченный государственный орган субъекта Федерации, бюджетное учреждение, земельный налог.

Abstract

Based on a systematic analysis of Russian legislation and doctrinal sources, the author of the article considers the issue of legal regulation of the state cadastral valuation of land plots. In particular, the provisions of the Land Code of the Russian Federation, the Federal Law "On Cadastral Valuation", Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 05/12/2017 No. 226 (as amended and supplemented from 09.09.2019) "On Approval of Guidelines on State Cadastral Valuation" were investigated. The paper presents a critical analysis of some provisions of domestic legislation and presents ways of its optimization.

Keywords: state cadastral valuation of a land plot, an authorized state body of a constituent entity of the Federation, a budgetary institution, land tax.

Земельный фонд Российской Федерации – достояние нации, основа жизни и деятельности человека (п. 1 ч. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ). Одними из основополагающих принципов землепользования в РФ являются такие как приоритет охраны земли (п. 2 ч. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ) и платность ее использования (п. 7 ч. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ). В России действует два правовых режима стоимости земельного участка: рыночный и кадастровый. Второй выступает определяющим в сфере административных и налоговых правоотношений, возникающих в связи с владением и использованием земельным участком. В этой связи кадастровая оценка земельного участка является важным направлением деятельности государства. Основной целью кадастровой оценки является упорядочивание налогообложения, так как земельный налог выступает в качестве формы платы за использование земельного участка (ст. 65 Земельного кодекса РФ). Вместе с тем, функции кадастровой оценки земельного участка этим не исчерпываются. Кадастровая стоимость определяет выкупную цену земельного участка, на ее основе определяется стоимостной объем административных взысканий. Помимо этого, немаловажную роль играет кадастровая стоимость земельного участка в формировании культуры эффективного и экологичного землепользования. Сказанное подтверждает актуальность вопроса о качестве и достоверности кадастровой оценки земельных участков. По справедливому замечанию А.В. Каминского искажение кадастровой стоимости в любую из сторон имеет негативные последствия, как при занижении, так и при её завышении.

Согласно ст. 6 Федерального закона «О государственной кадастровой оценке» полномочиями на осуществление кадастровой оценки стоимости земель наделены исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации. С одной стороны, данное положение следует признать обоснованным, поскольку ранее действующее дозволение закона о возможности участия в кадастровой оценке независимых оценщиков или саморегулируемых организаций создавало хаос и неразбериху в вопросе определения кадастровой стоимости земельных участков. Вместе с тем, на практике возникает ситуация когда кадастровая оценка осуществляется субъектом федерации тенденциозно с завышением стоимости в целях увеличения налоговых поступлений. Об этом свидетельствует достаточно обширный объем исков, поданных для оспаривания кадастровой оценки. Так, за период с 01.01.2021 по 28.02.2021 в целом по России подано 1771 исков об оспаривании кадастровой стоимости. В результате вынесенных в судебном порядке решений по искам, поступившим в суды в период с 01.01.2021 по 28.02.2021, наблюдается падение суммарной величины кадастровой стоимости в отношении объектов недвижимости приблизительно на 1,32 млрд. руб. (55%).

В этой связи крайне важна регламентация процедуры кадастровой оценки земельного участка в законодательстве. Это обеспечит как соблюдение государственных интересов, равно как и защиту прав и законных интересов пользователей и собственников земельных участков. В целом, четкие законодательные установки выступают залогом упорядочивания общественных отношений и обеспечения их стабильного и поступательного развития.

На законодательном уровне уже заложен фундамент цивилизованного землепользования в РФ в части определения его стоимости посредством осуществления государственной кадастровой оценки. Прежде всего, в ФЗ «О кадастровой оценке» четко определен порядок ее организации и проведения:

- 1) принятие решения о государственной кадастровой оценке отнесено к компетенции уполномоченного органа субъекта РФ (п. 5 ст. 11);
- 2) о принятом решении данный орган оповещает всех заинтересованных лиц не позднее 30 календарных дней со дня его принятия (п. 8 ст. 11);
- 3) в решении должны быть четко определены: год проведения государственной кадастровой оценки; наименование субъекта Российской Федерации, на территории которого проводится государственная кадастровая оценка; виды объектов недвижимости, в отношении которых проводится государственная кадастровая оценка (п. 5 ст. 11);
- 4) решение о кадастровой оценке должно быть принято не позднее, чем за шесть месяцев до 1 января года проведения государственной кадастровой оценки (п. 7. ст. 11);
- 5) кадастровая оценка проводится не чаще 5 лет, а в отношении земельных участков с 2022 г. не чаще 4 лет с года проведения последней государственной кадастровой оценки (п. 4 ст. 11).

Процедура проведения государственной кадастровой оценки земельных участков четко регламентирована Приказом Минэкономразвития России от 12 мая 2017 г. №226 «Об утверждении методических указаний о государственной кадастровой оценке». В данном приказе закреплено требование о взаимодействии уполномоченных органов субъекта РФ и Росреестра. Так, решение о проведении кадастровой оценки должно в обязательном порядке направляться в Росреестр, последний в свою очередь обязан подготовить перечень подготавливаемых объектов кадастровой оценки. Именно на основе данного перечня бюджетное учреждение в последующем и осуществляет кадастровую оценку. Важным аспектом данного этапа выступает возможность собственников или пользователей земельного участка уточнить сведения о нем посредством подачи в бюджетное учреждение декларации об уточнении данных.

Однако обращает на себя внимание то, что данный механизм выступает единственной формой защиты права пользователей или собственников земельного участка в рамках рассматриваемой стадии. Вместе с тем, в законе не содержится императива относительно обязанности информировать всех правообладателей земель, подлежащих кадастровой оценке. Подобная ситуация создает перекося в сторону ущемления прав названных субъектов рассматриваемых правоотношений. Помимо этого, неинформированность правообладателей не позволяет на ранних стадиях обеспечить формирование объективных баз данных об объектах кадастровой оценки, что так же вредит и самой названной процедуре и формирует огромный поток судебных исков. По логике вещей кадастровая оценка должна коррелировать с рыночной стоимостью объекта недвижимости. Однако, из-за неполноты информации, неточности данных о земельных участках, нарушение методологии оценки и учета всех необходимых факторов приводят к существенным различиям рыночной и кадастровой стоимости земельных участков. Такая ситуация должна быть минимизирована, поскольку в итоге страдают законные интересы правообладателей, подрывается авторитет власти.

В силу сказанного считаем необходимым закрепить в законодательстве указание на обеспечение обязательного публичного информирования бюджетным учреждением о перечне объектов, подлежащих «крайней» кадастровой оценке. Заслуживает внимания предложение Л. А. Лейфер о необходимости использования метода анализа временных рядов при осуществлении массовой кадастровой оценке объектов недвижимости. Кроме того, следует учесть и выводы Е.Н. Быковой о необходимости использования статистических методов, позволяющих выявить функциональную зависимость факторного признака и цены земельного участка.

В методических указаниях определено, что кадастровая стоимость должна отражать примерную сумму наиболее вероятных для рынка затрат, необходимых для приобретения права собственности на объект недвижимости в условиях открытых и конкурентных рыночных отношений.

По итогам кадастровой оценки составляется проект, утверждаемый уполномоченным органом государственной власти субъекта РФ, после чего Росреестр размещает результаты государственной кадастровой оценки на сайте Фонда данных государственной кадастровой оценки. Документ находится в открытом доступе в течение шестидесяти дней.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что деятельность по кадастровой оценке земель – важное направление государственной деятельности. Оно формирует правовые основы землепользования как с точки зрения экономики, потребления, так и в сфере охраны окружающей среды. Упорядочивание земельных правоотношений невозможно без формирования полной и объективной базы данных о земельном фонде РФ. Решение данного вопроса неизбежно сформирует устойчивое и стабильное налогообложение и поступления в бюджет для реализации социальных функций государства и реализации программ эффективного и экологичного природопользования. В целом в РФ сформирована правовая база государственной кадастровой оценки земельных участков. Однако нуждается в уточнении и оптимизации процедурные вопросы осуществления этой деятельности: повышение уровня информированности правообладателей; обеспечение высокого уровня точности учитываемых данных; формирование системы зонирования земельных участков в зависимости от их экологических и экономических характеристики; применение оптимальных методик расчета кадастровой стоимости земельных участков на основе статистико-математического анализа и т.д.

1. Бакуменко Н.С. К Некоторым проблемам кадастровой оценки земель населенных пунктов // Вестник современных исследований. 2019. № 2.5 (29). С. 18-23.
2. Богданов А. С. Проблемы обеспечения баланса частных и публичных интересов в процессе кадастровой оценки земель / В сб. VII Международной научно-практической конференции

- «Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты». Пенза. 2020. С. 91-97.
3. Быкова Е.Н. Некоторые аспекты массовой оценки земель населенных пунктов: проблемы и пути их решения // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 8. № 2. С. 208-211.
 4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2021) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения 22.03.2021)
 5. Каминский А.В. Кадастровая оценка: сотрудничать нельзя противостоять! // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. №2. С. 5-11.
 6. Лейфер Л.А. Анализ методического и программного обеспечения кадастровой оценки на соответствие оценочной методологии и современным статистическим методам анализа данных // Имущественные отношения в РФ. 2010. № 6. С. 50-54.
 7. Обобщенные сведения о рассмотрении споров о результатах определения кадастровой стоимости в судах –URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/activity/informatsiya-o-sudebnykh-sporakh-v-otnoshenii-rezultatov-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-obektov/> (дата обращения 22.03.2021)
 8. Приказ Минэкономразвития России от 12.05.2017 №226 (с изм. и доп. от 09.09.2019) «Об утверждении методических указаний о государственной кадастровой оценке» – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 22.03.2021)
 9. Федеральный закон от 03.07.2016 N 237-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О государственной кадастровой оценке» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504 (дата обращения 22.03.2021)
 10. Федеральный закон от 03.07.2016 N 237-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О государственной кадастровой оценке» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) –URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504 (дата обращения 22.03.2021)

Колмогорова Е.В.

Владение, пользование и распоряжение общим имуществом в многоквартирном доме

*Челябинский государственный университет
(Россия, Челябинск)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-234

Аннотация

В настоящее время, в связи с постоянно движущимися реформами в сфере управления, пользования и распоряжения общим имуществом в многоквартирном доме, постоянно не утихают вопросы о правильности трактования того или иного нормативно-правового акта. В управлении, пользовании и распоряжении общим имуществом в многоквартирном доме, происходит настоящая неразбериха, которую необходимо привести к четкому знаменателю. В настоящей статье предпринята попытка научного анализа и критического осмысления владения, пользования и распоряжения общим имуществом в многоквартирном доме.

Ключевые слова: общее имущество многоквартирного жилого дома, управление общим имуществом, многоквартирный жилой дом, проблемы реализации субъективных прав при владении, пользовании и распоряжении общим имуществом.

Abstract

At present, in connection with the constantly moving reforms in the field of management, use and disposal of common property in an apartment building, questions about the correctness of the interpretation of one or another regulatory legal act constantly do not subside. In the management, use and disposal of common property in an apartment building, there is a real confusion that must be brought to a clear denominator. This article is an attempt at a scientific analysis and critical understanding of the ownership, use and disposal of common property in an apartment building.

Keywords: common property of an apartment building, management of common property, apartment building, problems of the implementation of subjective rights in the ownership, use and disposal of common property.

В юридической литературе востребована тема управления многоквартирными домами. Среди авторов, обращающих внимание на управление многоквартирными домами, хотелось бы отметить: Д.П. Гордеева, Н.А. Долгова, И.А. Дроздова, О. Жулиев, И. Марков, С.Г. Певницкий, А.В. Попова, В. Рузанова, А. Рыжов, Д.Б. Соловьев, У.Б. Филатов, Е.А. Чефранову, С.Ю. Шахова, Т. Якубов и др.

Например, С.Г. Певницкий, У.Б. Филатов исследовали особенности правоотношений собственности на общее имущество в многоквартирном доме; Т. Якубов проанализировал отдельные методы управления многоквартирным домом; Н.А. Долгов, О. Жулиева, рассмотрели особенности договора на управление многоквартирным домом.

Однако детального анализа, раскрывающего комплексный характер правового регулирования управления многоквартирными домами, в том числе нежилыми помещениями, в литературе недостаточно. Правовое регулирование отношений по нежилым помещениям и зданиям в настоящее время осуществляется гражданским и жилищным законодательством. [1, с. 31]

Собственник отдельной комнаты в здании владеет долей в праве долевой собственности на общую собственность дома. Поскольку общим достоянием многоквартирного дома является определенный набор объектов, его состав необходимо определять в каждом конкретном случае. Общие положения о составе общего имущества многоквартирного дома содержатся в п. 1 ст. 36 ЖК РФ. По аналогии, эти положения применяются к нежилым зданиям (п.1 Постановления Пленума ВАС РФ № 64 от 23 июля 2009 г.).

К общему имуществу относятся, в частности, помещения, предназначенные для обслуживания более одного помещения в многоквартирном доме.

В состав общей собственности многоквартирного дома входит земельный участок, на котором расположен дом, с элементами озеленения и благоустройства. Следует отметить, что условия предоставления и использования земельных участков под многоквартирные и другие дома, где помещения находятся в собственности нескольких лиц, имеют существенные различия. Во-первых, отношения по приобретению земельного участка под нежилое здание регулируются гражданским и земельным законодательством. Во-вторых, для собственников нежилых зданий отсутствует механизм автоматического безвозмездного приобретения имущественных прав после образования соответствующего земельного участка, как это предусмотрено ст. 16 Федерального закона Российской Федерации «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации». В-третьих, собственники помещений в нежилых зданиях могут приобретать землю под зданием не только в долевую собственность, но и получать право пользования соответствующим участком на основании договора аренды с множеством лиц на стороне арендатора (Статья 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации). Применение положений ст. 36 Жилищного кодекса РФ по аналогии с определением состава общего имущества нежилого дома не всегда можно без оговорок. [6, с. 14]

Обсуждается вопрос о пределах отчуждения отдельных объектов, находящихся в общей собственности многоквартирного дома. В первую очередь это касается таких объектов общей собственности, как подвалы, чердаки и другие технические помещения, которые на практике часто выделяются как самостоятельные объекты недвижимости и передаются в пользование, как правило, по договорам аренды. Считается, что даже с возможностью переоборудования чердаков и подвалов в нежилые помещения их все же не следует рассматривать как самостоятельную недвижимость. [9, с. 5]

Вторая позиция основана на разграничении помещений, входящих в общую собственность, имеющих исключительно техническое назначение и обладающих другими полезными свойствами, помимо технических. Такой подход широко

используется в судебной практике. Например, в споре, рассмотренном ФАС, домовладельцы оспорили государственную регистрацию нежилого помещения (подвала) для общества с ограниченной ответственностью. Дело было направлено на новые соображения для того, чтобы выяснить, есть ли на самом деле инженерные коммуникации в спорных помещениях, предназначенных для обслуживания всего дома. [10, с. 109]

Решающим признается это обстоятельство, но не срок действия правоустанавливающих документов, на основании которых произведена государственная регистрация прав собственности, или порядка финансирования строительства этих помещений. При этом просто убедиться в наличии инженерных коммуникаций в подвале недостаточно. В случае, согласно результатам обзора, стало ясно, что спорные помещения не относятся к техническим единицам в смысле Гражданского кодекса Российской Федерации.

Таким образом, в отношении возможности выделения отдельных объектов общей собственности многоквартирного дома и установления лимитов их использования в гражданском обороте ни единый закон, ни судебная практика не сформировали единого подхода. Однако необходимость градации общей собственности с возможным установлением признаков режима относительно автономных объектов не вызывает сомнений. Введение запрета на оборот этих объектов вряд ли можно считать оправданным.

Жилищный кодекс РФ разрешает управление многоквартирными домами следующими способами: непосредственное управление собственниками помещений в многоквартирном доме при количестве квартир не более тридцати; управление ТСЖ или ЖБК или другими специализированными потребительскими кооперативами; управление управляющей организацией.

Судебная практика, обосновывающая возможность применения к таким отношениям положений Жилищного кодекса, основана на сходстве отношений.

Однако есть другой подход, разработанный правоохранителями. Так, в одном из дел Арбитражный суд пришел к выводу, что решение о несении расходов, связанных с содержанием общего имущества, при отсутствии 100% -ной явки всех собственников не соответствует ст. 247 ГК РФ, таким образом, не имеет юридической силы. [3, с. 156]

Следует отметить, что в зависимости от юридического обоснования судебной позиции определяется порядок несения собственниками расходов по содержанию общего имущества.

Статистика жилищно-коммунального хозяйства показывает, что падение доходов населения привело к увеличению задолженности ЖКХ. В 2020 году сумма достигла 1,34 трлн. руб. Из них около 650 миллиардов рублей составляют долги населения. Остальная часть долга в основном лежит на МА. В таблице 1 представлены сравнительные данные об установленном уровне оплаты ЖКХ по субъектам Российской Федерации и фактическом уровне оплаты. [8, с. 110]

Иными словами, при применении норм Жилищного кодекса РФ к отношениям сторон стоимость собственника по содержанию общего имущества рассчитывается по тарифам, утвержденным на общем собрании, поскольку на основании п. 5 ст. 46 Жилищного кодекса Российской Федерации решение Общего собрания обязательно для всех собственников, в том числе не принимавших участие в голосовании. Если спорные отношения между собственником и управляющей организацией регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации, то расходы собственника на общее имущество определяются в соответствии с правилами о неосновательном обогащении. По статистике АИС «Судебное производство» за период с 1 января 2019 года по 24 ноября 2019 года Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа рассмотрено 277 споров, связанных с применением законодательства об энергоснабжении, положением государственных услуг (6,6% от общего числа обращений), в 2020 г. количество таких случаев увеличилось до 539.

Анализ и обобщение судебной практики (Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 сентября 2002 г. № 3673/02; Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 30 ноября 2014 г. по делу № А71-603 / 2014; решение Арбитражного суда г. Москвы от 30 декабря 2014 г., дело № А40-174366 / 13; решение Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 сентября 2012 г. № А40-9158 / 12-102- 8; решение Арбитражного суда Свердловской области от 12 мая 2010 г. № А60 -57683; определение кассационной инстанции Краснодарского краевого суда от 9 сентября 2014 г. по делу № 33-19636; определение апелляционной инстанции Воронежского областного суда от 25 ноября, 2014 г. по делу № 33-6064; определение Московского городского суда от 3 апреля 2015 г. № 4Г / 8-1540 и др. позволило говорить о высокой степени относимости данной категории споров.

Теоретически до сих пор нет однозначного представления о том, что такое управление многоквартирным домом и каков объем управленческой деятельности. Причина тому - смешение понятий «управление многоквартирным домом как метод управления» и «реализация полномочий собственника». Анализ законодательных актов позволяет сделать вывод, что менеджмент охватывает не только непосредственную работу, но и прогнозирование, планирование соответствующих мероприятий, принятие решений и контроль их выполнения. [4, с. 253]

С учетом этого обстоятельства доктрина управления содержанием многоквартирного дома рассматривается в широком смысле, с выделением в рамках различных уровней (подсистем). Совершенно очевидно, что основой системы управления многоквартирным домом является самоуправление, которое осуществляется собственниками помещений многоквартирного дома на общих собраниях. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях в области управления общим имуществом в многоквартирных домах по повышению качества жилищно-коммунальных услуг и устойчивому развитию городов России.

Таким образом, анализ действующего законодательства и судебной практики показывает, что правовое регулирование режима общей собственности нежилого дома, несмотря на его значительную схожесть с режимом общей собственности многоквартирного дома, должно осуществляться по специальным правилам. Применение аналогии закона не всегда обеспечивает интересы собственников помещения здания. Учитывая различное назначение нежилых помещений, следует установить более гибкие правила относительно определения состава общего имущества и возможностей использования этого имущества конкретными собственниками. [5, с. 36]

Общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме как механизм принятия решений не всегда является наиболее эффективным инструментом управления совладельцами общего имущества. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование процедур принятия решений общим собранием, уменьшение кворума общего собрания и количества голосов, необходимых для принятия решений, упорядочение порядка представительства совладельцев общего имущества. Создание благоприятного законодательного порядка привлечения граждан к участию в решении вопросов управления общим имуществом, повышение активности собственников - один из способов повлиять на выбор сервисно-ресурсоснабжающих организаций, обеспечивающих коммунальные услуги и выполняющих ремонтные работы на общем имуществе. [7, с. 28]

Можно сделать вывод, что профессиональное управление общим имуществом в многоквартирных домах будет способствовать повышению качества жилищно-коммунальных услуг и устойчивому развитию городов России.

1. Анохин С.А. Право собственности как основополагающее право в системе вещных прав // Вестник экономической безопасности. - 2020. - № 2. - С. 31-34.

2. Беспалов Ю.Ф. Жилищный кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий: путеводитель по судебной практике. - М.: Проспект, 2018. - 912 с.
3. Гутникова А.С. Общая собственность на имущество в многоквартирных домах и иных зданиях // Закон. - 2014. - №7. - С. 156-161.
4. Дубовцева Н.Ю. Владение, пользование и распоряжение общим имуществом в многоквартирном доме // Образование и наука в России и за рубежом. - 2018. - № 11 (46). - С. 253-260.
5. Занковский С.С. Общее имущество в многоквартирном доме: проблемы судебной практики // Вестник арбитражной практики. - 2018. - № 2. - С. 31-36.
6. Крашенинников П.В. Жилищное право: учебник. 12-е изд., перераб. и доп. - М: Статут, 2020. - 203 с.
7. Кудина С.А. Понятие, признаки и состав общего имущества многоквартирного дома // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2017. - № 2. - С. 28-31.
8. Рыбалов А.О. Владение в российском праве // Вестник гражданского права. - 2019. - № 5. - С. 110127.
9. Трубилина Н. Освободите помещение // Российская газета. 2020. 22 июля. № 159 (8213). С. 4-5.
10. Шевцов Д.А. Общее имущество многоквартирного дома как юридический концепт // Молодой ученый. - 2016. - № 10. - С. 109.

Лайкова И.И.

Опека и попечительство

*Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-235

Аннотация

В статье рассматриваются основные понятия попечительства и опеки, а так же главные правовые нормы, которые регулируют процесс установления попечительства, опеки.

Ключевые слова: попечительство, опека, несовершеннолетние, приемная семья.

Abstract

The article examines the basic concepts of guardianship and guardianship, as well as the main legal norms that govern the process of establishing guardianship and guardianship.

Key words: custody, guardianship, minors, foster family.

В нынешнее время в РФ проблема попечительства и опеки становится более актуальной. В данной области находятся самые незащищенные слои населения: определенные группы инвалидов, несовершеннолетние дети и граждане, которые страдают некоторыми психическими заболеваниями. Именно данные слои больше всех подвергаются опасности и часто страдают от злоумышленников. Для начала дадим определения терминам опека и попечительство.

Опека – некая форма устройства малолетних граждан (не достигших возраста 14 лет), в которой граждане назначаются строго органами опеки и попечительства, являются законными представителями несовершеннолетних граждан. Они имеют полное право совершать от их имени и в их интересах абсолютно все юридические действия.

В настоящие дни, опека является самой эффективной формой защиты прав детей, которые не по своей воле остались без родителей.

Попечительство в свою очередь – так же является формой устройства малолетних граждан, но только в возрасте от 14 до 18 лет. При данной форме, попечители несовершеннолетних обязаны оказывать подопечным помощь в осуществлении и исполнении их прав, обязанностей. Так же попечители должны защищать несовершеннолетних от рук злоумышленников в любой ситуации. Попечители как опекуны строго назначаются органами опеки и попечительства.

Для начала стоит понять задачи, принципы попечительства и опеки. Как известно, граждане РФ имеют полное право вступать в любые правоотношения:

социальные, гражданские, экономические, политические т.д. Но приниматься участие в данных правоотношениях могут не все, по причине отсутствия правоспособности и дееспособности.

Дееспособность в свою очередь есть не что иное, как, возможность гражданина осуществлять и приобретать гражданские права, а так же исполнять гражданские обязанности. Дееспособность принадлежит не всем людям и для каждого гражданина представляется в разном объеме. Только при достижении определенного возраста дееспособность возникает в полной мере. (Ст. 21 ГК РФ).

А правоспособность – умение гражданина не только нести гражданские права, но и исполнять обязанности, которые появляются в момент рождения и прекращаются только после его смерти. (Ст. 17 ГК РФ).

Есть всего 4 разновидности дееспособности граждан:

1. Полная (наступает с 18 лет, есть исключения с 16 лет)
2. Частичная (от 14 до 18 лет)
3. Частичная дееспособность малолетних (с 6 до 14 лет)
4. Ограниченная – данный вид дееспособности только в том случае, если гражданин злоупотребляет наркотическими средствами или алкоголем, из-за чего его семья попадает в тяжелое положение.

Отметим, что под ограниченную дееспособность попадают люди, которые имеют психические отклонения, вследствие чего не могут распоряжаться своими действиями.

Под терминами “опека” и “попечительство” можно понимать похожий общий комплекс действий и функций, который будет обеспечивать гражданину социальную заботу. Не стоит забывать, что два данных термина и есть правовой институт – нормы, которые четко регулируют реализацию социальной заботы о недееспособных гражданах.

Одним из главных плюсов опеки является возможность недееспособным гражданам выступать как полноценные субъекты правоотношений.

Обратим внимание, что порядок оформления попечительства происходит согласно ст. 33 ГК РФ, и применяется к следующим гражданам:

1. От 14 до 18 лет – несовершеннолетние
2. Граждане, которые стали недееспособными из-за частого употребления наркотических средств, алкоголя
3. Дееспособные граждане, которые из-за состояния здоровья не могут о себе позаботиться

Сравнивая опеку и попечительство, видно небольшую разницу – попечительство может оказывать только правовое или же фактическое содействие лицам, которые недееспособны, а так же защищают их от злоумышленников.

Отдельное внимание уделим функциям попечительства и опеки. В отличие от опеки, функции попечительства нельзя насильно навязать человеку, то есть невозможно насильно заставить гражданина быть попечителем. Данный процесс происходит только с согласия лица. Опекуны и попечители так же имеют право самостоятельно отказаться от своих функций, что происходит исключительно по их желанию.

Так же стоит отметить, что попечительством занимаются строго органы опеки и попечительства в том случае, если у ребенка нет родителей, или они были лишены родительских прав. В этот момент, опекунами могут стать родственники (бабушка, дедушка и др.). Все обязанности опекуна или попечителя строго закреплены согласно ФЗ №48. Все опекуны и попечители должны и обязаны выполнять: защищать права и интересы подопечного.

Помимо этого, опекун или же попечитель должен:

1. Всегда обеспечивать подопечного хорошими благами.
2. Имеет право действовать без дополнительного полномочия, но в интересах подопечного

3. Занимает место законного представителя подопечного (в судах и т.д.)
4. Выполняет обязанности бесплатно
5. Все опекуны не имеют права собственности на имущество подопечных
6. Не могут использовать любое имущество подопечного в своих личных целях
7. Полностью несут ответственность за все совершенные ими сделки от лица ребенка
8. Так же все опекуны несут полную уголовную и административную ответственность за все свои совершенные действия
9. В исключительных случаях устанавливаются иные обязанности и права попечителя, опекуна.

Важное замечание – назначать опекуна или попечителя можно только по месту проживания подопечного! Есть возможность и предварительной опеки, которая происходит следующим образом: данный упрощенный порядок назначения попечительства в тех моментах, когда малолетнему гражданину срочно необходимо назначить опекуна или же попечителя. Данный акт называется часто временным (акт о предварительной опеке/попечительстве). Так же, рассматриваемый акт используется в ситуации, когда ребенка забирают у родителей (т.е. угроза жизни или родители были лишены родительских прав), при этом нет необходимости отправлять ребенка в детский дом.

Отдельное внимание стоит уделить и вопросу об – установлении опеки. Для законного установления попечительства, органы опеки обязаны иметь при себе всю нужную информацию об их необходимости принятия участия в оказании помощи. Только после тщательной проверки, органы опеки обязаны принимать решение о мерах защиты недееспособного гражданина, а меры могут быть следующими: опека или попечительство.

Далее следует процесс назначения опекуна или попечителя, в зависимости от ситуации. Как только опекун или попечитель был назначен, органы опеки продолжают играть важную роль в отношениях подопечного и попечителя. Органы опеки следят за всеми действиями опекуна, а так же ведут жесткий надзор.

В заключение необходимо сказать, что роль органов опеки имеет высокую ценность. Органы опеки выполняют немаловажные функции, которые приносят пользу не только недееспособным гражданам, но и всему обществу. Сохраняя здоровье каждого отдельного гражданина, органы опеки и попечительства одновременно с этим удовлетворяют интересы публичные и общественные, тем самым сохраняют самих граждан, уменьшают уровень нищеты, преступности, а так же алкоголизма и наркомании.

Подводя итог, отметим, что попечительство и опека крайне важный и необходимый институт в государственных масштабах и именно от органов опеки зависит эффективное функционирование и развитие определенных слоев общества, а так же граждан, которые не являются дееспособными.

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ.
2. Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995г. № 223-ФЗ.
3. Воронкова Е.Л., Правосудие в отношении несовершеннолетних – М., 2015 г. – 440с.
4. Гатин А.М. Гражданское право: Учеб. пособие. – М.: Дашков и Ко, 2009 -384с.
5. Гражданское право: учебник для вузов в трех частях. Часть первая // под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.
6. Михеева Л.Ю. Общие положения об опеки и попечительстве. // Законодательство и право.- 2010. - № 8. – С. 23.
7. Шерстнева, Н. С. Опека и попечительство как форма воспитания несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. -2007. - № 2. - С. 27 – 29
8. Гончарова А.В. Несовершеннолетние как участники гражданского процесса // Legal Concept = Pravovaya paradigma. 2017, Vol. 16, No. 1 // <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.1.6>

Литвищенко Я.В., Мамин А.С.

Система органов внутренних дел, осуществляющих административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-236

Аннотация

Данная статья направлена на рассмотрение системы ОВД, осуществляющих административный надзор за поднадзорными лицами. Авторы рассматривают порядок и последовательность установления административного надзора.

Ключевые слова: административный надзор, поднадзорное лицо, структура организации работы по осуществлению административного надзора.

Abstract

This article is aimed at reviewing the system of Internal Affairs bodies that exercise administrative supervision over supervised persons. The authors consider the order and sequence of establishing administrative supervision.

Keywords: administrative supervision, supervised person, structure of the organization of work on the implementation of administrative supervision.

Говоря об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в первую очередь, необходимо отметить, что такой надзор относится к деятельности полиции. Полиция, являясь структурной частью органов внутренних дел, выполняет надзорные функции.

По мнению авторов, целью административного надзора является контроль сотрудниками органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также воздействие воспитательного характера на них с последующим предупреждением совершения рецидивных преступлений. Достижение данной цели возможно обеспечить только совместным участием в данной деятельности различных субъектов на достаточно высоком и компетентном уровне. Для должного выполнения задач необходимо использование специальных методов и средств, что предполагает создание системы, основанной на принципе подчиненности-«управляющая система воздействует на управляемую». Результативные и качественные характеристики административного надзора зависят от эффективной и четко выстроенной организации. Необходимо проведение таких мероприятий, как служебные совещания, собрания, инструктажи, организация взаимодействия между сотрудниками и подразделениями, обобщение и распространение положительного опыта, обучение исполнителей и оказание им практической помощи. При проведении подобных организационных мер, субъект управления воздействует на объект и доводит необходимую информацию, то есть происходит управленческое воздействие, направленное на совершение определенных действий.

В современных условиях, система органов внутренних дел Российской Федерации развивается и совершенствуется с большой динамичностью, ориентированной на устойчивое и мобильное обеспечение всей звеньев данной системы.

Достижение обеспечения качественного функционирования данной системы зависит от расстановки приоритетов сотрудников, наиболее простой и гибкой организационной структуры. Руководство и внутриорганизационное регулирование осуществляется на основе выработки, усовершенствовании нормативных документов, которые носят подзаконный характер.

Обязанности по осуществлению надзора возложены на сотрудников полиции и, соответственно, основные функции по организации и осуществлению административного надзора выполняют их территориальные органы.

Законодательством Российской Федерации определены порядок и последовательность установления административного надзора, которые заключаются в следующем:

- После поступления из УФСИН сообщения об освобождении лица, в отношении которого будет осуществляться индивидуальный надзор, поступившие документы регистрируются в отделе (отделении, группе) ДиР и незамедлительно передаются начальнику территориального органа внутренних дел для рассмотрения. После резолюции начальника сообщение в течение одного рабочего дня передается в подразделение административного надзора либо сотруднику, на которого возложены обязанности по контролю и осуществлению профилактической работы с данной категорией лиц.
- В отношении поднадзорного лица заводится дело административного надзора, такое дело ведется и хранится у сотрудника по надзору согласно установленным законодательством правилам.
- В течение одного рабочего дня информация о назначении административного надзора и постановки на учет в подразделения и службы, которые принимают участие в контроле за данными лицами, подобная информация ежемесячно обновляется.
- На протяжении всего периода административного надзора с лицом проводятся профилактические работы

Сведения о лицах, взятых на учет вносятся в журнал регистрации поднадзорных лиц.

Говоря о субъектах, принимающих участие в таком надзоре необходимо указать следующие: сотрудники подразделений УУП, полицейские подразделений ППС, сотрудники ДПС ГИБДД, сотрудники вневедомственной охраны, сотрудники уголовного розыска и т.д.

Рассмотрим в схематичном виде структуру организации работы по обеспечению административного надзора на уровне МВД РФ, региональном и районном уровнях.

Схема структуры организации работы по осуществлению административного надзора на уровне МВД РФ необходимо представить в следующем виде:

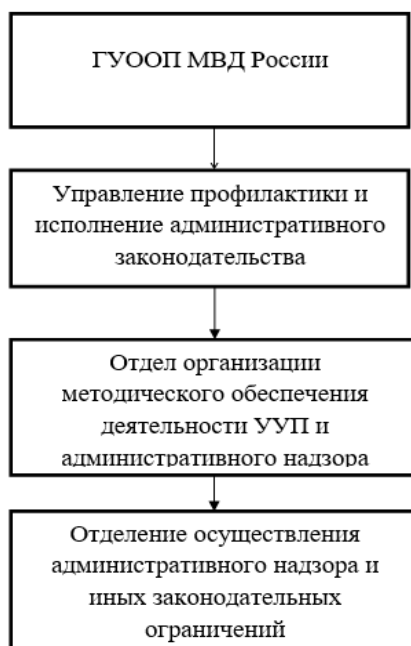

Схема структуры организации работы по осуществлению административного надзора на региональном уровне представлена в следующем виде:

Схема структуры организации работы по осуществлению административного надзора в органах внутренних дел на районном уровне выглядит таким образом:

Однако, несмотря на то, что механизм по обеспечению должного административного надзора совершенствуется, статистика ГИАЦ МВД РФ показывает, что количество поднадзорных лиц ежегодно растет, что свидетельствует о недостаточно развитой нормативно-правовой базы, добросовестного исполнения должностных обязанностей и т.д.

Субъекты, осуществляющие административный надзор, за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, выполняют огромное количество обязанностей, которые предусмотрены должностной инструкцией, например, в обязанности участковых входит выявление и предупреждение преступлений и административных правонарушений, проведение поквартирного обхода, проверка условий хранения оружия, рассмотрение заявлений и обращений граждан и т.д.

Таким образом, отсутствие штатных должностей инспекторов по административному надзору влияет на качество, проводимой профилактической работы с поднадзорными лицами, соответственно, ухудшаются результаты оперативно-служебной деятельности сотрудника, на которого возложены обязанности инспектора по административному надзору, по основному месту службы по должности. Авторы считают необходимым расширить круг субъектов, участвующих в осуществлении

административного надзора для получения большей эффективности предупреждения рецидивной преступности.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 23.03.2021).
2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. - 11.04.2011. - № 15. - ст. 2037.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 17.02.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1 (ч. 1). ст. 1.
4. Административное право: учебник под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. – М.: Норма, 2017. С.411
5. Мелехин А. В. Административное право Российской Федерации: учебник – М.: Московская финансово – промышленная академия, 2018. С. 274-275

Марченко А.В., Марченко В.В.

Актуальные вопросы проведения прений сторон в ходе судебного разбирательства

*Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-237

Аннотация

В настоящей статье, авторы на основе современной судебной практики, с учетом правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации, рассматривают наиболее актуальные вопросы и порядок их решения в ходе прений сторон, в судебном разбирательстве уголовного дела.

Ключевые слова: уголовный процесс, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, прения, прения сторон, государственный обвинитель, защитник, равенство сторон.

Abstract

The summary: In this article, the authors, on the basis of modern judicial practice, taking into account the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, consider the most pressing issues and the procedure for their resolution during the disputations of the parties, in the trial of a criminal case.

Key words: criminal proceedings, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, disputations, debates of the parties, public prosecutor, defender, equality of the parties.

Стадия судебного разбирательства является центральной, основной стадией уголовного процесса, квинтэссенцией уголовного судопроизводства, именно на этой стадии осуществляется правосудие, судом первой инстанции рассматривается дело по существу, решается вопрос о виновности или невиновности подсудимого, назначении ему наказания или освобождении от него. Именно на этой стадии в полной мере реализуется назначение уголовного судопроизводства, проявляется действие всех принципов уголовного процесса, определяющих его демократический характер.

По мнению большинства ученых, судебное разбирательство представляет собой систему процессуальных действий суда и других участников уголовного процесса, совершаемых в определенной последовательности. В структуре судебного разбирательства, как правило, выделяют четыре этапа: подготовительную часть,

судебное следствие, прения сторон и последнее слово подсудимого, постановление и провозглашение приговора [17, с. 425; с. 570].

Этапы судебного разбирательства – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом взаимосвязанные, но относительно обособленные части судебного разбирательства. Каждая из этих частей имеет свои непосредственные задачи (вытекающие из общих задач судебного разбирательства), по достижении которых судебное разбирательство переходит на следующий этап. Очень важно отметить, что этапы судебного разбирательства отличаются порядком процессуальной деятельности (процедурой), строгой последовательностью чередования и составляют единую стадию уголовного процесса. В ходе судебного разбирательства должны строго соблюдаться правила его проведения, предусмотренные УПК РФ и другими нормативными правовыми актами. Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции в точном соответствии с установленным законом порядком, отвечающим критериям справедливого судебного разбирательства, служит надежной гарантией защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [6].

Одной из важных частей судебного разбирательства, а по мнению ряда юристов «сложных» и «интересных» являются судебные прения, представляющие собой этап судебного разбирательства, на котором участвующие в деле стороны в устных выступлениях высказывают свою позицию по делу, основанную на результатах судебного следствия. «Прения (особенно по большому делу) – это всегда насыщено, ответственно и очень красиво», утверждает адвокат А. Гривцов [11]. При этом, на законодательном уровне прения сторон по уголовным делам регламентированы достаточно скудно, что, по всей видимости, связано с тем, что законодатель понимал исключительно творческий характер данной работы. Порядок проведения прений сторон определен в ст. 292 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) [2]. По видимому, такое недостаточное регулирование и породило дискуссию на страницах «Адвокатской газеты», когда адвокат Адвокатской палаты (далее по тексту – АП) г. Москвы Андрей Поляков, рассматривая проблему привлечения к дисциплинарной ответственности адвоката-защитника за отказ от выступления в прениях с защитной речью, поставил под сомнение вообще, нужности существования института прений сторон в современном уголовном процессе [14]. В связи с этим отметим актуальность рассматриваемой темы в свете разъяснений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и решениях высших судов, их правовых позиции в толковании и применении норм института прений сторон. Отметим наиболее принципиальные последствия, которые вытекают из этих разъяснений, для деятельности судебных органов и судей. Именно прения сторон предоставляют возможность повлиять на процесс развития внутреннего убеждения судьи до удаления его в совещательную комнату, еще раз акцентировать внимание судьи на тех доказательствах, которые та или иная сторона посчитает наиболее значимыми для принятия окончательного решения по делу [13, с. 126].

В силу уголовно-процессуального закона, обязательными участниками прений сторон являются государственный обвинитель и защитник.

Также участвовать в прениях сторон имеют право потерпевший и его представитель (законный представитель).

Имеют право на выступление в прениях и подсудимый, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. Указание в законе на то, что эти участники процесса вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон, отнюдь не означает возможность суда в данном случае отказать им в этом праве, а лишь раскрывать механизм его реализации.

Для всех участников уголовного судопроизводства, кроме государственного обвинителя и защитника, участие в прениях – право, которым они могут воспользоваться, или отказаться от выступления.

При этом обязанностью суда является обеспечение возможности стороны выступить с прениями. В эту обязанность входит: разъяснение представителю стороны его права выступить в прениях, выяснение того, желает ли сторона воспользоваться этим правом и при положительном ответе – предоставление возможности реализовать это право.

Невыполнение этой обязанности может повлечь признание судебного разбирательства незаконным. Так, Президиум Верховного суда Российской Федерации (далее по тексту – Президиум ВС РФ) постановлением от 04.02.2015 № 158-П14 отменил приговор в отношении осужденных и передал уголовное дело на новое судебное разбирательство, указав на невыполнение судом первой инстанции ч. 1 ст. 11 УПК РФ, согласно которой суд обязан разъяснять участникам уголовного судопроизводства, в том числе обвиняемому, права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав, и ст. 267 УПК РФ, предусматривающей обязанность председательствующего разъяснить подсудимому его права в судебном заседании, в том числе предусмотренные ст. 47 УПК РФ. Как видно из материалов дела, подсудимым не были разъяснены права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, что не позволило им реализовать свои права, в том числе право участвовать в прениях сторон [8].

Практические работники указывают, что к отмене судебных решений неоднократно приводил и отказ потерпевшему в представлении возможности выступить в прениях сторон. Подчеркивая необходимость создания условий для реализации конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию, Пленум ВС РФ разъяснил, что председательствующий не только обязан разъяснить потерпевшему, его законному представителю, представителю право участвовать в прениях сторон, но и известить их о дате, времени и месте их проведения, обеспечив возможность выступить в прениях, за исключением тех случаев, когда потерпевший прямо и недвусмысленно отказался от участия в судебном заседании (п. 13 постановления Пленума ВС РФ от 29.06.2010 № 17 [4]). В тоже время, отказ от выступления в прениях тех участников, для которых это является обязанностью, является нарушением закона, поскольку отказ государственного обвинителя означает, по существу, отсутствие поддержания обвинения, выраженное в непроцессуальной форме, а отказ защитника от участия в прениях сторон, например, по мотивам того, что защитнику нечего добавить в сказанному в прениях подсудимым, свидетельствует о нарушении права подсудимого на защиту с вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Генри Резник, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее по тексту – ФПА РФ), президент АП г. Москвы считает, что «содержание выступлений в прениях сторон обвинителя и защитника с предельной ясностью раскрывают ст. 246 и 248 УПК РФ. Речь адвоката-защитника – ответ на речь прокурора. В своей речи государственный обвинитель излагает суду свое окончательное мнение по существу обвинения, квалификации преступления и назначению подсудимому наказания. Отказ адвоката от выступления в прениях означает невыполнение профессиональным защитником своей процессуальной функции, что неоднократно расценивалось Верховным Судом РФ как нарушение права обвиняемого на защиту и влекло отмену приговора» [16].

Следует отметить, что уголовно-процессуальный закон в рамках состязательного процесса, при заявлении ходатайства о необходимости для подготовки своего выступления представителю одной из сторон в прениях, предоставляет такое время. Такое ходатайство разрешается судом после заслушивания мнения по нему всех участников процесса при соблюдении принципа состязательности и равноправия

сторон с учетом обстоятельств конкретного дела: его сложности, тяжести предъявленного обвинения и количества преступлений, указанных в нем, длительности рассмотрения дела в суде и других обстоятельств.

Особое внимание следует обратить на случаи, когда государственный обвинитель [12] в прениях использует свое полномочие, представленное ч. 8 ст. 246 УПК РФ, и изменяет обвинение. При таких обстоятельствах, как указано в п. 17 постановления Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 29 [5], суд предоставляет стороне защиты время, необходимое для подготовки к защите от поддержанного государственным обвинителем обвинения.

Суд вправе оценит продолжительность времени, предложенную стороной для подготовки к прениям, и вынести решение об этом, руководствуясь необходимостью предоставить обеим сторонам разумное время для подготовки к прениям с тем, чтобы не затягивать рассмотрение дела в ущерб правам и интересам других участников процесса, а также соблюсти право, например, стороны защиты иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите. Так например, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ, отменяя приговор с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство, сослалась на то, что в ходе судебных прений подсудимый в связи с необходимостью проанализировать речь государственного обвинителя, аргументировано ответил на его доводы, ходатайствовал о предоставлении ему достаточного времени для выступления в судебных прениях совместно с защитником. Председательствующий частично удовлетворил ходатайство, предоставил ему 1 час для подготовки, но без защитника. После возобновления прений адвокат заявил об ущемлении права подсудимого пользоваться помощью защитника. Председательствующий данное заявление оставил без внимания и возможность проконсультироваться с защитником перед выступлением в прениях подсудимому не предоставил. В результате требования ч. 3 и 4 ст. 47 УПК РФ по делу выполнены не были (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года (утвержден Президиумом ВС РФ 05.02.2014) (определение № 78-АПУ13-28) [7].

Как правило, при рассмотрении дела не в одном судебном заседании (не за один рабочий день) председательствующий заранее предупреждает стороны о дне проведения прений сторон с тем, чтобы они заблаговременно подготовились к изложению своей позиции в речах.

Первой в прениях выступает сторона обвинения – государственный обвинитель, а также, если желают, потерпевший (его представитель) и гражданский истец (его представитель).

Затем выступают с речами представители защиты – гражданский ответчик (его представитель), подсудимый и его защитник.

Подсудимый вправе участвовать в судебных прениях лишь при условии, что он отказался от участия в деле защитника. Если защитник отсутствует по другим причинам (не явился в судебное заседание, внезапно заболел и т.п.), суд должен принять меры по обеспечению подсудимого другим защитником в порядке ст. 50 УПК РФ, при необходимости объявив перерыв в судебном заседании или отложив судебное разбирательство.

В прениях сторон могут также участвовать потерпевший и его представитель. Потерпевший имеет право выступать в судебных прениях со стороны обвинения (п. 15 ч. 2 ст. 42 УПК РФ).

Гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, подсудимый также вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон. Следует, однако, иметь в виду, что гражданский истец, гражданский ответчик, а также их представители в силу прямого указания закона (п. 15 ч. 4 ст. 44, п. 11 ч. 2 ст. 54 УПК РФ) также имеют право

выступать в судебных прениях, поэтому суд не может отказать им в заявленном ходатайстве.

Последовательность выступлений участников прений сторон устанавливается судом. При этом, первым во всех случаях выступает обвинитель, а последними – подсудимый и его защитник. Гражданский ответчик и его представитель выступают в прениях сторон после гражданского истца и его представителя.

При наличии спора или при отсутствии договоренности нескольких представителей одной стороны (например, нескольких подсудимых) последовательность выступлений устанавливается судом с учетом положений ч. 3 и 6 ст. 292 УПК РФ.

После выступления всех участников прений каждый из них может выступить с репликой. Как правило, порядок выступлений с репликами аналогичен порядку выступления сторон в прениях. Содержанием реплики могут быть любые вопросы, являющиеся предметом прений. При этом выступление с репликой ни для кого из представителей сторон не является обязательным. Если кто-либо из участников уголовного судопроизводства выступил с репликой, право последней реплики должно быть предоставлено подсудимому и его защитнику [15]. Нельзя прибегать к реплике для повторения уже сказанного, а также для выступления по вопросам, не имеющим значения для дела. Чтобы судебные прения не превратились в препирательство участников процесса, закон предоставляет им право обменяться репликами лишь один раз.

Уголовно-процессуальным законом определено содержание выступления стороны в прениях, в соответствии с ч. 5 ст. 292 УПК РФ прения проводятся лишь по обстоятельствам, имеющим отношение к рассматриваемому уголовному делу. Определяя эти обстоятельства, сторонам следует ориентироваться на перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по данному делу (ст. 73 УПК РФ), а также на перечисленные в ст. 299 УПК РФ вопросы, которые предстоит разрешить суду при постановлении приговора. Выступления в прениях не должны выходить за пределы, установленные требованиями ст. 252 УПК РФ.

Председательствующий вправе останавливать выступление тех участников прений, которые касаются обстоятельств, не имеющих отношение к рассматриваемому уголовному делу, или ссылаются на доказательства, признанные недопустимыми.

Практика свидетельствует также, что председательствующему следует внимательно относиться к содержанию выступлений подсудимого и его защитника с тем, чтобы не допустить такого расхождения в их позициях, которое бы свидетельствовало о нарушении права обвиняемого на защиту. Установив такие противоречия, председательствующий обязан прервать выступление защитника и предложить стороне защиты согласовать свою позицию, а при невозможности достичь этого, принять меры к замене защитника. Так, отменяя постановленный в отношении Ш. приговор, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в определении от 18.12.2014 № 19-АПУ14-38 указала, что позиция защитника и круг его полномочий определяются тем, что он выступает на стороне защиты и призван отстаивать права и интересы обвиняемого. Согласно ч. 7 ст. 49 УПК РФ и ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3] защитник не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого, в том числе не может занимать по делу позицию вопреки воле доверителя (за исключением убежденности в самооговоре доверителя), делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает. В судебном заседании Ш. утверждал, что смерть потерпевшей была причинена им случайно, без предварительного сговора и корыстных побуждений. Однако адвокат, выступая в прениях сторон, заявлял об убийстве потерпевшей, о том, что защита не оправдывает действия Ш., выражая фактически позицию обвинения, несмотря на то что сам Ш. против этого возражал. Таким образом, позиция защитника вступила в противоречие с

позицией его подзащитного, не отражала интересов последнего и нарушила право на защиту [9]. Очевидно, что своевременная реакция на такое противоречие в позициях представителей защиты позволила бы своевременно устранить нарушение права на защиту и способствовала вынесению по делу законного итогового решения.

Аналогичное нарушение, установленное постановлением президиума Волгоградского областного суда от 01.06.2015, повлекло отмену приговора районного суда [10]. Президиум указал, в частности, на то, что адвокат, выступив против воли подзащитного, не выполнил свои обязанности, связанные с представлением интересов подзащитного в судебном заседании.

Продолжительность выступления в прениях сторон не ограничена законом, однако повторение выступающим одних и тех же тезисов и аргументов может быть расценено судом как злоупотребление правом.

Обеспечивая права сторон на защиту, уголовно-процессуальным законом предусмотрено право каждого лица, имеющего право на участие в прениях, независимо от того, участвовал ли он в них, по окончании прений, но до удаления суда в совещательную комнату, представить суду письменные формулировки решений по вопросам, указанным в п. 1–6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ:

- 1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;
- 2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый;
- 3) является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации [1] оно предусмотрено;
- 4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления;
- 5) подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление;
- 6) имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание.

Представление суду формулировок по иным вопросам, которые могут стать предметом судебного решения, не является нарушением закона. При этом как стороне, так и суду, следует учитывать, что предлагаемые формулировки не имеют для суда обязательной силы, за исключением случаев реализации государственным обвинителем своих полномочий, предусмотренных ч 7 и 8 ст. 246 УПК РФ (отказ от обвинения, изменение обвинения).

Как и всякое ходатайство, предлагаемые суду формулировки должны быть подписаны подавшим их лицом и приобщаются к материалам уголовного дела. Подача таких письменных формулировок (либо передача стороной всего текста своего выступления суду для приобщения к материалам дела) не может являться основанием для отказа во внесении в протокол судебного заседания основного содержания выступления в прениях этой стороны.

Участник судебных прений не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании. Если у участника прений сторон после окончания судебного следствия появилась необходимость ссылаться на доказательства, которые не были исследованы в судебном заседании, он заявляет в прениях о необходимости предъявить их суду и, таким образом, об основаниях возобновления судебного следствия.

Таким образом, судебные прения, это часть судебного разбирательства, заключающаяся, в выступлениях сторон и их представителей, в которых они высказывают суждения о ходе и результатах предварительного расследования, судебного следствия и предлагают решения по существу дела. Характер и содержание речей участников прений зависит от направления их деятельности, выполняемых в уголовном судопроизводстве процессуальных функций.

Знакомство с практикой убеждает, что залог успеха в использовании данного института – четкое выполнение норм уголовно-процессуального закона. Представляется, что при текстуальном толковании положений ст. 292 УПК РФ в ней

невозможно найти указания на обязательность участия защитника в прениях, поэтому ст. 292 УПК РФ «Содержание и порядок прений сторон» нуждается в дальнейшей доработке.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 24 февраля 2021 г. № 25-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24 марта 2021 г. № 57-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г. № 268-ФЗ) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 16 мая 2017 г. № 17) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 9.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 3.
7. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 5.
8. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
9. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 10.
10. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 4.
11. Гривцов А. О работе адвоката в прениях сторон по уголовному делу. *Zakon.ru*. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/8/5/o_rabote_advokata_v_preniyah_storon_po_ugolovnomu_delu?fbclid=IwAR3JMyBZ-nDeIcNTBaOT5sRzqPeY5XWNu3n66fyU4Gw.
12. Государственный обвинитель – поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры (п. 6 ст. 5 УПК РФ).
13. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под. ред. д.ю.н. проф., Председателя Верховного суда РФ В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2004. – С. 126.
14. Поляков А. Дисциплинарный вопрос о прениях // *Адвокатская газета*. – 2013. – № 23(160). – 1–15 декаб. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/distsiplinaryu-vopros-o-preniyakh/>.
15. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В 2 ч. Ч. 1: практическое пособие / В.М. Лебедев [и др.]; ответств. редактор В.М. Лебедев. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – С. 206.
16. Резник Г.М. Прения сторон – обязательная часть судебного разбирательства. // *Адвокатская газета*. – 2013. – № 23(160). – 1–15 декаб. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/distsiplinaryu-vopros-o-preniyakh/>.
17. См. например: Уголовный процесс: учебник / коллектив авторов; под ред. В.А. Лазаревой. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. – С. 425; Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 7-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – С. 570.

Митин Р.К.

Гражданско-правовое регулирование ограниченных вещных прав в свете проекта внесения изменений в Гражданский кодекс РФ

*Калужский институт (филиал) «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
(Россия, Калуга)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-238

Аннотация

Изменения в обществе неизменно вызывают трудности в регулировании тех или иных правоотношений, ибо они составляют основу взаимодействия людей. Именно

поэтому особо важным считается вопрос реформирования существующих норм права, в частности норм, определяющих ограниченные вещные права.

Ключевые слова: Гражданский кодекс РФ, проект Гражданского кодекса РФ, ограниченные вещные права, реформа Гражданского кодекса.

Abstract

Changes in society steadily cause difficulties in regulation of these or those legal relationship because they make a basis of interaction of people. For this reason the question of reforming of the existing rules of law, in particular the norms defining the limited real rights is considered especially important.

Keywords: Civil Code of the Russian Federation, draft of the Civil Code of the Russian Federation, limited real rights, reform of the Civil code.

В динамично развивающемся обществе стремительным образом меняется и законодательство, регламентирующее нормы поведения людей в тех или иных общественных отношениях. Исключением не являются гражданские правоотношения - во исполнение Указа Президента РФ от 18 июля 2008 года N 1108 "О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации", а также согласно имеющейся Концепцией развития Гражданского законодательства Российской Федерации была проведена разработка и презентация изменений в первый, второй, третий, шестой и седьмой разделы Гражданского кодекса Российской Федерации.

Данное обсуждение проводилось на платформе международной научно-практической конференции "Проблемы совершенствования гражданского законодательства", проводимой под эгидой Торгово-промышленной палаты Российской Федерации 22 ноября 2010 г. , а также на других встречах и совещаниях.

После учета замечаний и предложений, поступивших в ходе обсуждения предлагаемых изменений, был подготовлен проект Федерального закона "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ".

26 декабря 2012 года Советом Федерации был одобрен закон, принятый на основе законопроекта № 47538-6/1, который содержит первую часть изменений Гражданский кодекс РФ, на которые разделен исходный законопроект № 47538-6 о внесении изменений в ГК принятый Государственной Думой в первом чтении. [2]

На данный момент изменения, касающиеся ограниченных вещных прав, приняты не были, однако исходя из проекта можно судить о расширении их списка. Согласно этому проекту, ч.2 ст. 223 ГК РФ будет предусматривать, следующий список вещных прав: право постоянного землевладения (глава 20); право застройки (глава 202); сервитут (глава 202); право личного пользования (глава 20); ипотека (глава 204); право приобретения чужой недвижимой вещи (глава 205); право вещной выдачи (глава 206); право оперативного управления (глава 207); право ограниченного владения земельным участком (статья 2971).

Рассмотрим нововведения. Правом застройки является право владения и пользования чужим земельным участком в целях возведения на нем здания или сооружения и его последующей эксплуатации.

Право застройки может быть основанием возведения на чужом земельном участке как одного, так и нескольких зданий и сооружений.

В отношении одного земельного участка может быть установлено несколько прав застройки. Здания и сооружения, возведенные на основании права застройки, принадлежат лицу, имеющему право застройки, на праве собственности в течение срока действия права застройки.

Особое внимание следует уделить изменениям в сервитуте. Согласно ст. 301.1 ГК РФ в новой редакции собственник в отношении вещи, которая обременяется

сервитутом, обладает положительным и отрицательным сервитутами. Они подразумевают выполнять определенные действия, направленные на самостоятельное использование вещи либо же устанавливать ограничения в способе использования данной вещи.

Говоря о содержании отрицательного сервитута, следует отметить, что оно не включает в себя ни право владения, ни право пользования. Принимая во внимание этот факт, отрицательный сервитут не будет относиться к группе вещных прав. В то же время законодатель в вышеуказанном проекте, говоря о сервитутах, не выделяет каких-либо видов отрицательных сервитутов; все сервитутные права (перемещения, строительные, мелиорации, горный, коммунальный) выступают именно положительными.

Анализируя природу положительного сервитута, мы приходим к выводу, что его суть состоит лишь в одном правомочии - правомочии пользования. Однако, при более детальном рассмотрении возможностей, которые предоставляют данные права, к примеру, производства «земляных работ», «осуществлять строительство наземных, надземных или подземных сооружений, их эксплуатацию, текущий и капитальный ремонт» для созданного стока воды и т.п., рядом ученых, к которым относится В.А. Белов, признается, что эти права даруют несколько большее, чем просто владение. Стоит согласиться с данным суждением и признать, что сервитутное право в проектируемой редакции ГК РФ также является вещным правом, за исключением такой его разновидности, как отрицательный сервитут. [3]

Право личного пользования. Собственник недвижимой вещи вправе предоставить другому лицу - гражданину, а в ряде случаев, предусмотренных законом, некоммерческой организации (пользователю) право личного владения и пользования такой вещью (узуфрукт). При этом предусмотрен запрет на использование такой вещи в целях предпринимательской деятельности. Важным является личный характер данного права (отсутствие возможности передачи путем сделки или правопреемства). В соответствии со ст. 302 п. 3 ГК РФ с изменениями, внесенными предлагаемым актом, собственник пользователя вправе владеть и пользоваться обремененной вещью в соответствии с ее целевым назначением и требовать удаления всех других лиц, в том числе собственника, от владения и использования товаров. Здесь мы видим право владения и пользования вкупе с правом требования, которое есть не что иное, как возможность полной защиты этого права.

Ипотека. В силу ипотеки залогодержатель наделяется для реализации своих собственных целей правом распорядиться вещью, которая была заложена. Условия и порядок, в котором возникают подобные права, регламентируется законом и определяется сторонами при заключении договора. При классификации можно выделить следующие виды ипотеки:

акцессорная ипотека, содержание которой включает в себя необходимое уточнение информации об обеспеченном обязательстве: его сущность, размер обязательства и сроки его исполнения;

независимая ипотека, которая подразумевает наличие права залогодержателя в определении обеспеченного обязательства. При этом у него возникает необходимость уведомить об этом залогодателя (третье лицо). Максимально разрешенный срок, на который может выдаваться подобная ипотека - 30 лет.

Возникновение ипотеки всегда связано с договором или законом и должно обязательно быть государственно зарегистрировано. Договор должен быть нотариально удостоверен, кроме случаев, когда независимая ипотека была удостоверена закладной.

Согласно проекту, предметом ипотеки могут выступать различные материальные блага и права: здание или сооружение, земельный участок, право постоянного землевладения или право застройки, жилое и нежилое помещение.

Новшеством законопроекта является то, что появляется возможность установить старшинство ипотек. Оно подразумевает собой правило, по которому младшая ипотека,

то есть та, которая по дате установления была внесена в ипотечную книгу позднее, следует за старшей.

Существует также и право передачи старшинства ипотек. По нему разрешается передать старшинство от одного залогодержателя другому, однако в пределах обеспеченной правом залога. Кроме того, данная передача не должна противоречить установленным правам залогодателя, должника или, в определенных случаях, других залогодержателей. Главным образом здесь влияет государственная регистрация ипотек, ибо именно по очереди в данной регистрации и определяются старшинство. Следует понимать, что данное правило учитывается только при ипотеке на один и тот же предмет.

Право приобретения чужой вещи. На основании права приобретения чужой недвижимой вещи лицо получает исключительное право перед другими лицами приобрести эту вещь в свою собственность. Право приобретения чужой недвижимой вещи подлежит государственной регистрации. При этом данное право может быть передано другому лицу с одновременной передачей этому же лицу своих прав и обязанностей по договору, предусматривающему отчуждение вещи в его собственность. [4]

Используя понятие "право вещной выдачи" законодатель подразумевает возможность лица, обладающего таким правом, требовать от собственника недвижимого имущества некое предоставление в различных формах в установленном количестве (товары, деньги, услуги). Это право тесно связано с ипотечным правом, ибо в случае отсутствия указанного предоставления лицо получает возможность взыскания вещи в порядке ипотеки. Как видно, сущность данного права состоит в правомочии получения некоего предоставления от собственника недвижимого имущества. Иными словами, потребности правообладателя удовлетворяются за счет исполнения обязанностей конкретно установленного лица. Видится противопоставление двух сторон этого правоотношения: правообладатель и собственник недвижимости. Из всего вышесказанного следует вывод, что это право является относительным (присутствует строгое определение правоотношения) и включает в себя элементы обязательственного права (выполнение обязанностей собственника). В данном случае правомочий владения не возникает, но в случае невыполнения предоставлений как раз у правообладателя появляется ипотечное право, являющееся вещным. [5]

Таким образом, изменения, планируемые в Гражданском кодексе РФ, позволят улучшить регулирование ограниченных вещных прав, расширяя возможности несобственника. Однако законодатель вводит все реформы постепенно, что абсолютно положительно сказывается на их действии. При возникновении каких-либо трудностей или спорных ситуаций всегда будет существовать возможность внести дополнительные изменения для повышения качества регламентации гражданских правоотношений.

1. Проект Федерального закона "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ" // Доступ из справочной системы «Консультант Плюс»
2. Изменения в Гражданский кодекс РФ 2012-2014 // Юридическая консультация онлайн: сайт. - Режим доступа: <https://vuridicheskava-konsultaciva.ru/gk-izmeneniva-v-graidanskiv-kodeks-rf.html>
3. Махиня, Е. А. СИСТЕМА ВЕЩНЫХ ПРАВ В ПРОЕКТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <https://cvberleninka.ru/article/n/sistema-veschnyh-nrav-v-proekte-izmeneniv-grazhdanskogo-kodeksa-rossivskov-federatsii>
4. Вещная реформа. Ограничение вещных прав по-новому <http://www.garant.ru/article/483054/#ixzz5B1oaIzGO>
5. Борисова, Л.В. Гражданско-правовое регулирование вещных прав: новеллы проекта Федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации <http://xn--7sbaj7auwnffhk.xn--plai/article/27882>

Митин Р.К.

Гражданско-правовое регулирование использования прав интеллектуальной собственности в сети интернет

*Калужский институт (филиал) «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
(Россия, Калуга)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-239

Аннотация

Предметом исследования является использование интеллектуальных прав как объекта гражданско-правового оборота в сети «Интернет». Объектом исследования выступает правовое регулирование споров, возникающих в указанных правоотношениях. В исследовании применялись методы анализа, синтеза, а также сравнительно правовой. Раскрываются проблемы использования и регистрации товарных знаков в сети «Интернет». Основными выводами являются усиление роли проверяющих и аккредитационных агентств, что позволит снизить количество случаев недобросовестного использования товарных знаков.

Ключевые слова: реклама, торговый знак, средство индивидуализации, правонарушения в сфере интеллектуальной собственности, споры по поводу товарных знаков.

Abstract

The subject of the study is intellectual rights using as an object of civil law in the Internet. The object of the study is the legal regulation of disputes arising in such relations. The study used methods of analysis, synthesis, as well as relatively legal. Problems of use and registration of trademarks on the Internet are disclosed. The main conclusions are the inspection and accreditation agencies roles strengthening, that can reduce the number of unscrupulous trademarks using.

Key words: advertising, trademark, means of individualization, intellectual property offences, trademark disputes.

В связи с постепенным изменением товарно-рыночных отношений в пользу интернет-торговли необходимо особое внимание уделить правам интеллектуальной собственности. Реализация национальной программы «цифровая экономика» предполагает развитие онлайн-магазинов, активную торговлю товарами на расстоянии и усиление роли отечественных товаропроизводителей в данном сегменте. При этом важным остается вопрос, относящийся к патентному праву: многие продавцы не регистрируют товарные знаки и используют их в течение нескольких лет, третьи же лица могут зарегистрировать данный товарный знак и подать в суд за его использование. Кроме того, актуальным остается вопрос, связанный с подделкой товарных знаков в сети Интернет, их намеренное использование с целью получения выгоды, либо поставки продукции низкого качества с целью нанесения ущерба репутации производителю. Поэтому устранение пробелов в праве относительно товарных знаков носит прикладной характер в современном мире. Кроме того, к правонарушениям в сфере интеллектуальной собственности относятся противоправные деяния, совершенные информационным посредником, то есть передача материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети «Интернет», предоставление возможности размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, либо предоставление возможности доступа к нему.

Важным средством повышения эффективности борьбы с нарушениями интеллектуальных прав в Интернете было повышение ответственности тех, кто предоставляет услуги доступа в Интернет, размещает или передает информацию в этой сети и т. д. (Провайдеров, информационных брокеров). Первым важным шагом в построении модели ответственности информационного брокера стало принятие закона в Соединенных Штатах в 1998 г. Digital Millennium Copyright Act — Закона об авторском праве в цифровую эпоху. Этот закон регулирует условия привлечения таких лиц к ответственности, порядок взаимодействия с клиентом и лицом, которое считает, что его права были нарушены, и т. д. Общий принцип заключался в том, что поставщик может избежать ответственности только в том случае, если он своевременно отреагирует на выявленные нарушения и сможет принять все необходимые меры по их предотвращению. При этом в обязанности провайдера не входит определение правоты — данная функция отнесена к компетенции суда. На товарный знак, то есть на обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак.

Одним из наиболее частых правонарушений в сфере интеллектуальной собственности, как показывает судебная практика, является создание товарных знаков, близких по своему содержанию и виду деятельности к знакам уже известным, ставшим брендами.

Для того, что определить, является ли товарный знак близким до степени смешения с другим, необходимо выделить критерии сравнения. Ранее действовал Приказ Роспатента от 30.12.2009 N 190 «Об утверждении Рекомендаций по применению положений Гражданского кодекса Российской Федерации, касающихся согласия правообладателя на регистрацию сходного товарного знака», согласно которому обозначение считается тождественным с другим обозначением, если оно совпадает с ним во всех элементах. Обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия.

Любое лицо, осуществляющее автоматическое переходное и временное хранение информации, единственной целью которого является эффективная передача данных заказчикам услуг, не несет ни гражданско-правовой, ни уголовно-правовой ответственности за хранение такой информации, при условии, если Интернет-провайдер:

1. не изменяет содержание информации, соблюдает правила по осуществлению доступа к информации и правила по обновлению информации, не препятствует нормальному и законному использованию технологий по получению информации;
2. принимает своевременные меры по удалению хранимой информации, или закрытию доступа к ней при обнаружении незаконности содержания информации. Интернет-провайдеру становится известно в связи с тем, что информация была удалена у источника передачи данных, или доступ к ней был закрыт, или если судом было принято решение о закрытии доступа к информации или ее удалении. [1]

Примером подобного спора может служить следующий случай: Президиум Высшего арбитражного суда (ВАС) РФ отменил решение трех судов низшей инстанции по иску ООО "АВТО.РУ" к ООО "Авто.ру". Компания "АВТО.РУ" подало обращение в Арбитражный суд Москвы с требованием ограничить права "Авто.ру" в плане использования официально зарегистрированного фирменного наименования в аналогичных видах деятельности, и, кроме того, с требованием взыскания в свою пользу 500 тысяч рублей в качестве компенсации понесенных убытков. Согласно

материалам данного дела, Истец ООО "АВТО.РУ" был зарегистрирован в 1997 году и основным видом деятельности является размещение рекламы на сайте Auto.ru. Ответчик же был зарегистрирован спустя 6 лет и занимается подобным видом деятельности, но на сайте avto.ru.

По итогу рассмотрения дела в первой инстанции суд не увидел аналогии в ведении деятельности истца и ответчика, поэтому иск был отклонен за недоказанностью. Аналогично поступили девятый арбитражный апелляционный суд и Федеральный арбитражный суд Московского округа. Следующая инстанция, коллегия из трех судей ВАС, пришло к иному выводу, обнаружив необходимые доказательства, свидетельствующие об аналогии в деятельности компаний. Это свидетельствует о том, что уже достаточно давно существуют попытки выработать критерии оценивания схожести объектов интеллектуальной собственности и составить практику их применения. [3]

Кроме того, практика показывает, что существуют и иные случаи смешения.

ЗАО «Сормовская кондитерская фабрика» является правообладателем товарного знака «Шалун» по свидетельству Российской Федерации № 231122, правовая охрана которого распространяется, в том числе на кондитерские изделия с правом приоритета от 26.07.2001.

В процессе проведения мониторинга рынка на наличие недобросовестных конкурентов истцами было обнаружено, что ООО «Лихачевский кондитерский комбинат» с 2016 года занимается деятельностью по производству, продаже и активному вовлечению в гражданский оборот кондитерской продукции печенья «Шалунишки» с применением индивидуальных знаков различия, сходных до степени смешения с уже имеющимся товарным знаком «Шалун», права на которые зарегистрированы за ЗАО «Сормовская кондитерская фабрика».

ЗАО «Сормовская кондитерская фабрика», считая, что ее исключительные права на указанный товарный знак были нарушены в связи с незаконным введением ответчиком в гражданский оборот на территории Российской Федерации продукции с товарным знаком «Шалун», подала жалобу в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции истцу было отказано в связи с тем, что наличие у ответчика зарегистрированного права на товарный знак «Лихачевские шалунишки» исключает возможность квалификации действий ответчика по продаже товаров под указанной маркой как нарушение прав компании «Сормовская кондитерская фабрика» на товарный знак «Шалун» по свидетельству №231122. Обозначение «Шалунишки», на этикетке, предоставленной заявителем, обычный узор, буквы белые, слегка закругленные, первая буква заглавная, остальные - строчные. При этом общее визуальное впечатление от торговой марки № 231122 и обозначения «Шалунишки» существенно различается.

Таким образом, между товарным знаком № 231122 и словом «Шалунишки» Имеются значительные графические (визуальные) различия, так как общее визуальное впечатление отличается: тип шрифта, графическое оформление букв, цветовая схема, количество букв верхнего и нижнего регистра, количество букв в целом и их количество. различаются состав, разное расположение букв по отношению друг к другу. [2]

Таким образом, основной проблемой споров по поводу товарных знаков является попытки минимизировать незаконными способами затраты на разработку товарных знаков и воровство успешных товарных знаков у компаний - лидеров, а также халатное отношений собственников средств производства к их Государственной регистрации. Одним из возможных путей решения данных вопросов может выступать увеличение штрафных санкций и усиление государственного контроля по отношению к недобросовестным предпринимателям. Органами, на который было бы возможно

возложить данные обязанности, видятся специально аккредитованные органы сертификации.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) //СЗ РФ. 25.12.2006, N52 (1 ч.), ст. 5496.
2. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда по делу № А45- 14505/2018 // sudact.ru - сайт. Режим доступа <https://sudact.ru/arbitral/doc/CZMoHes5FBo5/>
3. Попова А. В., Матасова А. О. Некоторые проблемы защиты товарного знака // Молодой ученый. —2019. —№4. С. 322-323.

Мудрая Д.А.

Средства индивидуализации, содержащие географические обозначения, в законодательстве стран СНГ

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-240

Аннотация

В статье приводятся результаты анализа законодательства стран-участниц СНГ в свете принятия в 2010 г. Межпарламентской Ассамблеей государств - участников СНГ Модельного Кодекса интеллектуальной собственности, имеющего целью приведение в единообразие национальных законодательств.

Ключевые слова: средства индивидуализации товаров, гражданское законодательство, наименование места происхождения товаров, СНГ, географические указания

Abstract

The article presents the results of the analysis of the legislation of the CIS member states in the light of the adoption in 2010 by the Interparliamentary Assembly of the CIS member states of the Model Code of Intellectual Property, aimed at bringing national legislations into uniformity.

Keywords: means of individualization of goods, civil law, appellation of origin of goods, CIS, geographical indications

Одним из приоритетных направлений российской внешней политики является сотрудничество с государствами-участниками Содружества Независимых Государств (далее по тексту – СНГ) в двустороннем и многостороннем формате. Одним из направлений экономической интеграции в рамках СНГ является создание цивилизованного рынка интеллектуальной собственности. Необходимым условием данного процесса служит унификация соответствующих правовых норм и гармонизация внутригосударственного законодательства. Гармонизация национальных законодательств обеспечивается в странах СНГ координацией законопроектной работы, принятием согласованных актов национального законодательства, проведением предварительной экспертизы законопроектов на соответствие их нормам международного права и документам, принятым в рамках объединения [1].

В том числе, с целью обеспечения единообразного регулирования имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, возникающих в связи с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности, распоряжением правами интеллектуальной собственности, охраной и защитой прав на такие объекты, а также с целью гармонизации национальных законодательств в сфере интеллектуальной собственности в 2010 г. Межпарламентской

Ассамблеей государств - участников СНГ был разработан и принят Модельный Кодекс интеллектуальной собственности (далее – Модельный Кодекс, Кодекс) [2].

При этом средствами индивидуализации, содержащим географические обозначения, посвящена лишь глава 11 Модельного Кодекса, закрепляющая общие положения о географических указаниях. Нормы Кодекса, регулирующие наименования мест происхождения товаров (далее – НМПТ), отсутствуют, в связи с чем предполагается их правовое регулирование национальными законодательствами стран-участниц СНГ [2].

При этом нормы Модельного Кодекса о географических указаниях носят поверхностный характер, не затрагивают многие принципиально-важные вопросы и в большинстве своем отсылают к нормам национального законодательства, чем полностью оправдывает свой «модельный» характер.

В связи с вышеизложенным представляется важным и актуальным рассмотрение правового регулирования национальными законодательствами стран-участников СНГ вопросов, связанных с географическими указаниями и НМПТ.

В настоящее время в состав СНГ входят 9 государств: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Рассмотрим каждое из них.

Азербайджан.

Законодательство Азербайджана в вопросе правового регулирования средств индивидуализации пошло по тому же пути, что и РФ в начале 90-х годов двадцатого века, а именно принятия отдельных нормативно-правовых актов, регулирующих конкретную совокупность тем или иным образом связанных между собой средств индивидуализации. Правовое регулирование рассматриваемого нами вопроса в настоящее время ограничивается рамками Закона Азербайджанской республики от 12 июня 1998 года № 504-IQ «О товарных знаках и географических указаниях» (далее по тексту – Закон АР) [3].

Данный закон предусматривает правовую охрану лишь географических указаний, при этом о НМПТ не упоминается.

Принципиально важным в рамках настоящей статьи представляется то обстоятельство, что Закон Азербайджана не признает исключительных прав на географические указания (ст.25). Он лишь предусматривает возможность их использования по своему усмотрению (ст.26) [3].

Армения.

Главной особенностью правового регулирования законодательством Республики Армения вопросов, связанных с НМПТ и географическими указаниями, является применение наряду с ГК Республики Армения [4] специального Закона Республики Армения от 22.05.2010 г. № ЗР-60 «О географических указаниях» (далее по тексту – Закон РА) [5].

При этом ГК РА применительно к рассматриваемым средствам индивидуализации товаров содержит лишь 7 статей, 5 из которых отсылают к Закону РА [5].

Закон Республики Армения включает в себя Общие положения, в том числе нормы, касающиеся компетентного органа (ст.5), которым является Агентство интеллектуальной собственности (обособленное подразделение, действующее в составе Министерства Экономики РА) [6], а также нормы о правовой охране и порядке государственной регистрации НМПТ и географических указаний.

При этом важным является то, что законодательство Республики Армения не признает исключительных прав за НМПТ и географическими указаниями, а лишь предоставляет право пользования ими (ч.2 ст.29 Закона РА), тогда как, например, на товарные знаки исключительное право признается (ст.1172 ГК РА) [5].

Белоруссия.

Также, как и законодательство Республики Армения, законодательство Республики Беларусь в вопросе правового регулирования НМПТ и географических указаний пошло по пути рамочного регулирования в рамках ГК Республики Беларусь [7] и принятия специального Закона Республики Беларусь от 17.07.2002 №127-3 «О географических указаниях» (далее по тексту – Закон РБ) [8], содержащего подробное регулирование рассматриваемых нами средств индивидуализации.

Законом РБ от 18 декабря 2019 г. № 275-З «Об изменении законов» [9] в Закон РБ и ГК РБ были внесены существенные изменения, и нормы, посвященные НМПТ и географическим указаниям, были изложены в новой редакции, в том числе НМПТ были признаны разновидностью географических указаний. При этом в отношении НМПТ было сохранено определение, данное в Законе РБ в редакции 2002 г. [10].

Законодательство РБ предусматривает существование в отношении НМПТ и географических указаний исключительных прав, которые включают право использовать их по своему усмотрению, а также запрещать их использование другим лицам, за исключением лиц, которым такое право предоставлено в соответствии с законодательством (ст.1026 ГК РБ) [8].

Казахстан.

Законодательство Республики Казахстан в вопросе правового регулирования НМПТ и географических указаний включает в себя ГК Республики Казахстан [11], предусматривающий общие положения и содержащий 5 статей, а также специальный Закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 года № 456-І «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (далее по тексту – Закон РК) [12].

Закон РК исчерпывающим образом регулирует вопросы, связанные с правовой охраной и регистрацией НМПТ, при этом предусматривает исключительное право владельца НМПТ на его использование любым, не противоречащим закону способом. Правовая охрана географических указаний законодательством РК не предусматривается. Кроме того, важным является отождествление ГК РК НМПТ и указаний происхождения, которые фактически признаются синонимами (п.1 ст.1033 ГК РК) [12].

Киргизия.

Как и законодательство Армении, Белоруссии и Казахстана, законодательство Киргизии по вопросу регулирования средств индивидуализации товаров делится на ГК Кыргызской Республики [13] и специальные законы, в том числе Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 года № 7 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (далее по тексту – Закон КР) [14].

Закон КР подробно регулирует основания возникновения и правовую охрану НМПТ, вместе с тем, ни он, ни ГК КР не предусматривают правовую охрану географических указаний и не упоминают данные средства индивидуализации товаров. При этом законодательством КР предусмотрено лишь предоставление владельцам НМПТ права пользования им, которое не является исключительным (ст.32 Закона КР) [14].

Молдавия.

Законодательство Республики Молдова в сфере интеллектуальной собственности ограничивается специальными законами, ГК Республики Молдова правовое регулирование по данным вопросам не осуществляется.

Применительно к рассматриваемым нами в рамках настоящей статьи средствам индивидуализации правовое регулирование осуществляется Законом Республики Молдова от 27 марта 2008 года №66-ХVI «Об охране географических указаний, наименований мест происхождения и гарантированных традиционных продуктов» (далее по тексту – Закон РМ). Данный Закон устанавливает нормы, относящиеся к регистрации, правовой охране и использованию географических указаний, НМПТ, а

также неизвестных законодательству РФ гарантированных традиционных продуктов, при этом за владельцем средства индивидуализации товаров признается право пользование данным средством индивидуализации (ст.10 Закона РМ) [15].

Россия.

Законодательство РФ по рассматриваемому в настоящей статье вопросу исчерпывается часть 4 ГК РФ, посвященной правам на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации [16].

При этом Федеральным законом от 26.07.2019 № 230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую ГК РФ и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» правовая охрана была предоставлена новому средству индивидуализации наряду с ранее существовавшим НМПТ, а именно географическому указанию [17].

При этом ГК РФ предусматривает предоставление владельцу НМПТ или географического указания исключительное право на данное средство индивидуализации (ст.1519 ГК РФ) [16].

Таджикистан.

Ст.1126 ГК Республики Таджикистан предусматривает, что к объектам права интеллектуальной собственности относятся, в том числе, наименования мест происхождения товаров и указания происхождения, вместе с тем отдельных норм о рассматриваемых средствах индивидуализации не содержит [18].

Основная регулирующая роль отведена Закону Республики Таджикистан от 5 марта 2007 года № 236 «О географических указаниях» (далее по тексту – Закон РТ) [19].

При этом Закон РТ рассматривает географическое указание исключительно как собирательное понятие, которое включает в себя НМПТ и указания происхождения. В качестве отдельного средства индивидуализации товаров географические указание не выделяется.

Под указанием происхождения товара понимается обозначение, прямо или косвенно указывающее на место действительного происхождения или изготовления товара. Указание происхождения товара может быть представлено в виде названия географического объекта или изображения. Ему предоставляется правовая охрана наравне с НМПТ, при этом ни на указание происхождения товаров, ни на НМПТ не предоставляется исключительное право. Владельцы могут рассчитывать лишь на право пользования средством индивидуализации (ст.11 Закона РТ) [19].

Узбекистан.

Также, как и в большинстве стран-участницах СНГ законодательство Республики Узбекистан об объектах интеллектуальной деятельности и средствах индивидуализации пошло по пути принятия специальных законов, наравне с которыми базовые положения предусматриваются ГК Республики Узбекистан.

Основу правового регулирования составляет Закон Республики Узбекистан 30 августа 2001 года № 267-II «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» (далее по тексту – Закон РУ). Закон РУ предусматривает порядок предоставления правовой охраны НМПТ, при этом об иных средствах индивидуализации товаров, содержащих географические обозначения, не упоминается. Лицо, зарегистрировавшее НМПТ в РУ на основании выдаваемого свидетельства, приобретает право пользования таким НМПТ, которое не является исключительным [20].

На основании вышеизложенного, могут быть сделаны следующие выводы:

1. Модели правового регулирования средств индивидуализации товаров, содержащих географические обозначения, в странах-участницах СНГ не отличаются единообразием.

Всего можно выделить три модели правового регулирования:

- 1) когда правовое регулирование осуществляется исключительно специальным законом;
- 2) когда наряду со специальным законом применяются нормы гражданского кодекса;
- 3) когда правовое регулирование осуществляется исключительно гражданским кодексом.

При этом вторая модель является преобладающей.

2. Отсутствует единообразие в предоставлении правовой охраны тем или иным средствам индивидуализации товаров, содержащих географические обозначения.

Напомним, что Модельный кодекс регулирует лишь географические указания, тогда как не все национальные законодательства предоставляют им правовую охрану.

На основе проведенного анализа можно выделить следующий перечень средств индивидуализации товаров, содержащих географические обозначения, которым предоставляется правовая охрана в странах-участницах СНГ:

- 1) НМПТ;
- 2) географические указания;
- 3) указания происхождения товаров;
- 4) гарантированные традиционные продукты.

При этом в отдельных случаях географическое указание выступает как собирательное понятие для обозначения иных средств индивидуализации.

3. Отсутствует единый подход к пониманию сущности предоставляемого на средства индивидуализации товаров, содержащих географические обозначения, праву.

Всего можно выделить два подхода:

- 1) когда предоставляется исключительное право;
- 2) когда предоставляется право пользования средством индивидуализации.

При этом преобладающим является второй подход.

Принимая во внимание отсутствие единообразия в законодательстве стран-участниц СНГ, представляется очевидным, что цель принятия Модельного Кодекса в настоящее время нельзя считать достигнутой.

1. Шугурова, И.В. Модельное законодательство в сфере интеллектуальной собственности в странах СНГ / И.В. Шугурова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3 (98). С. 131-137.
2. Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников СНГ от 07.04.2010 г. // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2010. № 47. С. 133 - 183.
3. О товарных знаках и географических указаниях: Закон Азербайджанской Республики от 12 июня 1998 года № 504-IQ (ред. от 19.02.2019) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30598972#pos=5;-106 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
4. Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 года №ЗР-239 (ред. от 30.12.2020) [Электронный ресурс] URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2998 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
5. О географических указаниях: Закон Республики Армения от 22.05.2010 г. № ЗР-60 (ред. от 29.06.2020) [Электронный ресурс] URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=67786 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
6. Общая информация: сайт Агентства интеллектуальной собственности Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aipa.am/ru/about-us/> Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-З (ред. от 29.06.2020) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30415161#pos=6;-106 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
8. О географических указаниях: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2002 года № 127-З (ред. от 18.12.2019) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30539316 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
9. Об изменении законов: Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 275-З [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11900275> Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
10. Профессионально об актуальном: Новая редакция Закона «О географических указаниях». Часть 1: Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/mart/47897/> Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
11. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409-І (ред. от 02.01.2021) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=1013880 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
12. О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров: Закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 года № 456-І (ред. от 21.01.2019) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1014203 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
13. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 5 января 1998 года № 1 (Часть II) (ред. от 19.04.2019) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30224035#pos=6;-106 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
14. О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров: Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 года № 7 (ред. от 23.03.2020) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30223739 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
15. Об охране географических указаний, наименований мест происхождения и гарантированных традиционных продуктов: Законом Республики Молдова от 27 марта 2008 года №66-ХVІ (ред. от 24.05.2018) [Электронный ресурс] URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=24075 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Парламентская газета. 2006. № 214-215; Российская газета. 2019. № 158. (ред. от 30.12.2020).
17. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: федер. закон от 26.07.2019 г. № 230-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2019. №30. Ст.4132.
18. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 1 марта 2005 года (Часть третья) (ред. от 03.07.2012) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30447965 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
19. О географических указаниях: Закон Республики Таджикистан от 5 марта 2007 года № 236 (ред. от 02.01.2019) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30593669 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
20. О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров: Закон Республики Узбекистан 30 августа 2001 года № 267-ІІ (ред. от 05.10.2020) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30433212 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).

Обыденная А.И., Голенок С.Г.

Правовое регулирование смарт-контрактов в законодательстве Российской Федерации

*Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-241

Аннотация

Статья посвящена вопросам правового регулирования смарт-контрактов в ходе реформы, направленной на цифровизацию гражданского законодательства. В статье

рассматриваются общие перспективы внедрения смарт-контрактов в договорную практику Российской Федерации, новейшие изменения в законодательстве в области блокчейн и судебная практика по сделкам с использованием смарт-контрактов.

Ключевые слова: технология блокчейн, смарт-контракты, цифровые финансовые активы.

Abstract

This article is devoted to the issues of legal regulation of smart contracts in the course of the reform aimed at digitalizing civil legislation. The article discusses general prospects for the introduction of smart contracts into the contractual practice of the Russian Federation, the latest changes in blockchain legislation and court practice on transactions using smart contracts.

Key words: blockchain technology, smart contracts, digital financial assets.

В условиях развития цифровой экономики и информатизации общества смарт-контракты являются одной из наиболее впечатляющих правовых инноваций нашего времени. Цифровой аналог традиционного договора, самоисполняющийся договор, соглашение, которое невозможно нарушить, компьютерный алгоритм вместо посредников, судей и нотариусов - так обычно описывают эту новеллу эпохи цифровой экономики.

Безусловно, смарт-контракты открывают перед нами огромные возможности. Благодаря смарт-контрактам обязательства будут исполняться надлежащим образом, что позволит разгрузить суды и облегчить работу юристам, возможно даже полностью заменить их программистами. Сейчас сложно представить подобное положение вещей, но с внедрением смарт-контрактов в договорную практику, такое будущее вполне возможно.

В реальной жизни деятельность сторон периодически отклоняется от правового идеала. Это может происходить, например, из-за недобросовестного поведения сторон сделки или неверного понимания норм договора либо намеренного искажения их понимания.

Смарт-контракт поможет ограничить волю сторон сделки на стадии исполнения, сделать так, чтобы соблюдались условия, зафиксированные в договоре, которым будет следовать программный алгоритм. Это позволит избежать ошибок, связанных с человеческим фактором, аннулировать риски мошенничества и недобросовестного поведения сторон.

В результате, смарт-контракт минимизирует негативные последствия от неисполнения договора. Сокращает издержки, в том числе на судебные споры.

В мире всё активнее идёт формирование законодательной базы для регулирования смарт-контрактов. Есть и страны, которые занимают позицию, что новые технологии не требуют специального регулирования.

В России понятие «смарт-контракт» на сегодняшний день в законодательстве не определено. В ходе реформы, направленной на цифровизацию гражданского законодательства, были предприняты попытки дать смарт-контрактам легальное определение в профильном законодательстве в области блокчейн, но как показывает практика, до этого дело пока не дошло.

В законопроекте «О цифровых финансовых активах» (№ 419059-7), который направлен на регулирование отношений, возникающих при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов на территории Российской Федерации, предлагалось рассматривать смарт-контракт как новый вид договора, заключаемый в электронной форме.

В нем смарт-контракт определялся как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в

автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств. Защиту прав участников (сторон) смарт-контракта предполагалось осуществлять в порядке, аналогичном порядку осуществления защиты прав сторон договора, заключенного в электронной форме[6].

Следовательно, в проекте закона «О цифровых финансовых активах» смарт-контракт рассматривался как разновидность договора. Однако такой подход к определению смарт-контракта не укладывается в классические представления о договоре. Так, с позиции традиционного для российской цивилистики понимания договора как соглашения сторон, такая дефиниция является весьма противоречивой.

Попытка законодательно определить понятие смарт-контракта была изложена с нарушением практически всех базовых принципов — смарт-контракт обозначен как новая, неизвестная сущность (электронная форма договора), технологически не нейтрален (привязан только к технологии распределённых реестров), обременен ненужными, второстепенными признаками.

Давая определение смарт-контракту, лучше описывать его технологически нейтральным — использовать метод описания сути отношений, а не внешних признаков. Такой сутью является автоматическое исполнение обязательств с помощью программного кода[9].

Поскольку рассмотрение смарт-контракта как договора является весьма спорным, с юридической точки зрения смарт-контракты могут рассматриваться как компьютерные протоколы, имитирующие логику договорных положений, являющиеся способом реализации соглашений между сторонами путем исполнения заложенного алгоритма, исключая человеческого фактор.

Указанный законопроект до его принятия претерпел изменения, ограничив сферу действия закона оборотом токенов и других финансовых активов. Вступивший в силу с 1 января 2021 Федеральный закон №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2], хоть и дает определения многим терминам в рамках блокчейна, само понятие «смарт-контракт» обходит. Видимо, законодатель отказался от отдельного регулирования смарт-контрактов в специальном законе.

С принятием Федерального закона от 18 марта 2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[3], вступившего в силу с 1 октября 2019 года, сделки с использованием смарт-контрактов регулируется в общем порядке согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации.

Часть 2 ст. 309 ГК РФ дополнена новой нормой, которая определяет правовую природу смарт-контракта следующим образом: «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки (автоматизированное исполнение обязательства)»[1].

Как видно, хоть ст. 309 ГК РФ не оперирует термином «смарт-контракт», при этом новое правило ч. 2 ст. 309 ГК РФ, по мнению разработчиков данного закона, является достаточной нормой для применения смарт-контрактов, никаких иных норм не требуется[11].

Указанный нормативно-правовой акт впервые в истории российского гражданского права позитивировал цифровые права как новый объект гражданских прав, внес определенные коррективы в общие положения об исполнении обязательств, приравнял электронную форму сделки к письменной.

Таким образом, фиксация условий сделки в виде программного кода является разновидностью письменной формы. Такая фиксация позволит избежать ненужных споров о том, была ли заключена сделка, согласованы ли её условия и какие правила к ней следует применять сторонам. Как работать с письменными сделками прекрасно знают и в бизнесе, и в государственных органах и в судах.

По мнению некоторых авторов, со вступлением в силу указанных поправок, которые отдельно предусмотрели возможность использования смарт - контрактов в гражданском обороте, смарт-контракты получают более широкое применение на практике. Сейчас нет ограничений на заключение и исполнение смарт-контрактов, в том числе, поскольку ключевым элементом сделки является воля сторон[10].

На основании изложенного, прихожу к выводу, что сделки с использованием смарт - контрактов не требуют отдельного регулирования. Причём даже не обязательно давать им самим формальное определение и использовать термин «смарт-контракт».

Такой подход не позволяет общим правилам «расползаться» по специальным законам. Не порождает на практике ненужных споров о применимости к отношениям, которые не регулируются специальным законом.

Гражданский кодекс в п. 2 ст. 434 ГК РФ четко устанавливает, что договорные отношения между сторонами фиксируются в документе, который может существовать в бумажном или электронном виде[1]. Электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, отправленная, с помощью электронных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту. Федеральным законом от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[4] закреплено положение, что электронные документы могут обрабатываться в информационных системах. Обеспечению защиты этих файлов-договоров посвящен Федеральный закон от 06.04.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи»[5], который гласит, что у участников сделки есть возможность подтвердить свои намерения исполнять обязательства с помощью электронно - цифровой подписи.

Происходит соединение договора, который переходит в информационную систему, и электронно - цифровой подписи, которая позволяет участникам этой системы юридически закрепить обязательства. Далее информационная система самостоятельно, согласно алгоритму, обеспечивает исполнение обязательств с учетом событий внешнего мира.

Сложившаяся судебная практика по сделкам с использованием смарт - контрактов подтверждает изложенные выводы. Так, Арбитражный суд Омской области (Дело №А46-4990/2019) вынес решение от 27 мая 2019 г., которым официально признал легитимной сделку по продаже нефтепродуктов с использованием технологии распределенного реестра. В решении отмечено, что «дополнительным соглашением к договору о порядке заключения приложений к договору поставки в электронной форме от 30.08.2018 стороны согласовали возможность составления и подписания приложений в соответствии с п. 1.2. договора в виде электронного документа (блокчейн-контракта) (п. 2 дополнительного соглашения). Подписание сторонами блокчейн-контракта осуществляется путем обмена информацией в электронном виде, подписанной простой электронной подписью стороны (п. 9 Дополнительного соглашения)»[7].

Решение было принято в ходе судебного процесса, участниками которого выступили нефтетрейдинговая компания ООО «Петролеум Трейдинг» и его клиент ООО «Ликом». Стороны заключили дополнительное соглашение к договору поставки нефтепродуктов, который предусматривал порядок заключения приложений к договору в электронной форме. Стороны согласовали возможность «составления и подписания приложений в виде электронного документа (блокчейн-контракта): официальным предложением со стороны поставщика подписать приложение на поставку товара

(офертой) является направление с официальной электронной почты поставщика на официальную электронную почту покупателя сообщения, содержащего предложение приобрести товар на обозначенных в сообщении условиях».

Ответчик возражал против заявленных исковых требований, поскольку полагал, что сторонами в приложениях не были согласованы условия поставки, в том числе касающиеся применения ответственности за нарушение сроков поставки товара, так как истцом не были предоставлены доказательства получения оферты ответчиком и положительного ответа на нее.

Однако в подписанном дополнительном соглашении к основному договору это было предусмотрено: «Стороны предусмотрели, что молчание является акцептом, и признается согласием покупателя с поставкой товара на предложенных условиях. В случае, если покупатель не заявил ответным письмом отказ от подписания приложения в срок, акцепт приложения в электронной форме (блокчейн-контракта) считается полным и безоговорочным».

Соответственно, поскольку ответчик не заявил об отказе от подписания направленных на его электронную почту приложений к договору, указанные приложения были им акцептованы полностью и безоговорочно[7].

Объем самого иска был небольшой (задолженность в размере 40 239,15 руб. и пени 43 356,54 руб.), но даже мелкое по суммам судебное решение может иметь значительный юридический резонанс, поскольку это первое судебное решение, подтверждающее законность заключения сделок через блокчейн с помощью смарт-контрактов и электронной цифровой подписи.

Это, безусловно, важное историческое событие на пути цифровизации экономики. Как мы видим, смарт-контракты применяются в России даже в отсутствие специального регулирования, что в целом объяснимо диспозитивностью гражданского права. Существующего законодательства вполне достаточно, чтобы внедрять инновации в промышленном масштабе.

Внедрение электронных договоров идет по всему миру. Смарт-контракты, как и сама технология блокчейн, прочно вошли в корпоративную среду, во всем мире количество компаний, внедривших это решение в бизнес-процессы, исчисляется сотнями, если не тысячами: от нефтегазовых гигантов, как BP и Shell, до крупнейших финансовых институтов, как JPMorgan Chase, Mastercard и Bank of America.

На отечественном рынке среди крупнейших корпораций давно присутствуют игроки, которые либо экспериментируют, либо уже внедрили смарт-контракты в промышленную эксплуатацию. Альфа-Банк, «Газпром нефть», «Россети», Сбербанк, S7 Airlines, РЖД, «Дикси», «Первоуральскбанк» – это только малая доля отечественных компаний, которые так или иначе работают со смарт-контрактами.

В России создаются и функционируют юридические технологические компании, оказывающие уникальные на российском рынке услуги в области юридических технологий. Так, юридическая компания «Симплоер» исследует машиночитаемое законодательство, самоисполняемые нормы, пределы автоматизации права и другие вопросы на стыке права и технологии. Компании принадлежит заслуга разработки концепции автоматизации права, ряд ключевых идей которой вошли в программу правового регулирования цифровой экономики[9].

В конце 2017 в Симплоере появляется новая профессия на юридическом рынке – юридический инженер, который консультирует бизнес и юристов по автоматизации правоотношений и юридических процессов, разрабатывает бизнес-решения на основе смарт-контрактов.

В рамках направления по развитию технологии распределенных реестров Ассоциации развития финансовых технологий, учрежденной Банком России и

крупнейшими участниками финансового рынка, реализуются пилотные проекты по проведению операций с цифровыми банковскими гарантиями, цифровыми аккредитивами и электронными закладными. Указанные проекты предполагают использование смарт-контрактов, в том числе реализованных на отечественной платформе Мастерчейн, основанной на технологии распределенных реестров[8].

Законодательная и технологическая базы готовы к переходу компаний на умные договоры. Крупные корпорации уже несколько лет тестируют смарт-контракты в бизнес-процессах. Это повышает прозрачность, сокращает финансовые и временные издержки. Доступность технологии позволит быстро расти новому рынку в ближайшие годы.

По данным Dune Analytics, количество новых смарт-контрактов в сети Ethereum в марте 2020 года достигло почти 2 млн во всем мире, что на 75% больше, чем в феврале этого же года. По мнению экспертов, 2021 год будет прорывным по числу применений умных договоров[9].

Как итог, с появлением профильного законодательства в области блокчейн, направленного на развитие цифровых технологий на российском рынке, смарт-контракты уже сейчас можно встроить в российскую правовую реальность. Регулирования для этого достаточно.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 22.03.2021);
2. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 №259-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 23.03.2021);
3. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 23.03.2021);
4. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 25.03.2021);
5. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 №63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 25.03.2021);
6. Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» от 25.01.2018 (№419059-7) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovyykh_finansovykh_aktivakh (дата обращения 22.03.2021);
7. Решение Арбитражного суда Омской области от 27.05.2019г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b03f81e7-c92b-4f0a-b0fb-4b7d125ef6a3/1a879742-c2ce-4dd9-a893-9a5a3158e6d1/A46-4990-2019_20190527_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 13.03.2021);
8. Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения 18.03.2021);
9. Вашкевич А. М. Смарт-контракты: что, зачем и как. — М.: Симплоер, 2018 — 89 с.
10. Дядькин Д.С., Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2018. № 5(50). URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5806> (дата обращения 18.03.2021);
11. Юрасов М.Ю., Поздняков Д.А. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smartkontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn (дата обращения: 15.03.2021).

Павлова Е.В.

Проблемные аспекты, возникающие на стадии судебного разбирательства административного правонарушения мелкое хулиганство

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова
(Россия, Орел)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-242

Аннотация

Предметом настоящего исследования является система общественных и правовых отношений при организации судебного разбирательства административных правонарушений мелкое хулиганство. Объектом исследования выступили общественные отношения, возникающие в сфере деятельности государственных органов и их должностных лиц при реализации судебного разбирательства мелкое хулиганство. Автор останавливается на детальном изучении действующих правовых норм, а также проблемных аспектов, возникающих при квалификации мелкого хулиганства и его доказывании.

Ключевые слова: административное правонарушение, мелкое хулиганство, нормативное толкование, умысел.

Abstract

The subject of this study is the system of public and legal relations in the organization of the trial of administrative offenses of minor hooliganism. The object of the study was the public relations that arise in the sphere of activity of state bodies and their officials during the implementation of the trial of minor hooliganism. The author focuses on a detailed study of the current legal norms, as well as the problematic aspects that arise in the qualification of minor hooliganism and its proof.

Keywords: administrative offense, misdemeanor hooliganism, normative interpretation, intent.

Среди дел об административных правонарушениях, подведомственных судам, большой процент составляют те, что посягают на общественный порядок и общественную безопасность. Наиболее распространено среди них мелкое хулиганство. Рассмотрение дел указанной группы у судов не инициирует больших проблем на сегодняшний день, однако вопросы, требующие осмысления, все же остаются.

Известно, что подготовка к рассмотрению дела включает составление протокола об административном правонарушении. По ст. 20.1 КоАП РФ [1] такой компетенцией наделены должностные лица органов внутренних дел. Перечень должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы по мелкому хулиганству, не так давно претерпел изменения и утвержден новым приказом МВД России.

Рассмотрение таких дел от имени полиции на текущий момент возложено на определенный законом круг руководителей, их заместителей, а также должностных лиц, которые установлены ч. 2 ст. 23.3 КоАП РФ.

По ст. 20.1 КоАП РФ кроме штрафа может назначаться такая мера ответственности, как административный арест. При этом выделяются два важных условия: с одной стороны, это – исключительность подобных случаев, с другой – право применения только судом в соответствии с ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ.

При таком развитии нормативного толкования стадия рассмотрения дел о мелком хулиганстве переходит в компетенцию суда только в случае вынесения уполномоченным должностным лицом соответствующего определения (о передаче дела судье, наделенному правом применять иной вид или размер санкции на основании п. 1 ч. 2 ст. 29.9 КоАП РФ). В ситуации, когда орган или должностное лицо посчитало необходимым применить меру наказания в виде административного ареста и в связи с

этим реализовало предоставленную возможность передать дело о мелком хулиганстве суду, последний теряет собственную инициативу и обязан принять такое дело к рассмотрению [2].

Вместе с тем отмечается, что суды не всегда соблюдают эти правила. Случается, что протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.1 КоАП РФ, со всеми материалами принимаются судами без определений о передаче дела им на рассмотрение. Следовательно, возникает ситуация, при которой суд обязан инициировать дальнейшее производство используя собственную инициативу.

Отталкиваясь от сути толкования п. 1 ч. 2 ст. 29.9, а также ст. 29.12 КоАП РФ, органы и должностные лица по результатам рассмотрения дела обязаны вынести мотивированное решение и оформить его в виде определения. Такое определение должно приниматься судом в качестве необходимого условия для рассмотрения всех материалов дела о мелком хулиганстве и доведения его до логического завершения.

При этом результаты проводимых исследований дел о мелком хулиганстве демонстрируют отрицательную тенденцию. С каждым годом со стороны органов и должностных лиц увеличивается количество случаев, когда определения о передаче дела на рассмотрение суду выносятся с нарушением правил, установленных законом. Выражается данный факт в упрощении содержания текстов определений. Все может быть сведено лишь к формулировке самого факта направления материалов дела в суд. Не получают должных аргументов причины, на основании которых дела о мелком хулиганстве переданы в компетенцию суда. Отсутствует описание мотивов, подтверждающих невозможность назначить другую санкцию, кроме применения в отношении лица, совершившего мелкое хулиганство, административного наказания в виде ареста. Стоит отметить, что не допускается в качестве достаточного основания для передачи дела на рассмотрение суду сам факт описания сути объективной стороны правонарушения в определении.

В таких случаях очевидным становится нарушение п. 1 ч. 2 ст. 29.9 КоАП РФ. Учитывая повышенную строгость административного ареста в сравнении с другими санкциями за совершение мелкого хулиганства, а также особенность преодоления сроков, сокращаемых применительно к стадии рассмотрения, становится необходимым осуществлять подробную мотивировку определения о передаче дела по подведомственности суду.

Рассмотренные выше ошибки судами исправляются не всегда.

Дела о мелком хулиганстве в таких условиях не должны быть приняты судом. Ситуация обязывает возвращать материалы дела тому органу или должностному лицу, которое в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ, составило протокол об административном правонарушении. В противном случае решение суда о применении в отношении мелкого хулигана санкции в виде административного ареста становится невозможным [3].

Неоправданная передача дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.1 КоАП РФ, в компетенцию суда может быть обусловлена также другими обстоятельствами субъективного характера.

При необходимости применить в качестве меры ответственности административный арест в присутствии лица, в отношении которого возбуждено производство по делу, составляется протокол. Данный процессуальный документ по правилам, установленным ст. 28.2 и ч. 2 ст. 28.8 КоАП РФ, должен быть немедленно отправлен в суд для рассмотрения. В таком случае присутствие лица, в отношении которого рассматривается дело о мелком хулиганстве, становится обязательным. Об этом прямо указано в ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ.

Вместе с тем трактовка ч. 2 ст. 28.8 КоАП РФ позволяет утверждать, что обеспечить явку привлекаемого к ответственности лица, является полномочием того субъекта, который передает дело по подведомственности в суд. Здесь необходимо обратить внимание на условие, закрепленное в ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ. В соответствии с

ним дело должно быть рассмотрено судом в день его поступления. Следовательно, за обеспечение явки правонарушителя в суд отвечают именно органы внутренних дел.

Другая группа проблем, возникающих у судей при рассмотрении дел о мелком хулиганстве, характеризуется ошибками в квалификации данного деяния. Зачастую должностные лица в протоколе об административном правонарушении допускают формулировки, которые указывают на очевидные ошибки квалификации, к примеру, такие, как «учинил бытовой конфликт, чем выражал явное неуважение к обществу». Обращает на себя внимание отсутствие в протоколах описания самого события мелкого хулиганства, что рассматривается как нарушение требований ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ. Или такой пример: «...дал личные объяснения о том, что после употребления алкоголя с друзьями вернулся к себе в квартиру, где закатил скандал в ответ на истерику матери, которая вызвала сотрудников полиции». Объяснения в данном случае демонстрируют как сын, находясь в состоянии алкогольного опьянения, устроил конфликт на бытовой почве со своей матерью. При этом с его стороны допускалась нецензурная брань и игнорировались требования матери прекратить скандал. Представленная ситуация указывает на отсутствие мотивов, на основании которых суд сделал заключение о наличии в событии состава мелкого хулиганства. В частности, не уточнены такие важные квалифицирующие признаки, как совершение деяния в общественном месте, не указано, в чем конкретно заключено нарушение общественного порядка, то есть не раскрывается само действие, выражающее явное неуважение к обществу[4].

Мелкое хулиганство – это действия, которым характерен умысел. Направленность такого умысла имеет цель для виновного – нарушить правила, соответствующие общественному порядку. При этом поступки должны отражать очевидное, фактическое желание лица противопоставить себя окружающим и обществу. Действия являются назойливыми, досаждающими окружающим лицам, унижающими их личное достоинство, дерзкими по своей форме, сопровождающимися бранью, содержащей нецензурную лексику. К этому стоит добавить повреждение или уничтожение принадлежащего потерпевшим лицам имущества.

Продолжая рассматривать ранее изложенную ситуацию, нельзя не отметить, что совершались они в квартире на основе отношений личного неприязненного характера между членами одной семьи.

Лица, проживающие в соседних квартирах, беспокойства по данному поводу не испытывали, о чем говорит отсутствие с их стороны каких-либо претензий. На первый взгляд, главный признак – совершение деяния в общественном месте отсутствует, поэтому данное деяние не должно квалифицироваться как мелкое хулиганство.

Еще одним часто встречающимся недостатком, касающимся рассмотрения дел о мелком хулиганстве, является вопрос относимости и допустимости доказательств. На их основании суды формулируют описательно-мотивировочную часть своих постановлений, поэтому содержание мотивов для принятия будущего решения о назначении административного наказания должно подробно раскрываться, а не просто перечисляться в постановлении суда. В отношении свидетелей и потерпевших недостаточно просто указать их фамилии. Необходимо формулировать их показания подробно и развернуто. В случае выявления несоответствия между ними, суд обязан давать такому факту соответствующую оценку.

С определенной периодичностью фиксируются и факты необоснованного допуска судами в качестве доказательств письменных показаний свидетелей и потерпевших, полученных должностными лицами органов внутренних дел с нарушением закона. Например, недопустимо использовать показания лиц, которые не были предупреждены об ответственности за дачу заведомо ложных показаний на основании ст. 17.9 КоАП РФ. Для проверки подлинности и правдивости фактов, указанных в протоколе об административном правонарушении, в том случае, если имеются основания для соответствующих подозрений, суд вызывает этих лиц и по возможности на месте устраняет допущенные процессуальные нарушения.

Таким образом, следует отметить, что в условиях реформирования законодательства об административных правонарушениях необходимо новое теоретическое осмысление проблем правоприменительной практики и правовой регламентации конкретных стадий производства по делам о мелком хулиганстве и определения приоритетных направлений совершенствования деятельности как должностных лиц, так и судей, участвующих в рассмотрении таких дел.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 06.01.2021)
2. Кивич Ю.В. Проблемы, возникающие при рассмотрении судами дел о мелком хулиганстве // В сборнике: Конституционное и административное право: проблемы совершенствования публичной власти. Сборник научных трудов участников Международной научно-теоретической конференции. 2018. С. 98-104.
3. Светличная Т.Б., Слюсарева Т.Г. Проблемные вопросы административной ответственности за мелкое хулиганство // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 297-300.
4. Постановление Кировского районного суда г. Кемерово по делу № 5-4/2017 от 05.01.2017 г. // [Электронный ресурс] <https://sud-praktika.ru> (Дата обращения 06.01.2021)

Портянко Е.М.

**Портрет детоубийцы. Убийство матерью новорожденного ребёнка:
криминологическая характеристика**

*Дальневосточный Федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-243

Аннотация

В статье анализируются статистические данные по количеству зарегистрированных убийств матерью новорожденного ребенка. Рассматривается криминологический портрет женщин-детоубийц. Особое внимание уделяется их социально-демографическим характеристикам. Выделяются внешние обстоятельства, выступающие в роли причин, которые толкают женщин на убийство своего новорожденного ребенка.

Ключевые слова: мать-убийца, новорожденный, статистические данные, криминологическая характеристика, социально-демографические признаки, причины убийства новорожденного.

Abstract

The article analyzes statistical data on the number of recorded murders by the mother of a newborn child. A criminological portrait of female child murderers is considered. Special attention is paid to their socio-demographic characteristics. External circumstances stand out that play the role of reasons that push women to kill their newborn baby.

Keywords: mother-killer, newborn, statistical data, criminological characteristics, socio-demographic signs, causes of killing a newborn.

Актуальность вопроса борьбы с убийствами матерью новорожденного ребенка подтверждает статистика распространения детоубийства в РФ. Так, согласно официальной статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2010 – 2020 гг. было зарегистрировано 1162 преступлений, квалифицированных по статье 106 УК РФ (рис.1).

Несмотря на явную тенденцию к снижению ситуация остается неблагоприятной.

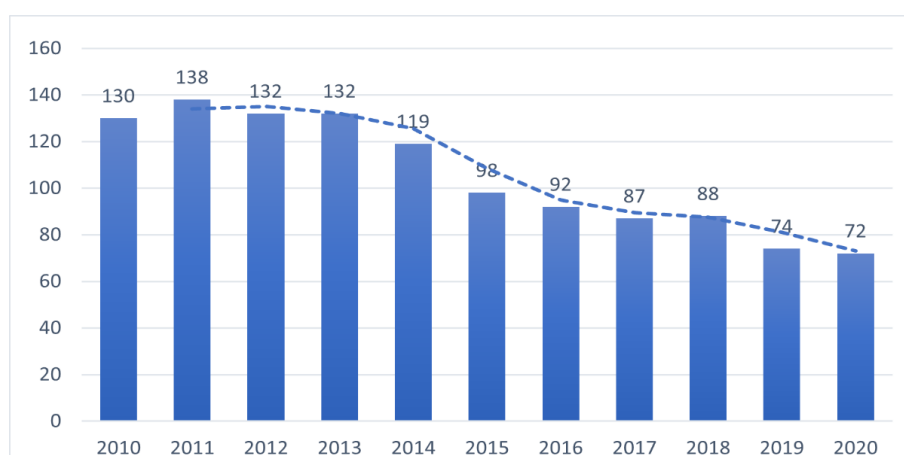

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений по ст. 106 УК РФ за 2010–2019 г.

Автором настоящей статьи предпринята попытка дать криминологическую характеристику личности матери, совершившей убийство новорожденного ребенка, выявить причины, спровоцировавшие виновную на это преступление.

Для этих целей автором были изучены и проанализированы 100 приговоров судов по ст. 106 УК РФ, опубликованные на интернет – ресурсе «Судебные и нормативные акты РФ», за последние 5 лет (2014 - 2020 гг.).

Криминологическая характеристика. Ключевым элементом криминологической характеристики личности преступника являются его социально-демографические признаки. Так, к социально-демографическим признакам личности преступника относятся: возраст, гражданство, место проживания, образование, наличие постоянной работы, семейное положение, наличие детей, наличие судимости.

Возраст. Анализ приговоров судов показал, что средний возраст субъекта преступления находится в пределах 30 лет и старше. Жизненная активность женщин в 30 – 49 лет в целом наиболее высока. Их криминальное поведение объясняется, с одной стороны, возможностями, полученными женщиной в условиях профессиональной и иной активной деятельности, с другой – неспособностью противостоять неудачам в разных сферах жизнедеятельности.

Согласно результатам анализа матерей-школьниц 16 лет, убивших своих новорожденных детей, оказалось около 5 %, девушек в возрасте от 16 до 18 лет – около 7 %. Причиной такого поведения чаще всего являются разного рода психологические травмы, а именно: стресс от неожиданной беременности в раннем возрасте, боязнь общественного порицания.

Матерей, совершивших убийство своих новорожденных детей в возрасте 18 – 25 лет, около 12 %. Причинами принятия такого решения являются стыд за рождение ребенка вне брака, боязнь лишиться работы и (или) учебы; невозможность обеспечить ребенка всем необходимым.

В возрастной группе 25 – 30 лет убийство новорожденного ребенка совершается почти в 20 % зафиксированных случаев. Наиболее типичными причинами являются: значительные финансовые затруднения и неблагоприятные жилищные условия, рождение ребенка вне брака, мнение женщины, что ребенок будет препятствовать ее личному счастью и т. п.

Практически 50 % детоубийств совершается женщинами в возрасте от 30 до 40 лет как в самой репродуктивно активной возрастной группе.

Причинами совершения детоубийства женщинами старше 40 лет (6 %) являются: боязнь различных генетических заболеваний, отсутствие надлежащего здоровья и жизненных сил для вынашивания, рождения и воспитания ребенка, недостаточное материальное стимулирование семей и матерей-одиночек, плохие жилищные условия и другие.

Гражданство. Во всех анализированных нами приговорах все женщины-преступницы имели гражданство Российской Федерации.

Место проживания. Анализ проводился по приговорам судов всех субъектов РФ. Так, результаты исследования говорят, что 68% женщин, совершивших убийство новорожденного ребенка, проживали в городской местности (города, поселки), соответственно, 32% проживали в сельской местности.

Образование. Социальную сторону жизни и деятельности человека во многом определяет его образовательный уровень. В приговорах, в которых была указана данная информация, большинство женщин имели среднее профессиональное образование – 49 %, среднее общее – почти 28 %, основное общее образование – 16 %. Женщин-детоубийц, получивших высшее профессиональное образование около 7 %.

Наличие постоянной работы. Анализ приговоров судов, в которых содержались данные о наличии работы у преступниц показал, что женщины с постоянным местом работы совершали убийство новорожденных детей примерно в 12 % случаев, временно работающие – 25 %, временно безработные и работающие периодами – в 48 % случаев. Примерно в 15 % случаев женщины имели разного рода «подработки».

Семейное положение. Анализ приговоров показал, что только 18 % подсудимых состояли в браке, 32 % – были разведены, 35 % - жили с сожителем, 15% – были незамужними.

Это не говорит о том, что основное большинство женщин негативно относятся к такому социальному институту как семья. Многие из них забеременев, надеются выйти замуж за отца своего ребенка, но он оставляет женщину самостоятельно рожать и воспитывать ребенка, либо своим активным поведением на протяжении всей беременности внушает ей мысль о ненужности ребенка.

Наличие детей. На момент совершения преступления почти 22 % женщин воспитывали двух и более детей, примерно у 45 % имелся один ребенок, а у 33 % убитый новорожденный был первенцем. Таким, образом, наличие у женщины кровных детей не является гарантом того, что новорожденный ребенок не может быть убит.

Наличие судимости. В анализируемых приговорах только в 9 % случаях фигурировала подсудимая с наличием судимости, все остальные ранее не судимы (91%). Причем 5% были судимы за преступления против жизни и здоровья.

Систематизировав совокупность данных, полученных в ходе проведенного нами исследования, можно составить сводный криминологический портрет матери, совершившей убийство своего новорожденного ребенка.

Это гражданка РФ (100 %), в возрасте от 30 до 40 лет (50 %), проживающая в городской местности (68 %), имеющая среднее общее или среднее профессиональное образование (77 %), безработная или работающая периодами (48 %), не состоящая в зарегистрированном браке (82 %), выросшая в неполной семье (64 %) и в неблагоприятных жизненных условиях (86 %), имеющая одного и более ребенка (67 %), ранее не судимая (91 %), злоупотребляющая алкоголем (29 %) или наркозависимая (7 %), не состоящая на учете в специализированных учреждениях (84 %) и имеющая послеродовые расстройства психики (около 50 %).

Основными причинами убийства матерью новорожденного ребенка являются: ложное чувство стыда, боязнь общественного осуждения, отсутствие поддержки родных, семейные проблемы, неблагоприятные жилищные условия и неустроенность быта, страх перед материальными трудностями, боязнь потерять возможность реализоваться в профессиональном и личном плане, различные расстройства психики.

1. Антонян, Ю.М., Гончарова, М. В., Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы / Ю.М. Антонян, М. В. Гончарова, Е.Б. Кургузкина // Lex russica. 2018. № 3 (136). С. 94-114.

2. Вакалюк, Е.С. Криминологическая характеристика матери-убийцы / Е.С. Вакалюк // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 5. С. 197-201.
3. Натура, А.И., Злобина, Л. А. Социально-психологический статус матери-убийцы новорожденного ребенка как элемент криминалистической характеристики преступления / А.И. Натура, Л. А. Злобина // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 134-138.
4. Резник, Ж.Я. Социально-психологический и демографический статус матери – убийцы новорожденного ребенка как элементы криминологической характеристики личности / Ж. Я. Резник // Вестник Самарского юридического института. 2018. №5. С.131-135.
5. Середа, Е.В. Применение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин: учебное пособие / Е.В. Середа. Рязань: Изд-во Рязан. ин-та права и экономики и права, 2000. 50 с.
6. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https:// crimestat.ru/](https://crimestat.ru/) Загл. с экрана.

Пузиков С.А.

**Особенности правового регулирования отношений, возникающих в сфере
технического обслуживания внутридомового газового оборудования (ТО ВДГО)**

*Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-244

Аннотация

В статье кратко рассмотрены отдельные проблемные вопросы, связанные с недостатками законодательного регулирования деятельности по техническому обслуживанию внутридомового газового оборудования

Ключевые слова: внутридомовое газовое оборудование, газоснабжение, специализированные организации.

Keywords: indoor gas equipment, gas supply, specialized organizations.

Техническое и аварийно-диспетчерское обслуживание внутридомового газового оборудования, являясь необходимым элементом процесса газоснабжения, фактически производились с момента начала массовой газификации в СССР, начиная со второй половины XX века. Тем не менее, первое упоминание о договоре о техническом обслуживании внутридомового газового оборудования и аварийно-диспетчерском обеспечении (далее договор о ТО ВДГО) в нормативном акте, принятом на уровне Правительства РФ, содержится в Правилах поставки газа для коммунально-бытовых нужд граждан (Правил), утвержденных Постановлением Правительства РФ № 549 от 21.07.2008г. Возможно, что принятие Правил было продиктовано необходимостью изменения негативных тенденций, сложившихся в сфере газоснабжения населения в связи с проводимыми в двухтысячные годы реформами, в результате которых реализация газа населению была отделена от эксплуатации и технического обслуживания внутридомового газового оборудования, а обязанность по его поддержанию в надлежащем техническом состоянии возложена на собственников оборудования – физических лиц. В результате неисполнения собственниками указанных обязанностей, в целом по Российской Федерации и в Волгоградской области, в частности, продолжает фиксироваться значительное количество инцидентов и аварийных ситуаций, связанных с использованием газового оборудования в быту, в том числе с человеческими жертвами. Информация об этом закрытой не является и регулярно появляется на страницах федеральных и региональных СМИ. Ситуация оказалась настолько острой, что Правительство РФ постановлением от 14.05.2013 N 410 утвердило Правила пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового

оборудования. Однако, как показала практика, предложенная Правительством РФ модель правового регулирования рассматриваемых отношений, не достигла своей главной цели: безопасное и безаварийное использование газа в бытовых целях. Изначально Правила предполагали, что указанной деятельностью должны заниматься исключительно газораспределительные организации, т.е. организации, занимающиеся транспортировкой газа потребителям. Свою позицию Правительство РФ аргументировало тем, что именно газораспределительные организации имеют обученный персонал и аварийные службы, большой опыт и ресурсы (т.е. заинтересованы в качестве услуги т.к. способны нести реальную имущественную ответственность перед потребителями). Однако Верховный Суд РФ, с подачи антимонопольной службы, решением от 10.12.2013г. № АКПИ13-826 признал недействующими сразу 16 пунктов Правил, касающихся упоминания газораспределительных организаций, указав, что Правительство не вправе принимать решений, ограничивающих конкуренцию (по данному вопросу необходимо принимать решения на уровне федерального закона) [1]. Однако столь необходимый закон до настоящего времени так и не принят. В результате этого, в настоящее время сложившейся ситуацией не удовлетворены все субъекты регулирования, участвующие в процессе. Потребители услуги не довольны стоимостью услуги (стоимость выведена из сферы государственного регулирования цен), минимальным объемом работ, предусмотренных Правилами (по сути лишь профилактический осмотр), большим количеством никем не контролируемых организаций, предоставляющих указанные услуги, зачастую невысокого качества. Исполнители услуг, прежде всего газораспределительные организации также недовольны тем, что на ставшем конкурентом рынке появилось значительно количество недобросовестных участников. К этому привело в значительной степени отсутствие каких-либо минимальных требований к субъектам, осуществляющим деятельность (определен лишь уведомительный порядок органов жилищнадзора о начале деятельности, госорган в данной части наделен лишь функциями статиста по ведению на своем сайте реестра организаций, прим. на территории г. Волгограда несколько десятков). Субъекты малого предпринимательства (в т.ч. индивидуальные предприниматели) выведены из-под общего контроля в силу своего статуса, а основные проверки проводятся в отношении газораспределительных организаций. Недобросовестная конкуренция приводит к тому, что новостройки обслуживаются субъектами малого предпринимательства, а изношенный жилищный фонд обслуживают газораспределительные организации, у которых нет свободы выбора. При этом, аварийные ситуации, связанные с использованием газа в быту, продолжают. Последняя трагедия со смертельным исходом в Волгограде, указанная в СМИ (ул. Санаторная, новостройка) является характерной [2]: исполнитель – мелкая организация с уставным капиталом в несколько тысяч рублей не понесет реальной имущественной ответственности, дело ограничится лишь приговором в отношении физического лица.

Надзорные органы (прежде всего жилищный надзор) также нельзя назвать удовлетворенными существующим Правилами. Массовые нарушения в рассматриваемой сфере деятельности продолжаются, а введенная в КоАП РФ статья 9.23 предусматривающая ответственность за нарушение правил обеспечения безопасного использования внутридомового газового оборудования по сути должным образом не работает. В значительной степени, такая ситуация стала возможной из-за трудно исполнимой уведомительной процедуры, прописанной в Правилах относительно действий организации – исполнителя в отношении недобросовестных потребителей, которая не только неоправданно длительна (что в газоснабжении недопустимо), но и чрезмерно обременительна для реального исполнения

(необходимость неоднократных уведомлений, согласований и т.д. с абонентами, в том числе недобросовестными). Указанная ситуация создает условия для недобросовестно поведения и не может оцениваться как оптимальная.

Очевидно, что необходимость дальнейшего развития процесса правового регулирования отношений, возникающих в сфере технического обслуживания внутридомового газового оборудования населения сомнений не вызывает. При этом необходимо учесть допущенные в прошлые периоды ошибки, а не пытаться «зарегулировать» правила таким образом, что они вновь не будут работать.

В данных условиях, мной видится решение проблемы, в изменении самого подхода к выполнению работ по ТО ВДГО.

Во-первых, должно быть введено государственное регулирование цен на работы, выполняемые в рамках ТО ВДГО. Тарифным регулятором может выступить как федеральная антимонопольная служба, так и региональные тарифные органы.

Во-вторых, работы должны выполняться специализированными организациями без взимания платы с населения. Стоимость работ, определенная регулятором должна быть включена в стоимость газа и взиматься однократно поставщиком газа по договору поставки газа. В свою очередь Поставщик газа заключает договоры со специализированными организациями на выполнение ТО ВДГО.

В-третьих, необходимо введение требований к специализированным организациям (наличие персонала и ресурсов, страхование ответственности и т.п.), которые смогут осуществлять деятельность в сфере ТО ВДГО, например, посредством ее лицензирования. ТО ВДГО связано с использованием источника повышенной опасности – природного газа, известного своими взрыво и пожароопасными свойствами. В научной литературе отмечено, что осуществление предпринимательской деятельности, сопряженной с имущественными рисками, обуславливает объективную заинтересованность хозяйствующих субъектов в предупреждении негативных последствий ее осуществления [3]. Эффективным решением данной задачи является именно страхование, как важнейший фактор снижения убытков организаций и источник для реальной выплаты пострадавшим. При этом, страхование в сфере ТО ВДГО должно быть обязательным, а не добровольным, как в настоящее время.

Кроме этого, необходимо отметить, что обеспечение безопасной и безаварийной эксплуатации ВДГО посредством лишь его технического обслуживания является недостаточным. Своевременная диагностика газового оборудования, его замена, выполнение ремонтных работ, надлежащее обслуживание и ремонт домовых вентиляционных каналов, все это, в совокупности, необходимо для того, чтобы газоснабжение являлось лишь средством комфортного проживания. В настоящее время все эти виды работ обращаются на открытом рынке, с его плюсами и минусами. Население, в значительной своей массе оказалось недостаточно готовым к тому, что ему предлагает рынок: самостоятельный выбор из множества организаций (среди которых находятся недобросовестные участники рынка), отсутствие реального контроля со стороны надзорных органов, массовые нарушения обязательств всеми участниками рынка и т.д. Учитывая изложенное, предложения по изменению законодательства, указанные выше, являются обоснованными и актуальными.

1. Решение Верховного Суда РФ от 10.12.2013 N АКПИ13-826;
2. Информационное агентство «Высота 102»//«В новостройке в Волгограде вспыхнул газ: три человека в больнице» // URL:<https://v102.ru/news/91901.html>;
3. Романова И.Н. Страхование в сфере предпринимательской деятельности как редуцирующий фактор убытков // Legal Concept = Pravovaya paradigma. 2019, Vol. 18, No. 2 // <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.12>.

Путилина Е.А.

Смешанная реорганизация юридического лица

Дальневосточный Федеральный университет
(Россия, Владивосток)

doi: 10.18411/lj-04-2021-245

Аннотация

В данной статье проводится теоретический анализ одного из видов комбинированной реорганизации – смешанной. Автором поднимается проблема детального регулирования рассматриваемого института в гражданском законодательстве, анализируются его признаки. В результате автор приходит к выводу, что смешанная реорганизация является эффективной и необходимой процедурой, которая требует закрепления в законах, посвященных отдельным юридическим лицам.

Ключевые слова: реорганизация, смешанная реорганизация, комбинированная реорганизация, юридические лица.

Abstract

This article provides a theoretical analysis of one of the types of combined reorganization - mixed. The author raises the problem of detailed regulation of the institution under consideration in civil law, analyzes its features. As a result, the author comes to the conclusion that a mixed reorganization is an effective and necessary procedure that requires consolidation in laws dedicated to individual legal entities.

Key words: reorganization, mixed reorganization, combined reorganization, legal entities.

Реформа гражданского законодательства, которая прошла в 2014 году, внесла множество новых норм. Нововведения коснулись, в том числе, реорганизации юридических лиц. Статья 57 РФ Гражданского кодекса была дополнена положениями о том, что допускается реорганизация с одновременным сочетанием различных форм, а также с участием двух и более юридических лиц, в том числе созданных в разных организационно-правовых формах. В научном сообществе эти виды реорганизации давно получили названия – совмещенная и смешанная. Легально данная терминология до сих пор не закреплена. Два этих вида объединены в одну категорию – комбинированная (сложная) реорганизация.

Смешанная реорганизация впервые появилась в гражданском законодательстве в 2014 году после принятия Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ "О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации". Несмотря на это, первые упоминания смешанной реорганизации были гораздо раньше. Еще в 2002 году Е. Ткаченко опубликовала статью под названием «Смешанная реорганизация акционерного общества». В данной статье она поднимает проблемы отсутствия смешанной реорганизации на законодательном уровне и отмечает ее преимущества в предпринимательской сфере. Укрупнение бизнеса посредством реорганизации подразумевает подбор наиболее удобных и эффективных организационно-правовых форм, которые будут отвечать всем поставленным целям. Этому и могла поспособствовать смешанная реорганизация, так как в результате ее проведения можно получить юридические лица отличной от реорганизуемых организационно-правовой формой. Уже тогда научное сообщество понимало, что такой институт необходим гражданскому законодательству. Однако, Пленум ВАС от 18.11.2003 № 19 (ред. от 16.05.2014) "О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об акционерных обществах" ясно дал понять, что на тот момент не предусматривалось проведение реорганизации этих хозяйственных

обществ посредством объединения с юридическими лицами других организационно-правовых форм либо же проведение процедуры разделения (выделения) на акционерное общество и юридическое лицо иной организационно-правовой формы.

За все это время сложилось несколько подходов к пониманию сущности смешанной реорганизации. В рамках первого подхода смешанная реорганизация приравнивается к совмещенной. В некоторых работах при описании совмещенной реорганизации в скобках указывается «смешанная». При таком подходе смешанная реорганизация не имеет своих отличительных признаков.

Согласно второму подходу, смешанная реорганизация выделяется в самостоятельный вид, но вбирает в себя также понятие совмещенной. Например, Степанов Д.И. под смешанной реорганизацией понимает, во-первых, сочетание нескольких форм реорганизации в рамках одной, во-вторых, участие в реорганизации двух и более юридических лиц разной организационно-правовой формы. Расширительное толкование смешанной реорганизации приводит к путанице между видами комбинированной реорганизации и исключает совмещенную как самостоятельный ее вид.

И в-третьих, смешанная реорганизация выступает в качестве самостоятельного вида. Этот подход встречается у многих авторов и по нашему мнению является правильным. У смешанной реорганизации есть признаки, отличающие ее от обычной процедуры и от совмещенного вида, поэтому справедливо выделить ее отдельно.

Главным критерием смешанной реорганизации, конечно же, является участие в ней юридических лиц разной организационно-правовой формы. У данного признака есть ограничение. Необходимо наличие норм в Гражданском кодексе о возможности преобразования одного лица в другое. Например, акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью могут преобразоваться только в акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью и производственный кооператив. Такое положение закона фактически исключает преобразование в процессе смешанной реорганизации юридических лиц в любые организационно-правовые формы. Некоторые юридические лица вообще не имеют возможности реорганизации в форме преобразования. Например, Федеральный закон «О негосударственных пенсионных фондах» разрешает фондам проводить реорганизацию только в форме присоединения, слияния, разделения или выделения. Такое юридическое лицо участвовать в смешанной реорганизации не может. Важно отметить, что гражданским законодательством запрещена реорганизация коммерческой организации в некоммерческую.

Немного позднее принятия новых норм о реорганизации в Государственную думу Минэкономразвития был внесен законопроект, целью которого было закрепление в ФЗ «Об акционерных обществах», ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» норм, регулирующих проведение комбинированной реорганизации. Принятие данного законопроекта было бы вполне логично, так как нормы, предложенные этим документом, раскрывают положения Гражданского кодекса и детализируют их по отношению к обществам с ограниченной ответственностью и акционерным обществам. Предложено закрепить в обоих законах следующую формулировку:

Допускается реорганизация общества с участием одного и более обществ и (или) юридических лиц, не являющихся обществами, если федеральными законами предусмотрена возможность преобразования общества в юридическое лицо соответствующей организационно-правовой формы и (или) преобразования юридического лица соответствующей организационно-правовой формы в общество.

На данный момент этот законопроект так и не был принят, пролежав более 6 лет. Принять законопроект планировалось в январе 2015 года. Однако 9 ноября 2020 года

Минэкономразвития предложила новый законопроект, который касается тех же самых вопросов, что и предыдущий. Формулировка норм о смешанной реорганизации, планирующихся ввести в специальные законы, остается такая же, за исключением некоторых изменений. Не очень понятно, по какой причине был разработан новый законопроект, так как текст предыдущего документа прошел публичные обсуждения, по итогам которого были внесены правки. Новый законопроект тоже прошел стадию публичных обсуждений. Согласно сводному отчету принятие данного проекта планируется на 2021 год. Этот проект, как и предыдущий, направлен на практическую сторону вопроса о смешанной реорганизации. Его целью выступает предоставление хозяйственным обществам возможности осуществлять на практике реорганизацию с одновременным сочетанием смешанных и совмещенных форм. На данный момент проводить смешанную реорганизацию достаточно затруднительно. Принятие этого законопроекта должно положительно повлиять на институт реорганизации и наконец-то закрыть правовые пробелы в регулировании.

Приведем пример смешанной реорганизации. Акционерное общество хочет разделить на несколько организаций. Для успешной деятельности компаний учредители решают, что новые юридические лица должны быть в форме обществ с ограниченной ответственностью. Для достижения своей цели целесообразно прибегнуть к смешанной реорганизации, так как без нее придется проводить реорганизацию два раза, сначала в форме разделения, потом преобразования. По гражданскому законодательству акционерное общество может преобразоваться в общество с ограниченной ответственностью, запретов и ограничений нет. Значит, это условие (наличие в Гражданском кодексе норм о возможности преобразовании одного лица в другое) смешанной реорганизации соблюдается. Результатом успешной смешанной реорганизации станут два общества с ограниченной ответственностью, которые были получены в рамках одной процедуры.

Смешанная реорганизация, несомненно, важный институт, который требует развития в законодательстве. Принятие закона, посвященного этому виду реорганизации, устранил правовые пробелы регулирования и позволит полноценно использовать юридическим лицам эту процедуру.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. - № 32. - Ст. 330.
2. О внесении изменений в Федеральный закон "Об акционерных обществах" и Федеральный закон "Об обществах с ограниченной ответственностью" (в части приведения положений о реорганизации хозяйственных обществ в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации): проект Федерального закона от 5 августа 2014 г. [Электронный ресурс].-URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=7006>.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.11.2003 N 19 (ред. от 16.05.2014) "О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об акционерных обществах"
4. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части приведения положений о реорганизации хозяйственных обществ в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: проект Федерального закона от 9 ноября 2020 г. – [Электронный ресурс].- URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=110288>.
5. Степанов Д.И. Основные проблемы, связанные с реформой законодательства о реорганизации // Закон.- 2009.- № 2.- с. 24-45.
6. Ткаченко Е. «Смешанная» реорганизация акционерно общества // Бизнес-адвокат.-2002.- № 7.

Рамазанова К.С.**Проблемы правового обеспечения кластерной политики в РФ***Саратовский национальный исследовательский государственный университет им.**Н.Г. Чернышевского**(Россия, Саратов)**doi: 10.18411/lj-04-2021-246***Аннотация**

В данной статье рассматриваются правовые проблемы, связанные с кластерной политикой, которая представляет собой одну из наиболее перспективных форм кооперации бизнеса, науки и промышленности. Для эффективной реализации кластерной политики и обеспечения достаточного уровня конкурентоспособности как отдельных предприятий, так и регионов в котором она формируется, необходимо ее правовое закрепление на законодательном уровне.

Ключевые слова: кластерная политика, международный медицинский кластер, инновационные технологии, промышленный кластер.

Abstract

This article discusses legal issues related to cluster policy, which is one of the most promising forms of cooperation between business, science and industry. For effective implementation of the cluster policy and ensuring a sufficient level of competitiveness of both individual enterprises and the regions in which it is formed, it is necessary to ensure its legal consolidation at the legislative level.

Keywords: cluster policy, international medical cluster, innovative technologies, industrial cluster.

В настоящее время в условиях глобализации, важнейшим фактором развития экономики страны является разработка и внедрение инновационных технологий.

На данный момент эффективность развития инновационной деятельности и наукоемких отраслей производства внутри страны зависит от применения к ним новых подходов. Так, в целях решения наиболее значимых социально-экономических проблем в современной России в последние несколько лет осуществляется внедрение различных кластеров, которые в настоящее время функционируют в условиях плановой экономики.

Понятие «кластер» впервые появилось в книге «Международная конкуренция», которую написал американский экономист Майкл Портер. В своей книге он утверждал, что кластеры имеют различную форму в зависимости от глубины и сложности, но, тем не менее, большинство из них включают в себя: компании некоего «готового продукта», поставщиков различных специализированных форм производства, финансовых институтов и тд.

В России понятие «кластер» появилось совсем недавно в отдельных федеральных законах. В частности, следует назвать ФЗ от 31 декабря 2014 года «О промышленной политике в РФ» [1], ФЗ от 29 июня 2015 года «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2].

Кластеры на данный момент все чаще в экономике рассматриваются в качестве объекта промышленной политики нового образца, которая именуется кластерной политикой. Главной целью данной политики выступает не только повышение конкурентоспособности страны, но и увеличения ее национального благосостояния.

Под кластерной политикой можно понимать совокупность систем организационных, правовых и иных мер и механизмов поддержки действующих кластеров, а также инициатив их создания [3, с. 284].

Основной целью реализации кластерной политики является обеспечение высоких темпов экономического роста и диверсификации экономики за счёт повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов той или иной отрасли экономики, а также эффективное использование потенциала научно-исследовательских и образовательных организаций, образующих кластеры.

На данный момент кластер представляет собой некий комплекс медицинских организаций, учебных и междисциплинарных исследовательских центров, которые действуют на территории инновационного центра «Сколково». Данный центр представляет собой научно-технологический инновационный комплекс по разработке и коммерциализации новых технологий, среди которых и кластеры. Главная цель данного центра – повышение экосистемы России и ее переход к модели инновационного типа, что является проблемой в современной российской экономике.

В России также существует ряд проблем, связанные с реализацией кластерной политики и ее правовым закреплением. Так, на уровне федерального законодательства в настоящее время закреплено только два кластера — международный медицинский кластер, который регулируется ФЗ от 29.06.2015 N 160 «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и промышленный кластер, который регулируется ФЗ от 31.12.2014 N 488 «О промышленной политике в Российской Федерации».

Однако на данный момент в РФ существуют множество кластеров, которые также нуждаются в четком правовом регулировании. К таковым можно отнести: туристический кластер, агрокластер, сервисный кластер и т.д.

На данный момент государственная политика в сфере кластеров сильно сузилась. Поддержка инновационных территориальных кластеров со стороны Минэкономразвития фактически завершилась, как и довольно успешная программа поддержки промышленных кластеров, которую реализовал Минпромторг. Данная программа переориентируется - поддерживаться будет продукция, необходимая для реализации национальных проектов. Но также, имеются сферы, в которых назрела необходимость запуска программ поддержки. Например, агрокластеры, которые реально существуют, но никакой рамки для их поддержки нет. То же касается сервисных, туристических, медицинских кластеров в сфере креативных индустрий, научно-образовательных кластеров [4].

Как пишет С.В. Стрыгина «уровень правового регулирования свидетельствует о том, что принимаемые законы не имеют стабильность, противоречивы и не являются социально обусловленными» [5, С.183].

Если опираться на зарубежный опыт развития кластеров и к их формированию данной политики, то можно заметить, что предлагается совершенствовать методологические аспекты формирования и реализации кластерной политики, в первую очередь в регионах. На региональном уровне формируется определенную систему управления региональным кластерным развитием. Затем регионы продвигают свои идеи на государственный уровень. В свою очередь, государство должно пересмотреть политику регионального развития.

Например, Германия, США и Шотландия закладывают в стимулирование кластерной интеграции значительные ресурсы, в то время, как Франция, предпочитают целевой подход, предполагающий поддержку конкретных проектов по приоритетным направлениям развития технологий [6].

Успешными примерами реализации национальной кластерной политики можно назвать проведение отбора и формирование 25 пилотных инновационных территориальных кластеров в различных регионах России. Также, по данным

Российской кластерной обсерватории НИУ «Высшая школа экономики» сегодня в России действует более 125 промышленных кластеров, в которых работает более 1000 компаний с общим числом сотрудников более миллиона человек [7].

Но, в связи с тем, что в России кластеризация экономики началась относительно недавно, на сегодняшний день не существует специального нормативно - правового акта, четко регулирующего общие принципы и механизм кластерной политики Российской Федерации. Однако на уровне регионов такие документы уже есть – в этом можно убедиться, изучив, к примеру «Концепцию кластерного развития Ростовской области на 2015 – 2020 годы». Очевидно, что в России происходит активное развитие политики кластеризации именно на уровне субъектов РФ. Однако координация данного процесса, как на федеральном, так и на региональном уровнях недостаточно продумана.

Наличие отдельных разрозненных правовых актов не позволяет исследовать кластер во взаимосвязи всех его структурных компонентов, поэтому в настоящее время существует необходимость создания специального нормативно - правового акта, регулирующего кластерную политику на уровне Федерации. В данном акте необходимо указать: общую государственную кластерную политику; уполномоченные органы и разграничение их полномочий; механизм государственной поддержки, в том числе виды поддержки, перечень программ государственного финансирования, критерии оценки конкурентоспособного проекта, претендующего на получение господдержки; система государственного обеспечения информации, а также ведение базы данных по предприятиям; порядок разработки нормативно - правового акта субъекта РФ, регулирующий кластерную политику региона [8, с. 180].

В дополнении к нормативно - правовому акту, положительный эффект в развитии кластеров дадут грамотные изменения в гражданском, бюджетном, налоговом и других отраслях законодательства.

Таким образом, в современной экономике, которая ориентирована на создание оптимальных условий для разработки и производства инноваций, кластерная политика, которая отличается своей устойчивостью по отношению к различным изменениям экономической среды, в последние годы стала все чаще ассоциироваться с самим понятием инновационной экономики. В связи с этим, необходимо четкое правовое регулирование кластерной политики на федеральном уровне для более эффективного формирования целостной экосистемы страны.

1. О промышленной политике в Российской Федерации. Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ (ред. от 20 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2014. N 216. Ст. 23.
2. О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 29.06.2015 N 160-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 2015. N 27. Ст. 29.
3. Мохов А.А. Правовые проблемы реализации кластерной политики в здравоохранении. Российский медицинский журнал. 2017; 23(6): 284—287.
4. Кластер узкого жанра. URL: <https://rg.ru/2020/03/23/pochemu-neobhodimo-meniati-politiku-po-stimulirovaniu-innovacij-v-regionah.html> (дата обращения: 19.03.2021)
5. Стрыгина С.В. Роль права в факторе экономической мотивации молодежи страны //Фундаментальные проблемы социально – экономического развития общества: история и современность. Материалы международной научно - практической конференции Кингисеппский филиал Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А.С. Пушкина. 2015. Издательство: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. С.180-183.
6. Как формируется и реализуется кластерная политика. URL: <https://rg.ru/2017/07/07/kak-formiruetsia-i-realizuetsia-klasternaia-politika.html> (дата обращения: 20.03.2021)
7. Локализация становится инструментом формирования кластерной политики. URL: <https://issek.hse.ru/press/207360417.html> (дата обращения 23.03.2021)
8. Толмачев К.В., Денисов М.В., Какалия Л.А. Проблемы правового обеспечения кластерной политики в РФ // Роль и место информационных технологий в современной науке: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. г. Челябинск, 21 июня 2019 г. С. 178-180.

Рogaва И.Г., Хальзов М.И.

Механизм преступления в криминалистике – понятие и структура

Ростовский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»
(Россия, Ростов-на-Дону)

doi: 10.18411/lj-04-2021-247

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические взгляды ученых по поводу понятия и структуры механизма преступления. Делается вывод о том, что большинство авторов предлагает собственную структуру механизма совершения преступления, что свидетельствует об отсутствии единого подхода в разрешении данного вопроса. Предлагается авторское определение механизма преступления.

Ключевые слова: механизм преступления, преступление, структурные элементы, субъект преступления, объект преступления.

Abstract

The article examines the theoretical views of scientists on the concept and structure of the mechanism of crime. It is concluded that most of the authors propose their own structure of the mechanism for committing a crime, which indicates the lack of a unified approach to resolving this issue. The author's definition of the crime mechanism is proposed.

Key words: mechanism of crime, crime, structural elements, subject of crime, object of crime.

Начиная с конца XIX века исследование механизма преступления, происходило только в рамках рассмотрения предмета криминалистического учения и не выходило за рамки способа совершения преступления. Первые теоретические наработки о структуре и системе элементов механизма преступления появляются в 1970-х годах в научных трудах Р.С. Белкина, А.Г. Гельманова, М.К. Каменского, В.П. Лаврова и других. Именно в данный период начинают активно рассматриваться способы подготовки, совершения и сокрытия преступления, которые являются одним из главных элементов в механизме преступления. Результаты многочисленных исследований подтверждают, что механизм преступления охватывает сложнейшую систему постоянно взаимодействующих физических, психических и иных компонентов. Актуальность настоящей работы обуславливается значимостью теоритического закрепления процесса совершения преступления (в т.ч. его способов и средств), сопровождающегося, как правило, оставлением материальных и (или) интеллектуальных следов, которые могут быть использованы для раскрытия и расследования преступления.

Целью научной статьи является рассмотрение понятия и структуры криминалистической категории механизма преступления, формулирование рекомендаций по устранению проблем, зафиксированных в исследовании.

Любые преступления как совокупность общественно опасных действий (бездействий) можно рассматривать в уголовно-правовом, процессуальном, криминологическом и криминалистическом контексте. Криминалистическая наука рассматривает преступления не только с формально-правовой теории элементов состава, но и с точки зрения человеческой деятельности, направленной на достижение конкретного (преступного) результата. Так, Р.С. Белкин в одном из своих исследований утверждает: «Каждая наука изучает категорию преступления для решения своих специфических задач, например, криминалистов преступление привлекает не вообще, не как сложное социальное явление, а как противоправная деятельность, как акт человеческого поведения» [1, с. 176]. В настоящее время механизм совершения преступления является одной из основных научных категорий криминалистики.

Многими учеными–криминалистами были сделаны попытки сформулировать определение данного понятия. Приведем некоторые из них.

В.Я. Колдин рассматривал механизм преступления как «совокупность взаимодействующих материальных систем и процессов, образующих расследуемое событие и обуславливающих возникновение источников криминалистической информации» [2, с. 98]. В свою очередь, О.Л. Дубовик под механизмом преступления понимал «динамическое явление, определенное взаимодействием составляющих его элементов» [3, с. 28]. В.Н. Кудрявцев, изучая данную категорию, определял механизм преступления в качестве «связи и взаимодействии внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение» [4, с. 57]. Анализ каждого из приведенных определений позволяет сделать вывод о спорности содержания (структуры) механизма преступления в научной среде. Однако все ученые сходятся во мнении, что структуру механизма преступления составляет функциональная сторона противоправной деятельности, т.е. определенная система действий и отношений.

Одно из первых и наиболее полных определений механизма преступления предложил в своих работах Р.С. Белкин. Под ним исследователь понимал «сложную динамическую систему, включающую субъект преступления, его отношение к своим действиям и их последствиям, к соучастникам; предмет посягательства; способ совершения и сокрытия преступления; преступный результат и др.» (см. рис. 1). Механизм преступления, по мнению ученого, как событие объективной реальности развивается под воздействием определенных закономерностей:

- закономерности формирования, выбора и реализации способов подготовки, совершения и сокрытия преступления;
- закономерности возникновения и развития связей между элементами механизма преступления;
- закономерности возникновения и развития явлений, связанных с преступлением (до, во время и после его совершения), значимых для решения задач судопроизводства.

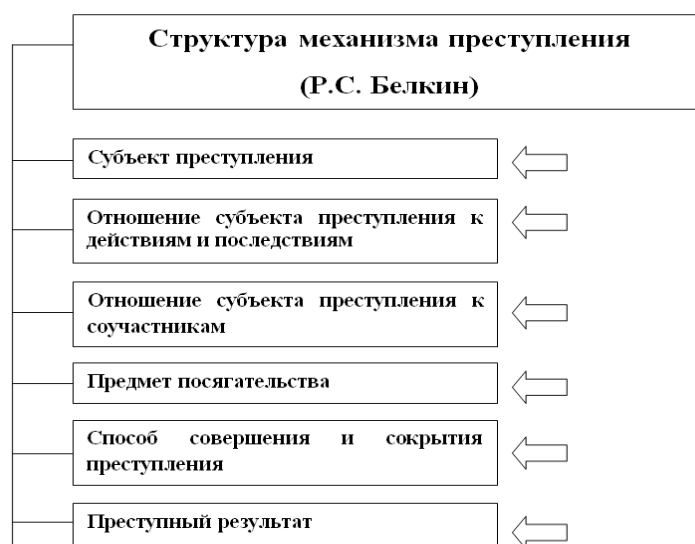

Рисунок 1.

Другую структурную характеристику механизма преступления предложил А.М. Кустов, выдвинувший в качестве его основного элемента – преступную деятельность, под которой подразумевается совокупность общественно опасных, последовательных

действий (бездействий) лица, направленных на реализацию «извращенных» потребностей [5, с. 35]. При этом, автор различает две разновидности преступной деятельности, во-первых, совокупность последовательных действий, объединенных единым замыслом в рамках отдельного преступления; во-вторых, процесс последовательной смены действий, составляющих несколько преступлений. Поддерживая точки зрения многих криминалистов, А.М. Кустов допускает включение в состав механизма преступления не только преступных действий виновного лица (лиц), но и активных движений потерпевшего, а также иных лиц (например, случайных свидетелей). В качестве второстепенных элементов механизма преступления автор выделяет также обстановку и предмет преступного посягательства (см. рис 2).

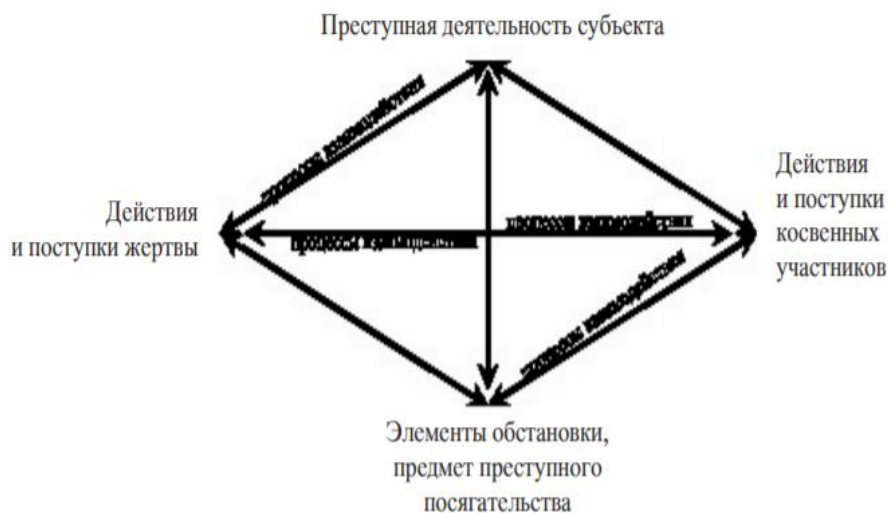

Рисунок 2. Структура механизма преступления (А.М. Кустов)

Наиболее полную и подробную характеристику структуры механизма преступления разработал З.И. Кирсанов, элементы которого по объективным и субъективным критериям можно подразделить на две группы:

а) лицо (лица), совершающие преступное деяние; потерпевшей, его поведение, связанное с преступлением; лица, косвенно связанные с преступлением (например, заранее не обещанное укрывательство);

б) способ подготовки, совершения и сокрытия преступления; предмет преступного посягательства; орудия, средства преступления и другие предметы, использованные в преступных целях; материальная обстановка, в которой готовился и (или) реализовался преступный замысел [6, с. 78].

в) Ученый в противовес А.М. Кустову, утверждал о необходимости и первостепенном значении каждого из указанных элементов, без которых установление объективной картины преступления в рамках предварительного расследования не представляется возможным.

Все элементы механизма преступления, как целостная система факторов и процессов, тесно взаимосвязаны и отражаются в окружающей среде в виде следов преступления, обеспечивающих возможность выдвижения определенных версий его совершения. Установление элементов механизма преступления во многом предопределяют правильность квалификации преступного деяния, а затем, и эффективность поиска похищенного имущества; выявления организаторов, исполнителей и других соучастников преступления; поиска средств и орудий его совершения и т.д. С течением времени элементы механизма преступления видоизменяются, совершенствуются, а некоторые и вовсе перестают существовать.

Таким образом, большинство авторов предлагает собственную структуру механизма совершения преступления, что свидетельствует об отсутствии единого подхода в разрешении данного вопроса. В связи с чем предлагаем под механизмом преступления понимать систему взаимодействующих в преступлении лиц, материальных объектов и процессов, взаимосвязи которых обусловлены подготовкой, совершением и сокрытием преступления.

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М.: БЕК, 1997.
2. Колдин В.Я. Криминалистика социалистических стран. – М.: Юрид. лит., 1986.
3. Механизм преступного поведения. – М., 1981.
4. Кудрявцев В.Н. Природа преступного поведения и его механизм // Механизм преступного поведения. – М., 1981.
5. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления. Дисс... дра юрид. наук. – М., 1997.
6. Кирсанов З.И. Теоретические основы криминалистики: Учеб. пособие. – М., 1998.

Седых Д.В.

Понятие мер безопасности в уголовном судопроизводстве

*Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-248

*Научный руководитель
Полтавцева Л.И.*

Аннотация

В статье исследуется понятие мер безопасности, применяемых в уголовном судопроизводстве. Проведя анализ действующего законодательства, авторы заключают, что на сегодняшний день отсутствует законодательное определение таких мер, кроме того, не решен этот вопрос и в научной литературе (большая часть определений мер безопасности характеризуются определёнными недостатками). Предлагается авторское определение мер безопасности с возможностью последующего законодательного закрепления данного определения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, участники уголовного процесса, обеспечение безопасности, меры безопасности.

Abstract

The article examines the concept of security measures used in criminal proceedings. After analyzing the current legislation, the authors conclude that today there is no legislative definition of such measures, in addition, this issue has not been resolved in the scientific literature (most of the definitions of security measures are characterized by certain shortcomings). The author's definition of security measures is proposed with the possibility of subsequent legislative consolidation of this definition.

Key words: criminal proceedings, participants in criminal proceedings, security, security measures.

Закрепленная в ст. 2 Конституции Российской Федерации обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина [1] требует введения комплекса мер, направленных на обеспечение личной и имущественной безопасности участников процесса. Эти меры приобретают особую актуальность в случаях организованной преступности, когда действия часто проводятся с целью сокрытия, уничтожения следов преступления, создания ложных доказательств,

воздействия на участников процесса в плане, благоприятном для преступников, включая «нейтрализацию» свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, путем подкупа, запугивания или убийства. Государство обязано гарантировать личную и имущественную безопасность участников уголовного процесса и сотрудников правоохранительных органов. Особенно остро стоит проблема безопасности свидетелей и других лиц, содействующих правосудию. Здесь, наряду с совершенствованием материально-правовых гарантий безопасности, требуется разработка системы уголовно-процессуальных мер защиты.

Интеграция Российской Федерации в систему основных международных пактов и конвенций обязывает ее привести свое законодательство в соответствие с международными и европейскими требованиями в области государственной защиты участников процесса. Обеспечение безопасного участия граждан в уголовном процессе – одно из важных условий эффективного проведения предварительного расследования по уголовному делу и его последующего судебного рассмотрения. Оказание неправомерного воздействия на свидетелей, потерпевших и других участников уголовного процесса в последние годы имеет тенденцию к быстрому росту.

В соответствии с международным и российским законодательством, для участников уголовного процесса предусмотрены меры безопасности, установленные законом. Для участников уголовного процесса в целях обеспечения наиболее эффективного и справедливого правосудия предоставляется право на безопасность и государственную защиту.

В научной литературе под обеспечением безопасности участников уголовного процесса понимается осуществление правовых, организационно-технических, а также иных мер, направленных на защиту жизни, здоровья, жилья, имущества, чести и достоинства этих лиц от противоправных действий, а также создание необходимых условий для надлежащего отправления правосудия.

Анализ действующего российского законодательства позволяет сделать вывод о том, что в них отсутствует понятие мер безопасности, однако сама эта фраза встречается довольно часто.

Если обратиться к научной литературе, то в ней приводятся различные определения мер безопасности.

Так, по мнению Л.В. Брусницына меры безопасности «это превентивные правовые средства, предоставляемые различными отраслями, которые обеспечивают в ходе уголовного судопроизводства и за его пределами защиту лиц, участвующих в уголовном процессе, и их родственников от запрещенных уголовным законодательством и других форм посткриминального воздействия» [2, с. 310]. Однако в данном понятии не учтены все признаки, присущие мерам безопасности, поскольку остается неясным, почему меры могут быть только превентивными. А как быть в случае, когда воздействие на лиц, в отношении которых не применялись меры безопасности, уже было. На наш взгляд, данные меры следует применять с целью максимально полного устранения последствий такого воздействия, нейтрализации их как для лица, подвергшегося ему, так и для осуществления уголовного производства, а, кроме того, предотвратить это воздействие в будущем.

В.В. Войников под мерами безопасности в уголовном процессе понимает «систему действий, установленных действующим законодательством, которые предпринимаются уполномоченными лицами и направлены на предотвращение возникновения ситуаций, связанных с нарушением состояния безопасности охраняемых объектов безопасности, и, если они возникают, для восстановления нарушенного состояния безопасности» [4, с. 6]. Представляется, что данное определение слишком широкое, что является его недостатком. По смыслу оно выходит за рамки уголовного процесса, однако, на наш взгляд, при определении мер

безопасности в уголовном процессе необходимо выделить рамки, а именно уголовное судопроизводство.

С.А. Янин, Е.А. Тришкина и А.В. Песоцкий предлагают следующее понятие мер безопасности в уголовном процессе «это система процессуальных и иных действий, установленных законом, которые осуществляются уполномоченными государственными органами, направленные на обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному процессу» [7, с. 43]. Однако это определение также имеет недостаток, поскольку безопасность может быть обеспечена не только лицам, которые содействуют уголовному преследованию, но и их близким.

Таким образом, в каждом из приведённых определений есть некоторые недостатки, в связи с чем ни одно из них нельзя признать, как учитывающее все особенности (черты) мер безопасности в уголовном судопроизводстве.

По справедливому мнению, А.М. Макеевой «общей целью мер безопасности участников уголовного процесса является предупреждение и предотвращение преступлений, а также создание условий для доказывания истины по уголовному делу» [6, с. 115].

Что касается иных основных черт мер безопасности, то они вытекают из положений ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [2] и ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [3]. К ним относятся следующие:

- применяются к защищаемому лицу в связи с его участием в уголовном процессе или в связи с исполнением его служебных полномочий, что по своей сути предполагает строгое соблюдение требований законодательства, поскольку деятельность по обеспечению безопасности участников уголовного процесса связана с ограничением отдельных прав и свобод личности, установленных законом;
- должностное лицо, обеспечивающее безопасность, обязано неукоснительно соблюдать нормативные правовые акты, поскольку они строго регламентируют порядок применения той или иной меры безопасности, а также устанавливают права и обязанности органов, которые должны их реализовывать;
- при принятии решения о применении мер безопасности в отношении определенного лица субъекты этих правоотношений наделены определенными правами и обязанностями;
- должностное лицо имеет право использовать имеющиеся в его распоряжении оперативно-розыскные средства для достижения конкретной цели применения мер безопасности в отношении лица, а также его близких родственников, которым угрожает опасность или, возможно, будет угрожать опасность их жизни, здоровью, имуществу в связи с участием в уголовном процессе.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем следующее определение мер безопасности с возможностью последующего законодательного закрепления:

«это установленные законом меры, которые обеспечиваются уполномоченными государственными органами для защиты лиц, участвующих в уголовном процессе, а также их родственников, которые подверглись противоправным действиям либо при угрозе таких действий».

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс»

2. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 23.08.2004. № 34. Ст. 3534.
3. Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // Собрание законодательства РФ. 24.04.1995. № 17. Ст. 1455.
4. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). - М., 2001.
5. Войников В.В. Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Калининград, 2002.
6. Макеева Н.В. Понятие и классификация мер безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2008. № 1 (15).
7. Янин С.А., Тришкина Е.А., Песоцкий А.В. К вопросу о понятии и видах мер обеспечения безопасности в российском уголовном судопроизводстве // Высшее образование. 2017. № 6.

Селицкий М.В.

Система нормативно-правовых актов, регулирующих современные отношения по переходу спортсменов из одного клуба в другой

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-249

Аннотация

В статье рассматривается система нормативно-правовых актов, регулирующих отношения по переходу спортсменов. Автор приходит к выводу, что рассматриваемые отношения урегулированы только на уровне регламентов профессиональных лиг и федераций, федеральное законодательство в этой части скудно. В связи с этим автором предложены несколько путей решения сложившейся проблемы.

Ключевые слова: спорт, трансфер, переход спортсмена, регламент РФС, регламент КХЛ.

Abstract

The article examines the system of normative legal acts that regulate the transfer of athletes. The author concludes that the relations under consideration are regulated only at the level of regulations of professional leagues and federations, federal legislation in this part is scarce. In this regard, the author has proposed several ways to solve the problem.

Keywords: sports, transfer, transfer of an athlete, RFU regulations, KHL regulations.

Прежде всего, следует отметить, что рассматриваемые отношения относятся к сфере профессионального спорта, в связи с чем следует дать ему определение.

Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» даёт достаточно скудное понятие: «профессиональный спорт – часть спорта, направленная на организацию и проведение профессиональных спортивных соревнований» [1]. Очевидно, что оно не отражает смысл и суть профессионального спорта, в связи с чем следует обратиться к определениям, данным в науке.

Л.А. Родионов понимает под профессиональным спортом «совокупность форм занятия спортом и соединенных с ними видов деятельности и общественных отношений (включая спортивные, спортивно-трудовые, предпринимательские, а также осуществляемые в спортивных организациях дисциплинарные и служебно-иерархические отношения)» [8].

О.А. Шевченко предлагает следующее определение: «профессиональный спорт – это взаимодействующий комплекс общественных отношений, направленных на совершенствование спорта высших достижений, урегулированных международными актами, законодательством и иными нормативными правовыми актами, актами саморегулирования спортивных федераций (регламентами и правилами международных и национальных спортивных федераций, обычаями и принципами в сфере спорта), основанных на соглашениях между субъектами в сфере профессионального спорта, направленных на систематическое участие в спортивных соревнованиях и подготовку к ним за определенное вознаграждение в целях реализации спортивного результата» [9]. Представляется, что данное определение является лучшим из представленных в науке, и позволяет определить систему правовых источников, регулирующих как профессиональный спорт, так и конкретно переход спортсменов из одного клуба в другой.

Таким образом, систему законодательства, регулирующего современные отношения по переходу спортсменов из одного клуба в другой в РФ составляет совокупность федеральных законов, специальных актов спортивных федераций и ассоциаций и лиг.

Следует отметить, что, законодательство о переходах спортсменов достаточно скудно и недостаточно, а системность не прослеживается. Рассматриваемые отношения в основном регулируются актами спортивных федераций и лиг.

Аналогичная позиция находит своё отражение в науке. К примеру Л. А. Родионова указывает, что: «среди огромного числа недостатков имеют место быть отсутствие соответствующей системности законодательства о спорте и надлежащей налаженности его внутренних связей, присутствие массы противоречащих и необъединенных едиными принципами правового регулирования законодательных и подзаконных нормативных правовых актов» [8]

Определяющим нормативно-правовым актом, регулирующим все отношения в области спорта в целом является Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – закон «О спорте»), который уже упоминался выше.

Стоит заметить, что переход спортсмена из одного клуба в другой включают 2 вида отношений: непосредственно отношения по переходу (трансферу) и сопутствующие им отношения между спортсменом и его агентом. В работе будут рассмотрены оба вида отношений.

Касаемо трансферных отношений, закон только лишь устанавливает право спортивных федераций на разработку и утверждение правил перехода, его ограничения и санкции за нарушения этих правил.

Министерством спорта утверждён Приказ от 13.12.2019 № 1057 «Об утверждении перечня видов спорта, для которых общероссийские спортивные федерации по соответствующим виду или видам спорта вправе утверждать нормы, устанавливающие ограничения перехода (условия перехода) отдельных категорий спортсменов, тренеров в другие спортивные клубы или иные физкультурно-спортивные организации» [4]. Перечень содержит 137 различных видов спорта, в рамках данного исследования будут рассмотрены следующие виды спорта: футбол, хоккей.

Относительно агентских отношений закон устанавливает круг регулирующих актов: Закон «О спорте», иные нормативно правовые акты, нормы, утвержденные общероссийскими спортивными федерациями и профессиональными спортивными лигами.

Также закон устанавливает общие права и обязанности спортивных агентов, требования об их аккредитации.

При переходе спортсмена, клубы вступают в гражданские правоотношения, посредством заключения договора о переходе (трансферного контракта), в связи с чем

можно говорить о том, что Гражданский кодекс РФ также будет входить в систему регулирующих рассматриваемые отношения нормативно-правовых актов.

Несмотря на то, что в Гражданском кодексе РФ отсутствуют какие-либо договоры, непосредственно регулирующие отношения, связанные с переходами спортсменов из одного клуба в другой, согласно принципу свободы договора, стороны вправе заключать непоименованные договоры, а также использовать нормы поименованных в ГК РФ договоров.

В зависимости от вида контракта и от его отнесения к тому или иному виду гражданско-правового договора, для регулирования отношений по трансферу можно использовать нормы договора купли-продажи, аренды, возмездного оказания услуг, мены. А для агентских отношений могут использоваться нормы об агентировании.

Далее следует перейти к рассмотрению специальных актов спортивных федераций и лиг.

В футболе, регулирующими международными актами являются Регламенты Международной федерации футбола (ФИФА) по статусу и трансферу игроков [10] и по работе с посредниками [11]. Внутрirosсийские акты – Регламенты Российского футбольного союза (РФС) по статусу и переходу (трансферу) футболистов [7] и по работе с посредниками [6].

Главный международный акт, регулирующий трансферы футболистов – Регламент ФИФА по статусу и трансферу игроков. Он устанавливает общеобязательные для всех футбольных федераций, входящих в ФИФА, правила, касающиеся статуса футболиста, их права участвовать в «организованном футболе» (то есть в рамках федерации, созданной под эгидой ФИФА) и трансферов между клубами различных ассоциаций (например между российским и зарубежным клубами).

Правила о переходах между клубами одной ассоциации устанавливаются непосредственно этой ассоциацией, о чём прямо указано в Регламенте ФИФА, и что мы видим на примере Регламента РФС. Связано это, конечно, с невозможностью создания аналогичного регулирования в разных странах, в связи с разностью правовых систем.

В общем виде данный регламент содержит нормы, относящиеся к трудовым договорам между футболистом и клубом, правила расчёта трансферной выплаты, регистрации футболиста в составе клуба, а также иные отношения, в работе не рассматриваемые. В связи с этим можно переходить к рассмотрению Регламента РФС.

Данный регламент содержит не только правила, касающиеся статуса футболиста, трудового договора между футболистом и клубом, правила расчёта трансферной выплаты, регистрации футболиста, но и нормы о трансферном контракте и трансферном контракте на условиях «аренды», санкции за неисполнение контракта, что, собственно, и является предметом настоящего исследования.

Также Регламент содержит типовые формы названных выше контрактов.

Касаемо посредников, ФИФА также был принят соответствующий Регламент. Он регулирует отношения, связанные с привлечением игроками и клубами посредников для заключения трудового договора между игроком и клубом и заключения договора о переходе футболиста между двумя клубами.

Как указано в документе, ассоциации обязаны осуществлять и обеспечивать соблюдение, по крайней мере, установленных этим Регламентом минимальных стандартов (требований), с учетом национальных законодательных норм. Ассоциации должны разработать собственные правила, которые должны включать принципы, установленные в Регламенте ФИФА.

Регламент устанавливает ряд принципов. К примеру принцип должной осмотрительности при отборе посредников. Должная осмотрительность означает, что игроки и клубы должны прилагать разумные усилия для обеспечения того, чтобы

посредники подписали соответствующую промежуточную декларацию, соблюдали её и договор о представительстве, заключенный между сторонами.

Документ вводит в отношения представительский договор, то есть договор между клубом/игроком и посредником о услугах, предоставляемых последним. Указаны форма договора и ряд существенных условий.

За ассоциациями сохраняется право выходить за рамки этих минимальных стандартов в собственных регламентах.

Вследствие этого Российским футбольным союзом был принят свой Регламент по работе с посредниками.

Предмет регулирования аналогичен международному регламенту, а именно участие посредников в отношениях между клубами, тренерами и футболистами при осуществлении трансферов из одного клуба в другой, а также в отношениях, связанных с трудовыми договорами.

Регламент устанавливает правила по аккредитации посредников, их права и обязанности, а также, конечно, нормы, связанные с договором с посредником.

В документе содержится типовая форма декларации посредника, но, в отличие от Регламента по трансферам, отсутствует типовая форма договора с посредником.

В связи с тем, что структура российского хоккея – калька с хоккея американского, то есть существует главная франшизная лига и лига уровнем ниже, смены команд между которыми по спортивному принципу не происходит, регулирование переходов спортсменов и агентских соглашений происходит не только на уровне регламентов общероссийской федерации, но и на уровне регламентов конкретных лиг (Континентальной Хоккейной Лиги (КХЛ) и Высшей Хоккейной Лиге (ВХЛ)).

Переходы хоккеистов в КХЛ регулируются главой 5 Правового регламента КХЛ «ПЕРЕХОДЫ» [3].

В отличие от футбола, Регламент КХЛ закрепляет четыре типа трансферов – переход хоккеиста, переход хоккеиста со встречным переходом спортивных прав на другого хоккеиста, встречный переход и смешанный тип.

Обычный переход хоккеиста аналогичен футбольному трансферу. Переход хоккеиста со встречным переходом спортивных прав на другого хоккеиста означает, что встречным предложением будут спортивные права на хоккеиста, находящегося в различных нетипичных статусах. Встречный переход заключается в обмене равнозначного количества хоккеистов. Смешанный тип может включать несколько предыдущих типов одновременно.

Регламент содержит три вида типовых форм договоров о переходе (обмене) хоккеистов, применение которых зависит от ситуации при переходе.

В ВХЛ трансферы регулируются главой 24 «ПЕРЕВОД НА ДРУГУЮ РАБОТУ (ПЕРЕМЕЩЕНИЕ)» Регламента Высшей Хоккейной Лиги – Кубка Шелкового Пути (Всероссийского соревнования по хоккею среди мужских команд) [5].

В целом, Регламент ВХЛ содержит аналогичные Правовому регламенту КХЛ положения о переходах и типовые формы договоров.

Деятельность агентов в хоккее регулируется Положением о деятельности хоккейных агентов, утверждённым Федерацией хоккея России (ФХР) и КХЛ [2].

Положение определяет компетенцию и порядок работы Комиссии по аккредитации агентов, правила проведения аккредитации агентов, их права, обязанности и ответственность, порядок взаимодействия хоккеистов, тренеров и клубов с агентами, порядок разрешения споров, связанных с осуществлением агентской деятельности и, что самое важное, требования к условиям и содержанию агентских договоров.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

В общем виде системность нормативно-правовых актов, регулирующих современные отношения по переходу спортсменов из одного клуба в другой отсутствует.

Спортивное законодательство ни коим образом не регулирует рассматриваемые отношения, за исключением одной нормы, которая связывает федеральное законодательство с актами спортивных федераций и лиг и максимально общих правил об агентировании.

Гражданское законодательство может косвенно использоваться в зависимости от определения правовой природы используемых договоров, но прямое указание на это в законе отсутствует.

Более полно агентские отношения и отношения по трансферу регулируются регламентами спортивных федераций и лиг.

Таким образом, в футболе такими актами являются акты спортивных федераций Регламенты ФИФА по статусу и трансферу игроков и по работе с посредниками. А внутрироссийские акты – Регламенты РФС по статусу и переходу (трансферу) футболистов и по работе с посредниками.

Регламенты ФИФА устанавливают лишь общие правила регулирования, так как не могут учесть специфику национального законодательства, Регламенты РФС содержат конкретные нормы правового регулирования рассматриваемых отношений.

В хоккее, из-за его специфики, регламентирующими актами являются не только акты федераций, но и акты лиг. В КХЛ трансферные отношения регулирует Правовой регламент КХЛ, в ВХЛ Регламент Высшей Хоккейной Лиги. Деятельность агентов в хоккее регулируется Положением о деятельности хоккейных агентов.

Для приведения системы в удобоваримый вид можно использовать один, из следующих вариантов.

1. Переработать Федеральный закон «О спорте», включив в него общие нормы о трансферных контрактах.
2. Разработать специальный спортивный кодекс, в который включить главы о трансферах и агентах.
3. Не трогать Федеральный закон, а внести соответствующие нормы в виде отдельной главы или параграфов в Гражданский кодекс РФ.

Какой из вариантов наиболее предпочтителен, сказать сложно. Думается, что ответить на этот вопрос можно только после всестороннего обсуждения рассматриваемой проблемы учёными-юристами и практиками.

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федер. закон от 04.12.2007г. № 329-ФЗ. [Электронный ресурс] СПС «Консультант-плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 26.03.2021).
2. Положение о деятельности хоккейных агентов. (ред. от 23.04.2020) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФХР. – Режим доступа: https://fhr.ru/upload/iblock/d23/Polozhenie-o-deyatelnosti-khokkei_nykh-agentov.pdf. (дата обращения: 26.03.2021).
3. Правовой регламент КХЛ (ред. от 09.10.2020) [Электронный ресурс] // Официальный сайт КХЛ. – Режим доступа: https://www.khl.ru/documents/KHL_legal_regulations_2020.pdf. (дата обращения: 26.03.2021).
4. Приказ Минспорта России от 13.12.2019 № 1057 «Об утверждении перечня видов спорта, для которых общероссийские спортивные федерации по соответствующим виду или видам спорта вправе утверждать нормы, устанавливающие ограничения перехода (условия перехода) отдельных категорий спортсменов, тренеров в другие спортивные клубы или иные физкультурно-спортивные организации» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.01.2020 N 57345) [Электронный ресурс] СПС «Консультант-плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344348/ (дата обращения: 26.03.2021).
5. Регламент Высшей Хоккейной Лиги – Кубка Шелкового Пути (Всероссийского соревнования по хоккею среди мужских команд) (ред. от 28.08.2020) [Электронный ресурс] // Официальный сайт

- ВХЛ. – Режим доступа: https://www.vhlru.ru/upload/Регламент%20ВХЛ_КШП_20_21.pdf. (дата обращения: 26.03.2021).
6. Регламент РФС по работе с посредниками (ред. от 01.01.2021) [Электронный ресурс] // Официальный сайт РФС. – Режим доступа: <https://static.rfs.ru/documents/1/5f7ade8b81861.pdf>. (дата обращения: 28.12.2020).
 7. Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов (ред. от 07.08.2020) [Электронный ресурс] // Официальный сайт РФС. – Режим доступа: <https://static.rfs.ru/documents/1/5f329d11b8d4b.pdf>. (дата обращения: 26.03.2021).
 8. Родионов Л.А. Договорные формы правовых отношений в сфере профессионального спорта // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 184-187.
 9. Шевченко, О. А. Правовая доктрина регулирования труда в сфере профессионального спорта и пути ее реализации в России: специальность 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения»; дис. ... д-ра юрид. наук / О. А. Шевченко; «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)». – М., 2014. 371 с.
 10. Regulations on the Status and Transfer of Players January 2021 [Electronic resources] // Official site FIFA. – URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/regulations-on-the-status-and-transfer-of-players-january-2021.pdf?cloudid=g1ohngu7qdbxyo7kc38e> (дата обращения: 26.03.2021).
 11. Regulations on Working with Intermediaries [Electronic resources] // Official site FIFA. – URL: <https://resources.fifa.com/image/upload/fifa-regulations-on-working-with-intermediaries.pdf?cloudid=bntdqpzf9y8ntewsosb1> (дата обращения: 26.03.2021).

Сергиенко А.А.

Понятие, признаки и пределы упрощения уголовно-процессуальной формы

*ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Воронеж)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-250

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические, законодательные и практические вопросы особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Анализируется законодательство, регламентирующее институт особого порядка судебного разбирательства при согласии лица с предъявленным ему обвинением.

Ключевые слова: особый порядок уголовного судопроизводства; обвиняемый; суд; согласие с обвинением; правосудие; уголовно-процессуальная форма.

Abstract

The article deals with the theoretical, legislative and practical issues of a special procedure for making a court decision with the consent of the accused with the charge brought against him. The article analyzes the legislation regulating the institution of a special procedure for judicial proceedings with the consent of a person with the charge brought against him.

Key words: special procedure of criminal proceedings; accused; court; consent to the prosecution; justice; criminal procedure form.

Анализ действующего уголовно-процессуального закона позволяет утверждать, что дифференциация российского уголовного процесса *de lege lata* уже имеет место, что является базой для определенного ускоренного производства по некоторым категориям уголовных дел. Проблема упрощения уголовного процесса пока еще не получила, на наш взгляд, адекватного доктринального толкования, хотя в специальных исследованиях все чаще поднимается вопрос об упрощенных судебных производствах, заочном рассмотрении уголовных дел, применении примирительных процедур как альтернативы уголовному преследованию. [1] Однако в условиях конвергенции процессуальных форм, имеющей место в мировой практике судопроизводства и лежащей в основе некоторых российских процессуальных процедур, например, особого

порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, необходимо как изучение практики применения аналогичных институтов в зарубежных правовых системах, так и дальнейшая разработка отечественной концепции оптимизации уголовного судопроизводства. Не единожды обращаясь к исследуемой проблеме, все специалисты в области уголовного процесса сходятся во мнении о том, что и мировая практика, и российский законодатель в этом смысле преследуют идентичные цели – процессуальную экономию, сокращение сроков производства по уголовному делу в рамках, обозначенных ст. 6.1 УПК РФ, а также реализацию общего назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), в том числе путем восстановления социального равновесия путем возмещения ущерба, причиненного преступлением, в кратчайшие сроки. [2]

Процедура рассмотрения уголовного дела в случае заявления обвиняемого о признании вины регламентируется Римским статутом Международного уголовного суда. [3] В качестве основного принципа упрощения (ускорения) процесса рассмотрения дела в данном случае позиционируется свобода волеизъявления обвиняемого, который ни при каких обстоятельствах не может быть принужден к признанию себя виновным (п. «а» ч. 1 ст. 55, п. «g» ч. 1 ст. 67). В ходе судебного разбирательства суду необходимо удостовериться, что обвиняемый понимает содержание выдвинутого против него обвинения, подтверждает признание вины либо заявляет о своей невиновности (п. 8 (а) ст. 64). В случае признания вины суд посредством допроса обвиняемого выясняет следующие обстоятельства: осознает ли обвиняемый характер и последствия признания себя виновным; сделано ли это признание обвиняемым добровольно после достаточных консультаций с защитником; подтверждается ли признание вины обстоятельствами дела, изложенными в материалах уголовного дела (ст. 65). Лишь в том случае, если суд убежден в соблюдении названных условий, он рассматривает признание вины в совокупности с иными доказательствами, устанавливающими существенно важные для уголовного дела обстоятельства, и может осудить лицо за совершение преступления.

Кроме того, при регламентации в национальном законодательстве упрощенных форм уголовного судопроизводства в соответствии с разделами II и III Рекомендаций Комитета министров Совета Европы № 6 R (87) «Относительно упрощения уголовного правосудия» должны учитываться положения ст. 5 (право каждого на свободу и личную неприкосновенность) и ст. 6 (справедливое судебное разбирательство) Конвенции о защите прав человека и основных свобод. [4]

Минимальный объем прав обвиняемого, подлежащий обязательной регламентации национальным законодательством, и соблюдению в том числе при применении упрощенных судебных процедур, закреплен в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В их числе: 1) незамедлительное уведомление о характере и основаниях предъявленного обвинения; 2) предоставление достаточного времени и возможности для подготовки к защите; 3) выбор формы защиты либо лично, либо через приглашенного или назначенного защитника, при этом при недостатке средств для оплаты услуг защитника, в интересах правосудия таковой предоставляется бесплатно; 4) ознакомление с показаниями и участие в допросе свидетелей, вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него; 5) предоставление бесплатных услуг переводчика, если обвиняемый не владеет языком судопроизводства.

Обобщение судебной практики ЕСПЧ показало, что наиболее часто встречающимися нарушениями ст. 6 Конвенции являются с одной стороны – нарушения права на защиту, проявляющиеся в не предоставлении защитника, которые влекут за собой отсутствие состязательности судебного разбирательства, а также ограничение процессуальных возможностей обвиняемого по отстаиванию своих процессуальных интересов, [5-7] с другой - неэффективность существующей защиты,

проявляющаяся в формальном присутствии адвоката, необеспечении конфиденциальности его общения с подзащитным, например, в условиях использования видеоконференц-связи, необоснованное отклонение ходатайств о вызове и допросе свидетелей, нарушении принципа равенства при ознакомлении с материалами уголовного дела и т. д. [8, с. 123]

На необходимость соблюдения международных стандартов защиты прав и законных интересов обвиняемого указал Конституционный Суд РФ, отмечая, что дифференциация уголовного судопроизводства по отдельным категориям уголовных дел является обоснованной и объективно оправданной при условии сохранения баланса конституционных ценностей и соблюдения принципа правопределенности, не допускающего несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина. [9]

В действующем уголовно-процессуальном законе собственно ускорение (упрощение) уголовно-процессуальной формы как дифференцированная процедура, отличная от общего порядка, предусмотрена для этапа предварительного расследования – в виде сокращенного дознания; для этапа судебного разбирательства – особого порядка принятия судебного решения (гл. 40, 40.1 УПК РФ), а также производства у мирового судьи по делам частного обвинения. Существенным шагом по имплементации международных стандартов упрощения судопроизводства, содержащихся в разделе II Рекомендаций № 6К (87) является введение в уголовный процесс производства о назначении меры уголовно-правового характера [10] в качестве альтернативы уголовному преследованию в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, при условии возмещения им ущерба либо заглаживания причиненного преступлением вреда иным способом (ст. 25.1 УПК РФ). В соответствии с положениями гл. 51.1 УПК РФ суд вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении обвиняемого (подозреваемого) при наличии ходатайства должностного лица, ведущего производство по уголовному делу. При этом срок рассмотрения предельно сокращен и составляет 10 суток со дня поступления ходатайства в суд. Права лиц, имеющих личный интерес в исходе уголовного дела, обеспечиваются обязательным участием в судебном заседании подозреваемого или обвиняемого, защитника, если последний участвует в уголовном деле, потерпевшего и (или) его законного представителя, представителя. При этом судья в постановлении о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа устанавливает срок его выплаты с учетом материального положения лица и его семьи, а также разъясняет порядок обжалования постановления и последствия уклонения от уплаты судебного штрафа.

В связи с изложенным немаловажным представляется вопрос о критериях упрощения уголовно-процессуальной формы. Традиционно в качестве признаков, на основании которых происходит редуцирование процедуры уголовного судопроизводства, принято выделять общественную опасность совершенного деяния и степень сложности установления обстоятельств дела. [11] Указанные критерии несколько детализируются с учетом взаимосвязи норм материального и процессуального права, а также социальной значимости определенной категории уголовных дел. Например, М.Л. Якуб к указанным выше признакам упрощения процессуальной формы добавляет тяжесть меры наказания, предусмотренной законом за данное преступление, а также общественно-политическое значение, которое оно имеет. [12, с. 103-104] В качестве самостоятельной группы критериев дифференциации М.К. Свиридов выделяет процессуальные, к числу которых наряду со степенью сложности познавательной деятельности по установлению всех фактических обстоятельств дела, причисляет такой фактор как необходимость применения принудительного обеспечения надлежащего поведения обвиняемого или отсутствие таковой. [13, с. 241] Мы полагаем, что развитие уголовно-процессуального законодательства актуализирует вопрос о поиске оптимальных критериев упрощения

уголовно-процессуальной формы, поскольку они уже не исчерпываются исключительно тяжестью совершенного деяния и сложностью доказывания (например, при применении гл. 40.1 УПК РФ материальный критерий не применим, поскольку отсутствует зависимость редуцирования стадии судебного разбирательства и тяжести совершенного деяния). В этой связи, позволим себе солидаризироваться с точкой зрения, высказанной Е.В. Селиной на основе обстоятельного анализа судоустройственных и судопроизводственных новелл, внесенных в уголовно-процессуальное законодательство за последние годы, о том, что дифференциация преимущественно осуществляется в зависимости от категории преступления. [14, с. 34] Кроме того, в качестве самостоятельного признака, позволяющего относить то или иное производство к числу упрощенных, можно, на наш взгляд, выделить определенное соотношение публичных и диспозитивных (частных) начал. В тех случаях, когда законодатель отдает предпочтение последним (производство по делам частного обвинения, реализация обвиняемым своего права ходатайствовать об особом порядке судебного разбирательства при соблюдении сторонами всех условий его применения, заочное рассмотрение уголовных дел), уголовно-процессуальная форма упрощается.

В некоторых специальных исследованиях за основу предлагается брать принцип презумпции невиновности, реализация которого не может ограничиваться ни при каких условиях, [15, с. 19] что предполагает, по мнению А.В. Боярской, наличие в любой форме производства по уголовному делу хотя бы одного полного цикла доказательственной деятельности. [16, с. 11] При подобном подходе доказывание всех обстоятельств дела должно осуществляться либо на этапе предварительного расследования, либо в судебном разбирательстве, что не позволяет одновременно редуцировать обе названные стадии уголовного процесса. Кроме того, упрощение уголовно-процессуальной формы не должно ухудшать правовое положение лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, которое может выражаться как в лишении их каких-либо прав, так и в ликвидации определенных гарантий их реализации. [17, с. 71]

В целом, разделяя данную позицию, позволим себе ее несколько дополнить. Так, упрощение уголовного судопроизводства не должно препятствовать достижению его цели, которая обозначена в виде комплекса задач, решение которых является обязанностью должностных лиц органов уголовной юстиции (ст. 6 УПК РФ). Анализ названной нормы уголовно-процессуального закона позволяет утверждать, что назначение уголовного судопроизводства имеет двуединую структуру, что соответствует состязательной форме судопроизводства. При этом отдельные задачи, равно как и процессуальные интересы сторон могут взаимоисключать друг друга. Так, с одной стороны назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, с другой стороны - защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Помимо частных интересов в рамках уголовного процесса реализуются и публичные интересы, проявляющиеся в необходимости установления истины по уголовному делу, позволяющей вынести законное, обоснованное и справедливое судебное решение. Как отмечает Т.В. Трубникова, обозначенные интересы в определенных ситуациях могут противоречить друг другу, при этом достижение одной из целей судопроизводства может быть обусловлено меньшим достижением другой. [18, с. 133]

Как уже было отмечено выше, соотношение частных и публичных интересов является одним из признаков упрощения уголовно-процессуальной формы, что предполагает наличие некоего универсального критерия, позволяющего определить возможные пределы такового. Думается, что в качестве индикатора при моделировании законодателем конкретных редуцированных процедур может выступать гарантированность реализации права на судебную защиту, которое, в соответствии со

ст. 46 Конституции РФ не может быть ограничено. Конструкция данной нормы Основного закона позволяет утверждать, что судебная защита распространяется на неограниченный круг лиц, поскольку употребление термина «каждый» в тексте ч. 1 ст. 46 Конституции РФ подчеркивает неперсонифицированность судебной защиты, отсутствие каких-либо формализованных ограничений на ее использование. Подтверждение данного тезиса мы находим при анализе процессуального статуса отдельных участников уголовного процесса, который позволяет утверждать, что право на обращение в суд, а соответственно, и право на судебную защиту имеют потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный, частный обвинитель (ч. 2 ст. 43 УПК РФ), гражданский истец (ч. 4 ст. 44 УПК РФ) и его представитель (ч. 3 ст. 45 УПК РФ), гражданский ответчик (ч. 2 ст. 54 УПК РФ) и его представитель (ч. 2 ст. 55 УПК РФ), свидетель (ч. 4 ст. 56 УПК РФ), а также иные лица, чьи права и законные интересы нарушены в ходе уголовного судопроизводства (например, заявитель в случае отказа в приеме сообщения о преступлении; лицо, в помещении которого проводится обыск или выемка и т.д.). Универсальность судебной защиты позволяет ей, на наш взгляд, стать тем средством, с помощью которого могут быть реализованы все задачи уголовного процесса даже с учетом их противоречивости. Следовательно, любое производство в рамках ординарной либо упрощенной процессуальной формы не должно создавать препятствий для реализации права заинтересованного лица на судебную защиту.

Изучение данного вопроса представляется исключительно важным с точки зрения *de lege ferenda*. Полагаем, что можно выделить несколько ограничителей, которые формируют пределы упрощения (ускорения) уголовного судопроизводства. В этой связи следует, на наш взгляд, обратить внимание на трактовку самого понятия «упрощенное производство», которая отражает сущность рассматриваемого способа дифференциации уголовно-процессуальной формы. В подавляющем большинстве специальных исследований, посвященных данной проблематике, используются две дефиниции – упрощенное производство и ускоренное производство. Лингвистический анализ слов «упрощенный» и «ускоренный» показывает, что эти термины не идентичны. Слово «упрощенный» трактуется как «не сложный, доступный пониманию и осуществлению», [19, с. 621] в то время как «ускоренный» означает «осуществляемый быстрее обычного». [19, с. 839] Однако, с точки зрения оптимизации уголовно-процессуальной формы, мы полагаем, что эти термины могут употребляться как тождественные, поскольку любой из законодательно предусмотренных способов упрощения процедуры (исключение из производства по делу отдельной стадии либо неприменение какого-либо процессуального института и т.д.), в конечном итоге приводит к ускорению производства по делу, т.е. изменению динамико-временной структуры унифицированной уголовно-процессуальной формы, которая приобретает несколько свойств: быстроту, экономичность и простоту. Именно эти качества составляют, на наш взгляд, основные признаки упрощенного (ускоренного) уголовного судопроизводства.

Основным и наиболее значимым ограничителем выступает свойство нормативности уголовно-процессуальной формы. Как уже было отмечено, процессуальная форма гарантирует осуществление эффективной защиты и охраны прав и свобод участников процесса, обеспечивает действие правовых принципов, регулирует последовательность совершения процессуальных действий, выступая процессуальным порядком, регламентом деятельности по рассмотрению и разрешению уголовных дел. Ее нормативность предполагает наличие законодательной модели, организующей и упорядочивающей судопроизводственную деятельность посредством системы закрепленных в уголовно-процессуальном законе требований к процессуальным действиям и документам.

Еще одним ограничителем, формирующим границы упрощения процессуальной формы, является уголовно-процессуальный режим, структуру которого составляют назначение уголовного процесса, состязательность и процессуальные гарантии прав и законных интересов участников процесса. Думается, что указанная составляющая уголовно-процессуальной формы является константой при любом из рассмотренных выше способов оптимизации уголовного судопроизводства. При этом следует учесть некоторые обстоятельства, касающиеся реализации принципов уголовного судопроизводства и процессуальных гарантий прав и законных интересов его участников. Как уже было отмечено выше, в литературе достаточно широко распространено мнение, что при упрощении процедуры рассмотрения уголовного дела недопустимы усечения, сопряженные с нарушением какого-либо принципа уголовного процесса. [20] На наш взгляд данное утверждение не вполне корректно. Следует учитывать, что как в унифицированном порядке рассмотрения уголовных дел имеются ограничители принципов и правил процесса, так и в дифференцированной процедуре регулирование осуществляется на основе общих правил с определенными, объективно необходимыми изъятиями. Данный тезис легко может быть проиллюстрирован значительным количеством примеров, подтверждающих бинарность некоторых судопроизводственных (функциональных) принципов уголовного судопроизводства. Известно, что одним из принципов уголовного судопроизводства является гласность, в то же время ч. 2 ст. 241 УПК РФ предусматривает случаи, когда по судебному решению действие этого принципа может быть ограничено посредством проведения закрытого судебного разбирательства: в интересах несовершеннолетних подсудимых, не достигших 16 лет; неразглашения государственной и иной охраняемой федеральным законом тайны, либо сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства, либо сведений, унижающих их честь и достоинство; обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц. Аналогичным образом регламентируется принцип непосредственности и устности судебного разбирательства (ст. 240 УПК РФ) с изъятиями из общего порядка в части оглашения показаний подсудимого, потерпевшего, свидетелей, предусмотренного ст.ст. 276, 281 УПК РФ. С этой точки зрения упрощение (ускорение) уголовного судопроизводства путем закрепления процедур, в которых ограничивается действие отдельных принципов процесса, вполне вписывается в общую модель организации правосудия. Однако часть принципов имеют абсолютный характер, как, например, состязательность и иные организационные (институциональные) принципы, соответственно, их действие не может быть ограничено.

Определенная конкуренция между быстротой и основательностью судопроизводства стала основой для критики «стремления упростить и ускорить судопроизводство за счет устранения гарантий прав личности». [21, с. 121] Полагаем, что при решении вопроса об объеме процессуальных гарантий реализации прав и законных интересов участников процесса необходимо исходить из того, что удобство, быстрота и простота процесса должны иметь второстепенное значение по сравнению с гарантированностью прав и правильностью принимаемых решений. Современная юриспруденция рассматривает ускорение процесса не столько через призму интересов государственной репрессии, сколько в качестве неотъемлемого субъективного права частного лица, вовлеченного в орбиту уголовного судопроизводства. В этом смысле быстрое и простое рассмотрение уголовного дела, не будучи а priori антиподом его качественному рассмотрению, является ценной гарантией прав личности. [22, с. 236] При разработке и законодательной регламентации процессуальных механизмов, направленных на упрощение (ускорение) производства, следует, на наш взгляд, исходить из того, что такие механизмы должны представлять собой разумное сочетание публичных и частных интересов, что предполагает ограничение тех или иных норм и

принципов унифицированного порядка только при условии повышения уровня гарантий прав участников процесса.

И, наконец, еще одним, законодательно закрепленным ограничителем упрощения уголовно-процессуальной формы являются нормы, определяющие подследственность и подсудность уголовных дел, т.е. критерии отнесения дел к упрощенному (ускоренному) производству, а также нормы, определяющие соотношение упрощенного и общего порядка рассмотрения дел, включая механизмы перехода из одной формы в другую.

Пределы упрощения процессуальной процедуры предусмотрены и для особого порядка судебного разбирательства, который применяется только по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 5 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 314 УПК РФ). Законодатель предусматривает возможность перехода к унифицированной процедуре судебного разбирательства при возражении участников процесса против постановления приговора без судебного разбирательства либо по собственной инициативе суда (ч. 6 ст. 316 УПК РФ), что является дополнительной гарантией защиты прав и законных интересов как подсудимого, так и потерпевшего.

Все названные ограничители очерчивают рамки упрощения (ускорения) уголовного судопроизводства и определяют «качество» той или иной упрощенной процедуры: насколько в ней сбалансированы интересы участников процесса и повышает ли она эффективность правосудия. В этой связи считаем необходимым привести важную в рассматриваемой ситуации мысль Н.А. Чечиной, высказанную относительно упрощения гражданского судопроизводства, но вполне применимую и в уголовном процессе: «Отказ от соблюдения процессуальных правил, отрицательно влияет на качество судебной деятельности, поэтому каждое упрощение должно вводиться с учетом последствий его применения, с тем, чтобы оно вписывалось в существующую систему, а не разрушало ее». [23, с. 587]

Учитывая все вышеизложенное, полагаем, что упрощенное (ускоренное) производство можно определить как изъятие из унифицированного легального порядка производства по уголовному делу, заключающееся в законодательном редуцировании отдельных стадий уголовного процесса (их структурных элементов), при условии реализации его формообразующих принципов и обеспечении совокупности гарантий прав и законных интересов его участников.

1. Орлова Т.В. Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе российского государства / под ред. Г.И. Загорского. – М.: Проспект, 2015. – 112 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (20.03.2021).
3. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17.07.1998) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\)](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r)) (20.03.2021).
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950г., с изм. от 13.05.2004 г.) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (20.03.2021).
5. Григорьевских (Grigoryevskikh) против РФ. Жалоба № 22/03. Постановление от 9 апреля 2009 г. // Бюллетень ЕСПЧ. – 2010. – № 2. – С. 103-117;
6. Севастьянов (Sevastyanov) против РФ. Жалоба № 37024/02. Постановление от 22 апреля 2010 г. // Бюллетень ЕСПЧ. – 2010. – № 11. – С. 37-49.
7. Шулёпов (Shulepov) против РФ. Жалоба № 15435/03. Постановление от 26 июня 2008 г. // Бюллетень ЕСПЧ. – 2009. – № 6. – С. 77-84;
8. Алтынникова Л.И. Состязательность и равноправие сторон в апелляционном уголовном судопроизводстве как элементы концепции справедливого судебного разбирательства: позиция Европейского суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 9. – С. 122-130.

9. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194577/ (20.03.2021).
10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200696/ (20.03.2021).
11. Даев В.Г. Взаимосвязь процессуальной формы с материальным правом. / В.Г. Даев. – Воронеж, 1979. – С. 45-52.
12. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном процессе. / М.Л. Якуб. – М.: Юрид. лит., 1981. – 144 с.
13. Свиридов М.К. О сущности и основаниях дифференциации уголовного процесса. / М.К. Свиридов. – Томск, 1987. – 221 с.
14. Селина Е.В. Дифференциация и унификация форм уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – 2015. – № 6. – С. 31-34.
15. Мурашкин И.Ю. Реализация принципа презумпции невиновности в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014. – 25 с.
16. Боярская А.В. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2012. – 22 с.
17. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса / Под ред. М.К. Свиридова. – Томск, 2001. – 104 с.
18. Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 131-139
19. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1999. – 944 с.
20. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 18-21.
21. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: Дис. ... докт. юрид. наук. – Москва, 2016. – 389 с.
22. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. - 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – 1280 с.
23. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. / Н.А. Чечина – СПб., 2004. – 654 с.

Симанчук М.Л.

Правообладатели фирменных наименований в законодательстве России

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-251

Аннотация

В настоящей статье описываются основные подходы к пониманию правовой категории "правообладатель фирменного наименований" в законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: правообладатель, субъект права, субъективное право, фирменное наименование, правообладатель, исключительное право, гражданское право, средства индивидуализации, коммерческая организация, индивидуальный предприниматель.

Abstract

This article describes the main approaches to the understanding of the legal category of "right holder of a firm name" in the legislation of the Russian Federation.

Key words: right holder, subject of law, subjective right, trade name, right holder, exclusive right, civil law, means of individualization, commercial organization, individual entrepreneur.

Пунктом 1 ст. 56 Гражданского кодекса РФ предусмотрено, что юридическое лицо имеет свое наименование, содержащее указание на организационно-правовую форму, а в случаях, когда законом предусмотрена возможность создания вида юридического лица, указание только на такой вид.

Вместе с тем категория "наименование юридического лица", предусмотренная указанной статьей, отличается от правовой категории "фирменное наименование".

Наименование юридического лица является родовой категорией для имени собственного всех юридических лиц. Firmenное наименование, в свою очередь, является частным случаем наименования юридического лица.

Согласно п. 1 ст. 1473 Гражданского кодекса РФ юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, выступает в гражданском обороте под своим фирменным наименованием, которое определяется в его учредительных документах и включается в единый государственный реестр юридических лиц при государственной регистрации юридического лица.

Таким образом, фирменным наименованием могут обладать только коммерческие организации: хозяйственные общества, товарищества, производственные кооперативы и т. д.

Согласно п. 1 ст. 1474 Гражданского кодекса РФ юридическому лицу принадлежит исключительное право использования своего фирменного наименования в качестве средства индивидуализации любым не противоречащим закону способом (исключительное право на фирменное наименование), в том числе путем его указания на вывесках, бланках, в счетах и иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках, в сети "Интернет".

В связи с чем можно прийти к выводу, что правообладателями фирменных наименований, которые могут использовать такое наименование любым, не противоречащим закону способом, являются только коммерческие юридические лица.

Вместе с тем такое положение дел в законодательстве России существовало не всегда.

Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 22 июня 1927 года "О введении в действие положения о фирме", которое действовало вплоть до 01 января 2008 года, право исключительного использования фирменного наименования принадлежало и коммерческим и некоммерческим организациям (пункты 1 - 5 и 8).

Вместе с тем такой подход претерпел существенные изменения.

Пунктом 1.1 ст. 4 Федерального закона от 12 января 1996 года N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях" некоммерческая организация, наименование которой зарегистрировано в установленном порядке, имеет исключительное право его использования.

Наименование некоммерческой организации не является объектом интеллектуальной собственности по смыслу главы четвертой Гражданского кодекса РФ, право на него не может защищаться способами, предусмотренными названной главой, однако такая некоммерческая организация имеет исключительное право его использования (не в качестве объекта интеллектуальной собственности). Аналогичная позиция находит свое отражение в Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 07 марта 2014 года № С01-106/2014 по делу N А40-64429/2013.

По смыслу действующего правового регулирования охрана исключительных прав на наименование предоставляется только коммерческим организациям, что обуславливается политико-экономическими причинами.

В свою очередь нераспространение правил Четвертой части Гражданского кодекса РФ на некоммерческие организации означает и отсутствие у правообладателя коммерческой организации возможности защитить себя от использования некоммерческой организацией аналогичного наименования при осуществлении аналогичной деятельности.

В праве Российской Федерации исключительным правом на фирменное наименование до принятия Четвертой части Гражданского кодекса РФ могли обладать

и физические лица в связи с приобретением прав на него по договору франчайзинга (коммерческой концессии).

Согласно п. 1 ст. 1027 Гражданского кодекса РФ по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау).

Субъектами франчайзинга являются коммерческие организации и граждане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей (п. 3 чт. 1027 Гражданского кодекса РФ).

В п. 1 указанной статьи отсутствует упоминание фирменного наименования, как предмета договора коммерческой концессии. Однако законом предусмотрен открытый перечень объектов исключительных прав, что позволяет предположить о возможности передать права на фирменное наименование по такому договору.

Такое предположение является неверным, что подтверждает Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

В 2009 году Приказом Роспатента № 186 "Об утверждении Рекомендаций по вопросам проверки договоров о распоряжении исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации" установлено, что по договору коммерческой концессии могут быть предоставлены права, распоряжение которыми путем предоставления права использования допускается законом.

Пунктом 1 ст. 1474 Гражданского кодекса установлено, что распоряжение исключительным правом на фирменное наименование (в том числе путем его отчуждения или предоставления другому лицу права использования фирменного наименования) не допускается.

Иными словами, третьи лица не могут приобрести по договору франчайзинга права на использование фирменного наименования (в том числе и другие коммерческие организации), так как оно не является оборотоспособным.

До введения в действие Четвертой части Гражданского кодекса РФ редакция ст. 1027 напрямую относилась фирменное наименование к тем объектам исключительных прав, которые могут передаваться по договору франчайзинга: "по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс исключительных прав, принадлежащих правообладателю, в том числе право на фирменное наименование и (или) коммерческое обозначение правообладателя, на охраняемую коммерческую информацию, а также на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав - товарный знак, знак обслуживания и т.д."

В связи с чем допускалось обладание физическими лицами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, исключительным правом на фирменное наименование.

Помимо этого, в качестве подтверждения позиции о возможности отнесения индивидуальных предпринимателей к правообладателям фирменных наименований приводят норму п. 3 ст. 23 Гражданского кодекса РФ, устанавливающую, что в отношении индивидуальных предпринимателей действуют те же нормы, что регулируют правовое положение коммерческих организаций. А потому раз коммерческая организация должна иметь фирменное наименование, то и индивидуальный предприниматель тоже должен его иметь.

Такая норма и в настоящее время имеется в нашем законодательстве. Вместе с тем ст. 23 Гражданского кодекса РФ содержит оговорку о том, что норма о распространении правил о коммерческих организациях к деятельности

индивидуального предпринимателя применяется "если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа отношений".

Действительно можно полностью согласиться с позицией законодателя о невозможности обладания индивидуальным предпринимателем исключительного права на фирменное наименование, в связи с тем, что те цели, для которых коммерческая организация использует фирменное наименование, в случае индивидуального предпринимателя используются фамилия, имя и отчество.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время Гражданским кодексом РФ четко установлено, что правообладателями фирменных наименований могут быть только коммерческие организации. Субъекты же схожих с фирменным наименованием правовых категорий (наименование некоммерческой организации) не пользуются той правовой защитой, какая предоставлена правообладателю фирменного наименования Четвертой частью Гражданского кодекса РФ.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2020. № 50 (часть III). ст. 8072. (ред. от 08.12.2020). [Электронный ресурс]. СПС "КонсультантПлюс". (дата обращения: 01.04.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52, ст. 5496; 2021. № 1, ст. 66. (ред. от 30.12.2020). [Электронный ресурс]. СПС "КонсультантПлюс". (дата обращения: 01.04.2021).
3. О введении в действие Положения о фирме: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 22 июня 1927 г. [Электронный ресурс]. СПС "КонсультантПлюс". (утратил силу 31 декабря 2007 г.).
4. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 145.; 2021. № 1, ст. 68. (ред. от 30.12.2020). [Электронный ресурс]. СПС "КонсультантПлюс". (дата обращения: 01.04.2021).
5. Рожкова М. А. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: Монография / М. А. Рожкова. Москва : Статут, 2018. СПС "КонсультантПлюс". (дата обращения: 01.04.2021).
6. Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 07 марта 2014 года № С01-106/2014 по делу № А40-64429/2013. [Электронный ресурс]. СПС "КонсультантПлюс". (дата обращения: 01.04.2021).
7. Об утверждении Рекомендаций по вопросам проверки договоров о распоряжении исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации: приказ Роспатента от 29 декабря 2009 года № 186 // [Электронный ресурс]. СПС "КонсультантПлюс". (дата обращения: 01.04.2021).
8. Филипова, С. Ю. Фирменное право России. / С. Ю. Филипова. Москва : Статут, 2016. СПС "КонсультантПлюс". [Электронный ресурс]. (дата обращения: 01.04.2021).
9. Еременко В. И. Право на фирменное наименование в части четвертой ГК РФ / В. И. Еременко // Законодательство и экономика. 2008. № 3. СПС "КонсультантПлюс". [Электронный ресурс]. (дата обращения: 01.04.2021).

Славова Н.А.

**Принципы предоставления медицинской помощи и лекарственного обеспечения:
социально-правовой аспект**

*Филиал Российского государственного гуманитарного университета в г. Домодедово
(Россия, Домодедово)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-252

Аннотация

Статья содержит анализ законодательства Российской Федерации в сфере охраны здоровья на предмет закрепления принципов медицинской помощи и лекарственного обеспечения.

Ключевые слова: медицинская помощь, лекарственное обеспечение, право социального обеспечения, охрана здоровья.

Abstract

The article contains an analysis of the legislation of the Russian Federation in the field of health care in order to consolidate the principles of medical care and drug provision.

Keywords: medical care, drug supply, social security law, health protection.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что несмотря на безупречную важность надлежащего уровня охраны здоровья граждан, большой блок (количество) действующих нормативно-правовых актов в сфере охраны здоровья, на законодательном уровне не определены основные направления (принципы) предоставления медицинской помощи и лекарственного обеспечения, что на сегодня является необходимым.

Медицинская помощь и лекарственное обеспечение как ее неотъемлемый элемент охватываются всеми существующими принципами в области права социального обеспечения. В теории права социального обеспечения нет единого мнения относительно распределения отраслевых принципов. Таким образом, большинство ученых относит к ним следующее: принцип универсальности права на социальное обеспечение; принцип комплексного социального обеспечения; принцип достаточности размера обеспечения или принцип ориентации социального обеспечения на достойный уровень жизни; принцип дифференциации в зависимости от условий труда, климатической зоны, продолжительности трудового стажа работы, причин необходимости и других факторов. Некоторые ученые подчеркивают такие принципы, как принцип обеспечения не только самих граждан, но и их семей.

Тем не менее, обладая определенной спецификой, охватывающей широкий спектр взаимоотношений, лекарственная и медицинская помощь должны формировать собственные принципы, отражающие сущность, основные свойства и общую направленность правовых норм. Действующее законодательство не формализует принципы медицинской и лекарственной помощи, но, поскольку они являются элементами защиты общественного здоровья, можно попытаться вывести их из содержания принципов охраны здоровья.

Так, в ст. 4 Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] перечислены основные принципы охраны здоровья, которые включают: приоритет интересов пациента; приоритет здоровья детей; социальное обеспечение граждан в случае потери здоровья; доступность и качество медицинской помощи; ответственности государственник органов и должностных лиц; недопустимость отказа в медицинской помощи; приоритет профилактической медицинской помощи; соблюдение медицинской тайны.

Основываясь на анализе этих принципов, можно считать, что лекарственная помощь должна осуществляться на основе принципов доступности, качества, адресности и приоритетности предоставления наиболее нуждающимся гражданам.

Принцип доступности вытекает из принципов универсальности и обязательного социального обеспечения и может рассматриваться как основополагающий при реализации права граждан на медицинскую помощь.

Принцип доступности имеет, как можно полагать, два взаимосвязанных аспекта: организационный и экономический. Первый — это наличие разработанных, изготовленных и зарегистрированных в РФ лекарств. Второй — доступность основана на механизме ценообразования на основные лекарственные средства, который определяет способность пациентов приобретать лекарство за счет собственных средств, а также в случае отсутствия такой возможности создание государством льготных списков препаратов для определенных категорий пациентов.

В Российской Федерации основы разработки и регистрации лекарственных средств предусмотрены Законом «Об обращении лекарственных средств» [2]. Однако данный нормативно-правовой акт не создает основы для установления преференций

для отечественных производителей, которые могли бы способствовать развитию национального фармацевтического рынка. Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации включает, в том числе, в частности, стимулирование разработки и производства инновационных лекарственных средств, совершенствование системы подтверждения соответствия качества лекарственных средств, включая меры по устранению чрезмерных административных барьеров для регистрации отечественных лекарственных средств и обеспечение надлежащего контроля качества и т.д.

Ценовая политика также является фактором, определяющим доступность лекарств для граждан. Будучи обязательным элементом медицинской помощи, лекарственное обеспечение сопровождает ее при любых условиях, в которых она может быть оказана (вне медицинской организации, амбулаторно, стационарно, в дневном уходе). В случае амбулаторного медицинского обслуживания лекарственное обеспечение предоставляется только определенным категориям граждан, а остальные приобретают лекарства за свой счет. Следовательно, о наличии лекарств на амбулаторной стадии можно говорить только тогда, когда у гражданина есть реальная возможность получить его бесплатно или на льготных условиях или приобрести его самостоятельно.

Долгое время механизм включения лекарств в этот список не был урегулирован. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 2014 года № 871 «Об утверждении Правил формирования перечня лекарственных средств медицинского назначения и минимального ассортимента лекарственных средств, необходимых для оказания медицинской помощи» [3] окончательно утвердило процедуру, в соответствии с которой формируется ряд перечней: перечень основных лекарственных средств; перечень препаратов для лечения заболеваний по программе «7 нозологий»; перечень препаратов, прописанных по решению медицинских комиссий медицинских организаций. Утверждение таких перечней также необходимо с той точки зрения, что они позволят более точно определить объем и содержание права граждан на поставку лекарств.

Необходимо обратить внимание, что многие граждане РФ сталкиваются с ситуацией, когда он не могут купить необходимое лекарство. А программа обязательного медицинского страхования в таких случаях не позволяет компенсировать ситуацию социального риска, связанную с необходимостью лечения. В качестве одного из факторов, способствующих невозможности оказания медицинской помощи адекватного объема и качества, можно назвать отсутствие гарантий лекарств для всех граждан государства.

В связи с этим эффективность самой дорогостоящей для государства медицинской помощи, оказываемой в стационарных условиях, может снизиться. Так, после стационарного лечения для полного восстановления здоровья пациента, как правило, лечащий врач назначает ряд медикаментов. Если гражданин отказывается от покупки лекарств по какой-либо причине, в том числе из-за их высокой стоимости, это может привести к ухудшению его здоровья, быстрому рецидиву и, как следствие, повторной госпитализации в медицинское учреждение. Таким образом, принцип доступности лекарств важен не только с точки зрения достижения стабильных результатов лечения, но и как средство обеспечения эффективности расходования средств бюджетов разных уровней и типов.

Принцип качества медицинской помощи и лекарственного обеспечения вытекает из принципа достаточности размеров обеспечения. Понятие «качество медицинской помощи» основано на совокупности характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степени достижения запланированного результата. Таким образом,

качественная медицинская помощь должна быть максимально надежной и безопасной, а также эффективной и своевременной для пациента. Все эти критерии могут быть распространены на лекарственное обеспечение как на один из важнейших элементов медицинской помощи.

Надежность медикаментов означает, что лекарство, назначенное врачом, может оказывать положительное влияние на организм человека, а также то, что такой препарат и его режим правильно выбраны для лечения заболевания, которым страдает пациент. Надежность лекарств напрямую зависит от профессионализма субъектов, которым разрешено назначать лечение, выписывать рецепты и продавать лекарства в аптеке.

Безопасность лекарственного средства заключается в его способности не оказывать отрицательного воздействия на организм человека или когда ожидаемая польза от приема лекарственного средства превышает потенциальный риск неблагоприятных или нежелательных симптомов. Согласно статье 4 Закона об обращении лекарственных средств, качество лекарственного средства — это соответствие лекарственного средства требованиям фармакопейной монографии или, при ее отсутствии, нормативной документации или нормативным документам.

Как правило, лечение с помощью лекарств является основой современной медицины и может применяться как отдельно (фармакотерапия), так и входит в состав других видов лечения (оперативного, физиотерапевтического). В связи с этим, первоочередной задачей государства является обеспечение всех граждан качественными и доступными лекарствами.

Следующий принцип – своевременность, который означает, что лекарственная терапия должна быть начата вовремя [4] и в строго определенной последовательности. Для определенных видов заболеваний своевременная лекарственная терапия является важным инструментом для избежания хронических заболеваний, а также для дальнейшего эффективного лечения.

Принцип эффективности заключается в том, что пациент должен получать лечение только на принципах доказательной медицины. Доказательная медицина (англ. Evidence-based medicine) - подход к медицинской практике, при котором решения о применении профилактических, диагностических и лечебных мероприятий принимаются исходя из имеющихся доказательств их эффективности и безопасности.

Принцип таргетирования, который отражает индивидуальный подход к назначению лекарств, включает назначение конкретного лекарства только пациенту, который действительно нуждается в нем в определенный момент времени, также призван обеспечить качество медицинской помощи. Принцип адресности коррелирует с принципом добровольной медицинской помощи, поскольку лекарство может предоставляться пациенту только после его посещения врача, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (например, лечение лиц с психическими расстройствами).

Другим принципом предоставления медицинской помощи, вытекающим из принципа социального обеспечения, является принцип приоритетности предоставления определенным категориям граждан. В федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации составляются перечни лиц, имеющих право на льготное или бесплатное медицинское страхование как нуждающихся в усилении социальной защиты со стороны государства. Эти перечни основаны на различных критериях: 1) у пациента имеются определенные виды заболеваний (диабет, ВИЧ-инфекция, гемофилия и т.д.); 2) наличие «презумпции нуждаемости», то есть предполагается, что именно этим категориям граждан может быть необходима медицинская помощь в силу их преклонного возраста или состояния здоровья, и они не смогут приобретать лекарства самостоятельно за свой счет, иначе

такое приобретение станет для них чрезвычайно дорогостоящим (инвалиды, ветераны и т.д.); 3) наличие определенного социального статуса, в целях поддерживать и гарантировать предоставление лекарств (судьи, военнослужащие); 4) наличие определенных заслуг перед обществом и государством (Героев Социалистического Труда, Героев Труда Российской Федерации, полных кавалеров Ордена Трудовой Славы, Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, полных кавалеров Ордена Славы).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что медицинская помощь является одним из видов социального обеспечения. Будучи неотъемлемым элементом, лекарственное обеспечение одновременно является элементом этого типа социального обеспечения.

Наряду с медицинской помощью, являющейся элементом охраны здоровья граждан, лекарственное обеспечение осуществляется с учетом некоторых принципов охраны здоровья и ряда отраслевых принципов социального обеспечения. Таким образом, можно сказать, что лекарственное обеспечение должно основываться на принципах доступности, качества, адресности, приоритетности обеспечения наиболее нуждающихся граждан.

1. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
2. Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 2014 года № 871 «Об утверждении Правил формирования перечня лекарственных средств медицинского назначения и минимального ассортимента лекарственных средств, необходимых для оказания медицинской помощи» // Собрание законодательства РФ, 08.09.2014, N 36, ст. 4855.
4. Тищенко Т. А., Сабирова З. Э. Особенности государственного управления сферой здравоохранения на современном этапе в России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2015. – №. 4 (14).

Стебленко А.А., Мамин А.С.

Проведение индивидуальной профилактической работы с гражданами, состоящими на профилактическом учете

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-253

Аннотация

Данная статья направлена на рассмотрение индивидуальной профилактической работы с гражданами, состоящими на профилактическом учете. Авторы уделяют внимание задачам профилактической работы, обязанностям участкового уполномоченного полиции в данной области.

Ключевые слова: индивидуальная профилактическая работа, учет, подучетное лицо, диверсионное поведение.

Abstract

This article is aimed at considering individual preventive work with citizens who are on the preventive register. The authors pay attention to the tasks of preventive work, the duties of the district police commissioner in this area.

Keywords: individual preventive work, accounting, accountable person, deviant behavior.

В настоящее время в юридической практике подразделяют предупреждение преступлений и правонарушений на общую профилактику и индивидуальное профилактическое воздействие.

Под общей профилактикой понимают широкий комплекс деятельности органов внутренних дел, который направлен на устранение, установленных внешних причин совершения преступлений, иного противоправного деяния, обстоятельств, которые провоцируют их совершение.

Под индивидуальным профилактическим воздействием понимается работа различных органов и организаций, которая направлена на выявление лиц дивиантного поведения, склонных к оказанию негативного воздействия на окружающих людей с целью корректировки их поведения, а также предупреждение совершения преступлений.

Авторы считают, что индивидуальная профилактика осуществляется также в отношении лиц, склонных становиться потенциальными жертвами преступлений в результате своего поведения, особенностей личности, физического состояния, образа жизни.

Говоря о цели индивидуальной профилактической работы является изменение дивиантного поведения личности: от противоправного к законопослушному. Данную цель авторы обуславливают рядом задач:

- выявление лиц с противоправным поведением;
- изучение личностных особенностей данной категории лиц, а также установление источников негативного воздействия на них;
- постановка лиц на профилактический учет;
- разработка плана и способов индивидуальной профилактической работы;
- непосредственно профилактическая работа с лицом;
- обеспечение контроля за подучетными лицами и постоянная проверка результатов, проводимых профилактических мероприятий.

Непосредственное оказание индивидуального профилактического воздействия есть постоянное и длительное воздействие на профилактируемое лицо требует комплексное использование методов, способов и средств профилактического воздействия. На практике используются следующие методы индивидуального профилактического воздействия: убеждение, оказание помощи, принуждение.

В соответствии с Приказом МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности». Данный нормативно-правовой акт определяет порядок проведения мероприятий участковых уполномоченных полиции при осуществлении индивидуального профилактического воздействия подучетных лиц.

В соответствии с законодательством об административном надзоре профилактическое воздействие оказывается следующим категориям граждан:

- Освободившимся из мест заключения, в отношении которых установлен административный надзор;
- Освободившимся из мест заключения до полного отбытия установленного наказания условно-досрочно.
- Осужденным наказанию, не связанному с лишением свободы, или которым установлено наказание в виде лишения свободы условно.
- Нарушающим общественные отношения в быту и семье, также представляющие опасность для лиц их окружающих.
- Страдающим алкогольной, наркотической или иной зависимостью, находящимся на учете в медицинском учреждении и создающим опасность для окружающих.

- Страдающим психическими расстройствами, создающим опасность для окружающих.
- Несовершеннолетним, находящимся на учете в ПДН.
- Входящим в неформальные молодежные объединения противоправной направленности, совершившим административные правонарушения против порядка управления и (или) административные правонарушения, посягающим на общественный порядок и общественную безопасность.

Индивидуальная профилактическая работа участковых уполномоченных полиции в отношении условно-досрочно освобожденных лиц строится во взаимодействии с сотрудниками подразделения уголовного розыска, обслуживающим территориальную зону, где находится подучетное лицо.

После прибытия для проживания освобожденного из мест лишения свободы лица, участковый уполномоченный полиции обязан:

- В соответствии с требованиями законодательства, завести на подучетное лицо учетно-профилактическое дело;
- При постановке на учет разъяснить подучетному под его личную роспись порядок отбывания условно-досрочного освобождения в соответствии с ч.7 ст.79 УК РФ, периодичность явки в органы внутренних дел РФ лиц, имеющих соответствующие ограничения, установленные судом при условно-досрочном освобождении, на регистрацию;
- Осуществить внесение сведений на обслуживаемый участок о конкретном подучетном лице в паспорт;
- До конца срока осуществления административного надзора за данным лицом, вести учетно-профилактическое дело;
- Каждый месяц проверять подучетное лицо по базам данных ИЦ УМВД на предмет его привлечения к юридической ответственности. Результаты необходимо отражать в соответствующем листе проверок учетно-профилактического дела.
- При установлении факта совершения какого-либо противоправного действия подучетным лицом, либо в случае неисполнения установленных судом ограничений, принимать меры к нему в соответствии с действующим законодательством;
- По завершению срока надзора, вынести постановление о прекращении учетно-профилактического дела, которое после утверждения начальником ТОВД приобщить к материалам дела данного лица.

При поступлении информации о несовершеннолетних гражданах, находящихся на учете в ПДН, участковый уполномоченный полиции пополняет списочный учет и вносит соответствующую информацию в служебную документацию. В ходе работы с несовершеннолетним, профилактическая работа строится в зависимости от полученной информации данной категории граждан: - образ жизни; - связи данного лица; - наиболее часто посещаемые места данным лицом; - информация о лицах, оказывающих положительное влияние на социальную реабилитацию и предупреждение совершения рецидивных преступлений и правонарушений; - информация о лицах, вовлекающих несовершеннолетнего в совершение преступлений.

Если же имеется информация о неблагополучной семье несовершеннолетнего, то участковый направляет в ПДН соответствующие сведения для проведения совместных мероприятий участкового уполномоченного полиции и инспектора ПДН. В случае неэффективности профилактических мероприятий в отношении родителей данного лица, участковый во взаимодействии с инспектором ПДН направляют материалы в

органы опеки и попечительства для рассмотрения вопроса об ограничении родительских прав или о их лишении.

Итак, авторы считают, что результатом проводимой индивидуальной профилактической работы является постановка на учеты в органы внутренних дел соответствующих субъектов РФ.

По состоянию на 1 декабря 2020 года более 45 тыс. граждан, из которых более 500 состоят под административным надзором, более 3 тыс. формально подпадают под его действие, более 4 тыс. осуждены без изоляции от общества, более 30 тыс. имеют в свободном пользовании огнестрельное оружие и т.д. По итогам проводимых проверок данных категорий граждан участковыми уполномоченными полиции пресечено более 15 тыс. правонарушений с их стороны, данный факт говорит о постоянном и развивающемся профилактическом воздействии на подучетных лиц. Результатом данных мероприятий служит стабильное состояние оперативной обстановки в последние годы, недопущение роста тяжких преступлений, а также иных правонарушений, что свидетельствует о необходимости продолжения практики индивидуальной профилактики, увеличения степени ее влияния на подучетных лиц, как одну из более действенной и необходимой меры предупреждения преступлений.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 23.03.2021).
2. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. - 11.04.2011. - № 15. - ст. 2037.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 17.02.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1 (ч. 1). ст. 1.
4. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 23.03.2021).

Тильба А.В.

Право на доменное имя в Российской Федерации

*ФГАОУ ВО «Дальневосточный Федеральный Университет»
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-254

Аннотация

Статья посвящена раскрытию сущности права на доменное имя в Российской Федерации. Изучение вопроса доменных имён имеет ключевое значение для экономики государства так, как сейчас в мире наблюдается тенденция «тотальной» цифровизации общества и государства, вследствие чего вопрос правового статуса доменных имен актуален как никогда. В статье рассматриваются основные теории, касательно определения места доменного имени в системе объектов гражданских прав, содержание и момент возникновения администрирования.

Ключевые слова: доменное имя, право на доменное имя, результат интеллектуальной деятельности, администратор.

Abstract

The article is devoted to the disclosure of the essence of the right to a domain name in the Russian Federation. The study of the issue of domain names is of key importance for the economy of the state, as now the world is experiencing a trend of «total» digitalization of

society and the state, as a result of which the issue of the legal status of domain names is more relevant than ever. The article discusses the main theories concerning the determination of the place of a domain name in the system of objects of civil rights, the content and the time of the administration.

Keywords: domain name, the right to a domain name, the result of intellectual activity, the administrator.

Стоит отметить, что на сегодняшний день, в международных актах и нормативно - правовых актах Российской Федерации отсутствует чёткое правовое регулирование доменного имени. Его правовая природа также неоднозначно воспринимается и в теории гражданского права.

Легальное определение доменного имени дается в статье 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Под доменным именем понимается обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети «Интернет» [2].

Однако, данное определение не позволяет раскрыть всю суть данного объекта права и практически не раскрывает свойств, полученных им по мере его внедрения в гражданский оборот.

На данный момент в гражданском законодательстве доменное имя является лишь одним из способов использования товарного знака и наименования места происхождения товара в сети «Интернет», что регламентировано ст. 1484, 1519 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

При этом, анализ судебной практики позволяет отметить двойственную позицию по поводу соотношения доменного имени и средств индивидуализации.

Часть судов приравнивают доменное имя к средствам индивидуализации, указывая на то, что доменное имя – это средство индивидуализации информационного ресурса и право его администрирования следует квалифицировать как имущественное право [5].

Другая же часть судов в своих решениях указывает исключительно на техническую функцию доменного имени, на основании чего, не относит его к средствам индивидуализации. По их мнению, основная функция доменных имен - преобразование адресов IP, выраженных в виде цифр, в доменное имя для упрощения поиска и идентификации владельца информационного ресурса [8]. Можно констатировать, что судебная практика не смогла прийти к однозначному выводу касательно правовой природы доменного имени, определить место среди объектов гражданского права, поэтому поиском ответа на данный вопрос занимаются ученые – юристы.

Е.И. Гладкая в своём диссертационном исследовании отразила сформировавшиеся позиции, касательно правового статуса доменного имени [7, С.18].

Так, по мнению учёных доменное имя можно охарактеризовать как:

- непризнанный объект гражданских прав;
- объект, технически выполняющий функцию адресации в сети Интернет;
- объект, выполняющий функции индивидуализации сетевых ресурсов и товаров, работ, услуг и предприятий [9].
- неохраняемый результат интеллектуальной деятельности, обладающий признаком оборотоспособности;

Фактически, обладатель прав на доменное имя осуществляет правомочия, корреспондирующие с правомочиями обладателя охраняемого результата интеллектуальной деятельности. Однако, перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, содержащийся в статье 1125 ГК РФ, является закрытым и доменные имена в него не входят [1].

Соответственно, законодатель не относит доменное имя к объектам интеллектуальной собственности.

А.А. Яганов, оспаривая отнесение доменных имен к результатам интеллектуальной деятельности, указывает на то, что доменное имя ограничено цифровыми и буквенными обозначениями на заранее определенных языках [13, С. 59].

На сегодняшний день, тот факт, доменное имя обладает характеристиками объекта гражданского оборота и является нематериальным активом компании [10, С. 65], является бесспорным и не требует особого подтверждения.

Таким образом, в научной литературе сформировалось три подхода касательно определения места доменного имени в системе объектов гражданских прав. Во-первых, доменное имя рассматривается как услуга. Во-вторых, в качестве бестелесного имущества или имущественного права. В-третьих, как средство индивидуализации.

Со своей стороны считаем, что доменное имя стоит относить к иному имуществу, по смыслу статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Однако, стоит отметить, что в качестве объекта гражданских прав будет выступать не само доменное имя в качестве технического решения, а именно имущественное право, которым обладает администратор домена. Данная позиция изложена и в решении ЕСПЧ, в соответствии с которой права на доменное имя отнесены к имущественным правам и признаются разновидностью имущества [3].

Однако, в доктрине нет четко выработанной позиции, касательно того, какими правомочиями наделяется правообладатель в отношении доменных имен.

Стоит отметить, что правообладателями доменных имен или администраторами, могут быть как физические, так и юридические лица. Право на доменные имена возникает вследствие регистрации домена на имя заинтересованного лица, осуществляемой регистраторами, аккредитованными ICANN. Соответственно, лицо, за которым зарегистрировано доменное имя, с момента внесения соответствующих сведений в реестр становится обладателем прав на доменное имя (правообладателем доменного имени).

Д.В. Кожемякин характеризует право на доменное имя как абсолютное имущественное право, заключающееся в возможности управления определенной областью адресного пространства сети Интернет, извлечении и присвоении благ, связанных с использованием данного пространства [8, С.85].

В соответствии со сложившимся оборотом доменных имен, право на него может быть передано как на возмездной, так и безвозмездной основе, по сделке или же перейти к другому лицу в силу закона.

Право на доменное имя включает в себя следующие правомочия:

- 1) правомочие обладания правами на доменное имя, означающее наличие этих прав в распоряжении конкретного лица. Именно это правомочие и позволяет реализовывать все называемые далее правомочия – правомочие использования и правомочие распоряжения доменом;
- 2) правомочие использования доменного имени, что подразумевает, в частности, возможность создания поддоменов; создания почтовых ящиков, связанных с доменом или его поддоменами; размещения на домене или поддоменах сайтов; размещения рекламы на доменах, не используемых под сайты; парковки доменов и т.д.
- 3) правомочие распоряжения правами на доменное имя. Оно может быть реализовано путем:
 - во-первых, отказа от прав на доменное имя, которое влечет исключение из соответствующего реестра доменных имен сведений об обладателе прав на конкретное доменное имя и прекращение у него прав на этот домен;

- во-вторых, отчуждения прав (уступки прав) на доменное имя, предполагающее заключение обладателем прав на доменное имя с другим лицом соглашения, которое становится основанием для внесения в реестр доменных имен изменений и влечет за собой переход прав на доменное имя от первого лица ко второму;
- в-третьих, предоставления иному лицу права использовать доменное имя на условиях, предусмотренных соответствующим договором, что не предполагает переход (передачу) прав на доменное имя от одного лица к другому.

Исходя из вышесказанного, реализуя выше перечисленные права, правообладатель тем самым реализует свои имущественные права, в том числе право распоряжения, пользования, извлекая полезные свойства, приобретая различные выгоды от доменного имени.

По своей природе, право на доменное имя схоже с исключительным правом на средство индивидуальности, однако исходя из логики законодателя таковым не является.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
3. Постановление ЕСПЧ от 18.09.2007 по делу «Паеффген против Германии» (Paeffgen GmbH v. Germany; application no. 25379/04, 21688/05, 21722/05, 21770/5).
4. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.01.2001 № 1192/00 по делу № А40-25314/99-15-271 // Вестник ВАС РФ, 2001, № 5.
5. Решение АС г. Москвы от 03.11.2011, постановление 9-го ААС от 20.02.2012 по делу № А40-73876/11-12-626 // СПС Консультант Плюс.
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20 января 2015 г. по делу № А40-178919/2014 // СПС Консультант Плюс.
7. Гладкая Е.И. Правовой режим доменного имени в России и США: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
8. Кожемякин Д.В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав: монография. М.: Проспект, 2019. 152 с.
9. Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .RF // Официальный сайт Координационного центра национального домена сети Интернет: https://cctld.ru/files/pdf/docs/rules_ru-rf.pdf.
10. Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. 528 с.
11. Сводная статистика зоны.RU- Режим доступа: URL: <https://statonline.ru/?tld=ru>.
12. Цыбаков Д.Л., Внуков Н.А., Абрамов С.А. Проблема правового регулирования интеллектуальных прав на доменное имя // Вестник арбитражной практики. - 2017. - № 5. - С. 65 - 71.
13. Яганов А.А. К вопросу о соотношении исключительного права на товарный знак и права на доменное имя // ИС. Авторское право и смежные права. - 2020. - № 9. - С. 59 - 70.

Упоров И.В.

Выборы и статус депутата местного Совета в советском государстве (до Конституции СССР 1977 г.): правовой аспект

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-255

Аннотация

Раскрываются основные тенденции развития статуса депутата в советском государстве в период до принятия Конституции СССР 1977 г., при этом акцент делается на статусе местных Советов. Отмечается, что с формально точки зрения

депутаты являлись представителями народа во властных структурах и имели соответствующие полномочия, довольно подробно отрегулированные в законах, особенно в начале 1970-х гг. Однако фактически депутаты избирались на безальтернативной основе и соответственно их потенциал в условиях командно-административной системы управления обществом использовался далеко не в полном объеме. Автор использовал свои более ранние публикации по этой теме.

Ключевые слова: Советы, депутат, статус, выборы, закон, общество, государство, избиратели.

Abstract

The article reveals the main trends in the development of the status of a deputy in the Soviet state in the period before the adoption of the Constitution of the USSR in 1977, with an emphasis on the status of local Soviets. It is noted that from a formal point of view, the deputies were the representatives of the people in the power structures and had the appropriate powers, regulated in some detail in the laws, especially in the early 1970s. However, in fact, the deputies were elected on an uncontested basis and, accordingly, their potential under the conditions of the command-administrative system of public administration was far from being used in full.

Key words: Councils, deputy, status, elections, law, society, state, voters.

До Октябрьской революции 1917 г. правовое положение народных представителей на уровне местного самоуправления не регулировалось – законодатель ограничивался лишь вопросами компетенции всего представительного органа местного самоуправления (в империи таковыми были земские и городские собрания). На законодательном уровне не был определен правовой статус и депутата Государственной думы – органа, начавшего функционировать с 1906 г. После Октябрьской революции 1917 г. советская власть самого начала придавала большое значение вопросам организации местного управления – так, уже в Конституции РСФСР 1918 г. [1] провозглашалось, что вся власть в центре и на местах принадлежит Советам, которые состояли из избираемых депутатов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов (в литературе и документах использовалось сокращенное понятие «Советы», а позднее в Конституции СССР 1936 г. была найдена обобщенная формулировка – «Советы депутатов трудящихся», но в практике по-прежнему часто использовалось сокращенное название «Советы»).

В советском государстве с самого начала отношения народного представительства во власти были поставлены как приоритетные. При этом однако согласно политико-идеологической доктрине большевиков это представительство было неравным (довлел классовый признак). Кроме того, выборы депутатов в Советы по большей части непрямыми – так, поскольку выборы делегатов на Всероссийские съезды Советов производились от депутатов городских и губернских съездов Советов в соответствии с установленной Конституцией РСФСР нормой, то есть депутаты фактически являлись не представителями населения, а представителями Советов. Прямые выборы устанавливались только при избрании депутатов в городские и сельские Советы. Следует заметить, что уже тогда советский законодатель ввел норму об отзыве депутата (и таковая будет включаться во все последующие акты советского избирательного права). Так, Конституция РСФСР 1918 г. содержала норму (ст. 78), согласно которой «избиратели, пославшие в Совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы согласно общему положению» [1], причем такая норма будет включаться затем во все советские конституции. Уточнял эту норму Декрет о праве отзыва делегатов от 24 ноября 1917 г., где, в частности, определялось, что «ни одно выборное учреждение не может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа, если отсутствует

право отзыва избирателями своих выборных» [2]. Согласно Декрету съезд Советов имел право назначать перевыборы во всякие представительные учреждения. Кроме того, по требованию более чем половины избирателей соответствующего избирательного округа Советы должны были назначать перевыборы. Вновь избранные представители с момента избрания замещали прежде избранных.

В дальнейшем в отдельных актах начинают появляться нормы (пока еще разрозненные), характеризующие правовой статус депутата. Так, во время Гражданской войны VII съезд Советов принял резолюцию «О советском строительстве» (1919 г.), где выдвигалось требование активизации работы всех депутатов Советов, в частности, каждый член Совета «во что бы то ни стало» обязан был не реже одного раза в две недели отчитываться перед своими избирателями. Член Совета, дважды не исполнивший указанной обязанности по неуважительным причинам, лишался мандата. На его место избирался новый депутат. Сам отзыв осуществлялся на собрании избирателей простым большинством голосов, при этом принятое решение являлось окончательным и обжалованию по существу не подлежало [3]. Позже было принято специальное постановление ВЦИК «Об отзыве депутата» (1928 г.), где указывалось, что «право отзыва депутата их избирателями является одной из важнейших форм советской демократии» [4]. Здесь интерес представляет перечень обязанностей депутата местного Совета, за неисполнение которых, собственно, он мог быть отозван, причем этот перечень отражен недостаточно четко, можно даже сказать, приблизительно, но, тем не менее, некоторые из них обозначены вполне предметно, в том числе депутат был обязан: систематически посещать заседания Совета, секций и комиссий; выполнять поручения Совета или его Президиума; принимать меры к выполнению наказов избирателей; не допускать недопустимого для депутата поведения.

В Конституции СССР 1936 г. [5] избирательное право провозглашалось всеобщим равным и прямым. Не обладали им только умалишенные и лица, осужденные судом с лишением избирательных прав (ст. 134, 135 Конституции СССР. Выборы депутатов всех уровней производились гражданами непосредственно. Что касается статуса депутата, то новеллой являлась норма ст. 52 Конституции СССР 1936 г., провозглашавшая депутатский иммунитет: депутат не мог быть привлечен к судебной ответственности или арестован без согласия Верховного Совета СССР, а в период между сессиями, - без согласия Президиума Верховного Совета СССР. Так стал формироваться институт неприкосновенности депутата. Сначала в этой Конституции СССР речь шла лишь о депутате Верховного Совета - высшего представительного органа государственной власти, однако в дальнейшем законодательство стало регламентировать неприкосновенность депутатов всех уровней.

К тому времени в стране уже была сформирована административно-командная система управления, в рамках которой Советы всех уровней являлись собой соподчиненную вертикаль законодательной власти. Соответственно и депутаты всех уровней действовали строго в духе правящей идеологии. Соответственно произошло окончательное огосударствление местной власти. Такое положение вызывало резкую критику и неприятие в нелегальной политической литературе. Так, ставшим оппозиционером к советской власти М.Н. Рютин при изложении платформы «Союза марксистов-ленинцев» в 1932 г. специальный раздел посвятил «кризису советов и приводных ремней пролетарской диктатуры». Он отмечал, что «выборность Советов в огромной, подавляющей степени заменена, по существу, назначенством. В Советах ныне сидят люди, прислушивающиеся не к голосу масс, а только к голосу начальства, смотрящие не вниз, а вверх, люди, которые по приказанию начальства готовы учинить какой угодно произвол и насилие над массами, прикрываясь именем и волей этих масс» [6, с. 430]. В качестве вывода было сформулировано следующее положение: «советы из органов, в которых выражалась воля, настроения и подлинные желания широчайших

партийных и беспартийных рабочих масс и бедняцко-средняцкой части деревни ... превратились в органы подавления воли этих масс» [6, с. 431]. Тем не менее формально депутаты отражали принцип народовластия, а данная точка зрения представляется все же крайней и явно политизированной. Вместе с тем обеспокоенность М.Н. Рютина имела под особой основания. Так, хотя избирательное законодательство допускало выдвижение альтернативных кандидатов в депутаты, в действительности этого не происходило, и выдвигался единственный кандидат, который предварительно обсуждался местными парторганизациями ВКП (б). Тем самым большевики, сумевшие получить монополию своей политики и идеологию в стране, обеспечивали полное и безальтернативное представительство своих сторонников во всех властных структурах.

Сформированное перед Великой Отечественной войной законодательство о Советах функционировало довольно долго – вплоть до второй половины 1960-х гг. До этого принципиальных изменений не было. Вместе с тем принимались отдельные акты, регулирующие отдельные стороны правового статуса депутата, в том числе депутата местного Совета. Собственно, на уровне закона был принят всего один такой акт, а именно Закон РСФСР «О порядке отзыва депутата местного Совета депутатов трудящихся» (1960 г.) [7]. Этот закон был настолько основательно проработан, что в своей основе, будучи отредактированным новым законом в 1979 г., действовал практически до распада СССР.

При этом в процессе трансформации советского государства в период «оттепели» значительное внимание уделялось повышению роли общественных организаций. Так, на XXII съезде КПСС 1961 г. в числе важнейших был провозглашен и такой призыв: «каждый советский человек должен стать активным участником в управлении делами общества!» [8]. За этой общей, на первый взгляд, фразой, скрывалась концепция предполагаемого партией будущего советской страны (так и неосуществленного). В частности, официальные власти в соответствии с теорией «общенародного государства» прогнозировали, что Советы в будущем перестанут быть органами государственной власти и всецело превратятся в структуры общественной самодеятельности трудящихся, предназначенные для управления делами общества, без каких бы то ни было политических функций. Но это должен был быть постепенный процесс, в котором Советы должны были получать все новые и новые полномочия – с тем, что депутаты как представители народа, более активно включались в непосредственное управление текущих вопросов на всех уровнях (союзном, республиканском, местном). С учетом этой политики издавались и соответствующие законодательные акты. Так, применительно к местным Советам 8 апреля 1968 г. был издан Указ ПВС СССР «Об основных правах и обязанностях сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся», а 19 марта 1971 г. – Указ ПВС СССР «Об основных правах и обязанностях районных и районных в городах Советов депутатов трудящихся». Эти акты существенно обновили нормативно-правовую базу в данной сфере общественных отношений. На основе союзных актов были приняты и республиканские законы. Так, 29 июля 1971 г. были приняты следующие Законы РСФСР: «О районном Совете депутатов трудящихся РСФСР» от 29 июля 1971 г. [9], «О городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся РСФСР» [10].

Так, в законе о районном Совете в ст. 2 указывалось, что «районный Совет депутатов трудящихся избирается гражданами, проживающими на территории района, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на два с половиной года» [9]. Порядок проведения выборов определялся отдельными законами, которые мы здесь не рассматриваем. Роль отдельного депутата местного Совета признавалась в такого рода актах довольно значимой. В частности, депутат обязан был участвовать в работе Совета, выполнять его поручения, поддерживать связь с избирателями, вести прием граждан, информировать их (в том

числе в форме отчетов перед избирателями) как о деятельности в целом Совета, так и о своей деятельности как депутата, принимать меры по реализации наказов и предложений избирателей.

Не менее детально определялись и права местного депутата, который, в частности, имел право: вносить на рассмотрение Совета и его исполнительных структур свои предложения по обсуждаемым вопросам, инициировать обсуждение других вопросов, которые он считал актуальными; участвовать в проверке работы предприятий и организаций, расположенных на территории Совета; делать запрос к исполнительному комитету, руководителям его отделов и управлений, предприятий и организаций по любому вопросу, относящемуся к компетенции Совета, и получать соответствующие ответы в срок, установленный Советом и др. Отмеченными выше законами устанавливались также гарантии депутатской деятельности, в частности, применительно к районным Советам указывалось, что депутат на время сессии освобождается от выполнения своих профессиональных обязанностей с сохранением среднего заработка ... Депутат районного Совета, осуществляя свои депутатские обязанности, пользуется правом бесплатного проезда на всех видах местного транспорта общего пользования в границах района ... Депутат районного Совета депутатов трудящихся не может быть по инициативе администрации уволен с работы, а также не может быть на территории района привлечен к уголовной ответственности либо арестован без согласия районного Совета, а в период между сессиями - без согласия его исполнительного комитета» [9].

В целом вопросу более четкого регулирования статуса депутата в советском государстве в 1970-х гг. уделялось значительное внимание – так, на XXIV съезде КПСС было выдвинуто предложение о принятии специального закона, в котором был бы определен правовой статус депутатов, и это предложение в 1972 г. было реализовано в виде принятия соответствующего закона союзного уровня [11], куда были включены большинство норм рассмотренных выше актов. Вместе с тем монополия партии коммунистов и безальтернативные выборы по-прежнему имели место, что снижало фактический потенциал депутатов. В таком виде статус депутата Советов всех уровней, включая, включая уровень местных Советов, был воспринят Конституцией СССР 1977г., и в своей основе действовал до конца 1980-х гг., когда в рамках «перестройки» стали происходить кардинальные общественно-политические и социально-экономические изменения, приведшие к распаду советского государства.

1. Конституция РСФСР (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10.07. 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
2. Декрет ВЦИК от 24 ноября 1917 г. «О праве отзыва делегатов» // СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст.49.
3. Резолюция VII съезда Всероссийского съезда Советов «О советском строительстве» от 09.12.1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 64. Ст. 578.
4. Постановление ВЦИК «Об отзыве депутата» от 23.07.1928 г. // СУ РСФСР. 1928. № 104. Ст. 657.
5. Конституция (Основной Закон) СССР (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г. // Известия ЦИК и ВЦИК. 1936. № 283. 6 декабря.
6. Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. С. 430.
7. Закон РСФСР «О порядке отзыва депутата местного Совета депутатов трудящихся» от 27.10. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 587.
8. XXII съезд КПСС: Стенографический отчет. М., 1962. Т. 1.
9. Закон РСФСР «О районном Совете депутатов трудящихся РСФСР» от 29 июля 1971 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 31. Ст. 653.
10. Закон РСФСР «О городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся РСФСР» также от 29 июля 1971 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 31. Ст. 654.
11. Закон СССР «О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР» от 20.09.1972 г. // Ведомости ВС СССР. 1972. № 39.

Хаджимурадова Т.Х.

**Основные направления совершенствования правовых основ обязательного
медицинского страхования**

*ФГБОУ ВО Чеченский государственный университет
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-256

Аннотация

Совершенствование правовых основ в сфере обязательного медицинского страхования является актуальным вопросом социальной поддержки населения.

Ключевые слова: медицинское страхование, социальная поддержка, право.

Abstract

Improving the legal framework in the field of compulsory health insurance is an urgent issue of social support for the population.

Keywords: medical insurance, social support, law.

Прежде всего необходимо понять, каковы основные принципы реформы с учетом всех источников финансирования и реализации и ежегодно утверждаемых программ государственных гарантий Российской Федерации, какова роль правительств субъектов Российской Федерации и применимость частной системы здравоохранения. Важным документом в этой связи является Стратегия развития здравоохранения РФ до 2030 года, в основе которой лежат принципы и нормы Конституции Российской Федерации, международного права, международных договоров Российской Федерации в области здравоохранения; Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», другие федеральные законы, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная Указом. Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года. № 1662-р и другие акты Президента и Правительства Российской Федерации [1, с.123].

Одним из принципиально важных разделов Стратегии является формирование Национальной системы здравоохранения. Система, которая объединяет все медицинские организации, независимо от формы регистрации и ведомственной принадлежности, и работает в рамках единой нормативно-правовой базы (единые требования к качеству и доступу к медицинской помощи, квалификации медицинского персонала и т. д.) И единый государственный, экспертный и общественный контроль.

Основными направлениями развития Национальной системы здравоохранения Российской Федерации являются:

1. Совершенствование Программы государственных гарантий.
2. Развитие системы ОМС на основе принципов солидарности и социального равенства и расширение принципов страхования.
3. Развитие дополнительного медицинского страхования (в дополнение к обязательному медицинскому страхованию) при предоставлении застрахованным лицам дополнительных медицинских или иных услуг, не предусмотренных Программой государственных гарантий, для предоставления бесплатной медицинской помощи.
4. Развитие государственно-частного партнерства в сфере здравоохранения.
5. Развитие некоммерческих медицинских организаций, которые будут создаваться на основе территориальных и профессиональных принципов.
6. Введение обязательной аккредитации медицинского персонала.

7. Информатизация здравоохранения.
8. Построение вертикальной системы наблюдения и контроля в здравоохранении.
9. Поставка лекарственных средств и изделий медицинского назначения.
10. Ускорено инновационное развитие здравоохранения на основе результатов медико-биологических и фармакологических исследований.
11. Расширение открытого диалога с гражданским обществом, развитие общественного контроля.
12. Развитие международных отношений в здравоохранении и повышение роли России в мировом здравоохранении [2, с.92].

Без решения этих проблем невозможно построить новую систему ОМС. Развитие Национальной системы здравоохранения Российской Федерации - системы, объединяющей все медицинские службы и организации, независимо от формы регистрации и ведомственной принадлежности, и функционирующей в рамках единой нормативно-правовой базы (единые требования к качеству и доступ к медицинскому обслуживанию, квалификации медицинского персонала и т. д.) и единый государственный, экспертный и общественный контроль.

Поскольку Программа государственных гарантий включает в себя не только финансовые потоки ОМС, но и бюджетный процесс, важно понимать, что задачи, поставленные Правительством для российской системы здравоохранения, являются масштабными задачами, которые не полностью зависят от системы ОМС.

Предложения только в отношении условий контроля финансовых потоков, а не оценки «организации здравоохранения и контроля качества застрахованных» в целом в рамках компетенции не будут достаточными для решения стратегических задач здравоохранения реформа в РФ.

Что касается актуальности работы в таких условиях, более радикальной мерой будет наряду с финансовым контролем правительства ликвидация в качестве участников и окончательная передача этих функций страховщикам федерального обязательного медицинского страхования. Фонд или Территориальный фонд обязательного медицинского страхования.

Итак, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод.

Выводы Основные задачи Национальной системы здравоохранения Российской Федерации заключаются в следующем:

- Четкое определение типов, форм и условий медицинских услуг, охватываемых Программой государственных гарантий;
- уточнение условий бесплатной медицинской помощи гражданам, отдельным категориям граждан;
- завершение формирования трехуровневой системы здравоохранения в субъектах Российской Федерации с целью обеспечения качества и своевременности (доступности) медицинских услуг;
- Улучшение первичной медико-санитарной помощи с учетом приоритета широкомасштабной профилактики на основе как популяционных, так и специфических для пациента методов, с развитием телемедицины и мобильных форм предоставления медицинских услуг [3, с.178].

Медицинские страховые компании должны предоставлять свою информацию на основании опыта работы на территории с учетом территориальной специфики. Нет сомнений в том, что включение частных медицинских организаций в Программу государственных гарантий является положительной чертой российской системы ОМС, поскольку это способствует развитию конкурентной среды в сфере здравоохранения, что повышает качество медицинских услуг и доступ к ним.

Таким образом, в национальной системе здравоохранения сформирована нормативно-правовая база для перехода функционирования системы здравоохранения к единым правилам и стандартам независимо от формы хозяйствующего субъекта медицинских организаций. Есть ли место для частного страховщика в Национальной системе здравоохранения? Конечно, есть, но, по нашему мнению, только в системе ДМС, которую необходимо кардинально реформировать, создавая условия для ее развития. Надежды на «софинансирование» в системе ОМС населения, по нашему мнению, могут вызвать серьезное недовольство среди населения.

Эффективными, проверенными и признанными на международном уровне являются здоровьесберегающие технологии, основанные на:

- массовых обследований здоровья в рамках профилактического медицинского осмотра (выявление индивидуального интегрального риска неинфекционных заболеваний, раннее выявление сосудистых, онкологических и других заболеваний);
- последующее наблюдение за лицами, страдающими хроническими заболеваниями или имеющими высокий интегративный риск острых заболеваний;
- ранняя коррекция факторов риска и повышение приверженности населения лечению заболеваний на этапах максимальной излечимости;
- массовая иммунопрофилактика в рамках Национального графика вакцинации;
- скоординированное, последовательное и быстрое функционирование служб скорой медицинской помощи, служб скорой помощи и специализированных служб скорой медицинской помощи - в случае острой патологии;
- развитая специализированная медицинская помощь с увеличением доли высокотехнологичной медицинской помощи.

1. Басов, Н.Ф. «Социальная работа с различными группами населения» учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа» (квалификация бакалавр). М.: НОРМА-М. 2013. - 123 с.
2. Бахнов, М. С. «Закон о занятости в РФ» // Трудовое право. № 1,2. - 2003. - С. 92.
3. Комментарий к Закону РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (постатейный) / Бондарева Э.С., Шавин В.А., Чершинцева Е.А., Зенков М.Ю., Бирюкова Т.А., Богатырева Н.В., Слесарев С.А., Тишин Р.В. // СПС КонсультантПлюс. 2015.-178с.

Хаджимурадова Т.Х.

Правовые основы установления пособия по временной нетрудоспособности

*ФГБОУ ВО Чеченский государственный университет
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-257

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлено необходимостью изучения проблем нетрудоспособного населения.

Ключевые слова: занятость, безработица, нетрудоспособность.

Abstract

The relevance of the research topic is due to the need to study the problems of the disabled population.

Keywords: employment, unemployment, disability.

Исходя из положений норм, предусмотренных Конституции Российской Федерации, в частности ст. 39 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом [1, с.9].

Российское трудовое законодательство состоит из документов (законодательных актов), принятых на федеральном уровне (Российской Федерации (РФ)), и документов, принятых на местном уровне (субъекты Российской Федерации). Субъекты могут свободно определять определенные аспекты трудового законодательства в рамках своих полномочий. Однако общее трудовое законодательство в России достаточно централизовано и гармонизировано. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изменениями) (Трудовой кодекс) является основным документом, охватывающим трудовое законодательство в России. Субъекты РФ обычно принимают определенные правила, которые, например, регулируют условия оплаты для тех, кто работает в Северном или эквивалентных регионах, или вводят дополнительные выходные [8, с.124].

Согласно Трудовому кодексу, трудовой договор всегда должен быть в письменной форме. Устные соглашения не допускаются. Трудовой договор должен быть составлен в двух экземплярах, оба подписаны обеими сторонами, по одному оригиналу, который должен быть сохранен работодателем и работником. Получение работником копии трудового договора должно быть подтверждено подписью работника на копии трудового договора, хранящейся у работодателя.

Трудовой кодекс содержит минимальные требования к содержанию для любого трудового договора, в том числе: имена и реквизиты работника и работодателя; функция работы сотрудника и дата начала; место работы сотрудника; функция работы (например, должность в штатном расписании, род занятий, профессия, включая указание квалификации и конкретного вида работы, которую должен выполнять сотрудник); дата начала работы или, если заключен срочный договор, срок действия и основания для заключения срочного трудового договора; условия оплаты труда (включая ставку базового оклада (должностного оклада) работника, доплаты, надбавки и поощрения); рабочее время и свободное время; компенсация за трудную работу и работу с опасными материалами и / или работу в опасных условиях, если работник нанят для выполнения работы в таких условиях, включая указание характеристик условий труда на рабочем месте. Другие условия, содержащиеся в трудовом законодательстве и других нормативных правовых актах, содержащих положения трудового законодательства [11, с.78].

Российское трудовое законодательство устанавливает законодательно гарантированную минимальную месячную заработную плату неквалифицированному рабочему, работающему полный рабочий день и выполняющему простую работу при нормальных условиях труда. Минимальная месячная заработная плата (4 611 руб. с 1 июня 2011 г.) устанавливается на всей территории РФ и не должна быть меньше прожиточного минимума (Федеральный закон РФ от 1 июня 2011 г. № 106-ФЗ) [9, с.26].

Трудовой кодекс также предусматривает дополнительный оплачиваемый отпуск для работников:

- Работа во вредных или опасных условиях труда.
- Делать работу особого характера.
- Работаем на Севере или в аналогичных регионах. [13, с.87].

Работники имеют право на перерыв в случае болезни или травмы на весь период болезни, подтвержденный соответствующими медицинскими документами (например, справкой об отпуске по болезни).

С 2011 года работодатель оплачивает первые три дня выплаты по болезни за свой счет. После трехдневного периода Фонд социального страхования финансирует болезнь работника.

Чем отличается долгосрочное страхование по инвалидности? Долгосрочное страхование по инвалидности также предназначено для замещения части дохода работника, когда инвалидность мешает ему работать, но оно будет выплачивать пособия гораздо дольше, чем краткосрочный план по инвалидности. Длительное покрытие по инвалидности обычно не начинает выплачивать пособия до тех пор, пока вы не сможете работать по крайней мере месяц, а иногда и год или два. Большинство планов имеют период ожидания 3-26 недель. Но затем, как только преимущества начинаются, они сохраняются годами. В зависимости от выплат, они могут даже продолжаться, пока вы не достигнете пенсионного возраста.

Многие работники имеют как краткосрочное, так и долгосрочное страхование по нетрудоспособности, потому что оба продукта могут работать в тандеме, чтобы гарантировать, что у нетрудоспособного работника есть доступ к частичному замещению дохода практически на всю продолжительность инвалидности.

Долгосрочное покрытие по нетрудоспособности дороже, чем краткосрочное покрытие по нетрудоспособности, поскольку потенциальные выплаты намного больше, учитывая период времени, в течение которого человек может получать пособие.

С 2011 года оплата по болезни за периоды временной нетрудоспособности основана на средней заработной плате работника за предыдущие два года (вместо одного года, как было ранее). Размер оплаты за больничный, который может быть взыскан с штата, варьируется в зависимости от того, как долго работник работает:

Учитывая отсутствие эффективной системы выплаты пособий по временной нетрудоспособности, выявило другие существенные факторы, которые влияют на продолжительность периода безработицы в России. Оценки, основанные на модели длительности с дискретным временем для конкурирующих рисков, показывают, что женщины находят работу значительно дольше, чем женатые мужчины, прежде чем найти работу.

Это вызывает беспокойство по поводу возможности того, что замужние женщины могут стать непропорционально представлены среди длительно безработных в России. Лучше образованные люди не как представляется, быстрее находят работу, чем менее образованные, хотя и более образованные остаются безработным значительно дольше, прежде чем покинуть рабочую силу.

Женщины с детьми до трех лет, одинокие матери с детьми младше 14 лет (или дети-инвалиды до 18 лет) и одинокие отцы не могут быть уволены по инициативе работодателя, за исключением случаев:

- Ликвидация работодателя.
- Повторить неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей.
- Единственное грубое нарушение трудовых функций работника (отсутствие на рабочем месте более четырех часов подряд, появление на работе под воздействием алкоголя и т. д.).
- Раскрытие защищенной (конфиденциальной) информации и аналогичные действия [23, с.121].

В настоящее время существует два основных направления реформирования трудового законодательства. Деловое сообщество в лице членов Российского союза промышленников и предпринимателей подготовило значительные поправки в Трудовой кодекс с целью сделать его более современным и ориентированным на бизнес.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем такое определение пособия по временной нетрудоспособности: денежная выплата, реализовываемая в страховом

случае, то есть наступления у лица состояния временной нетрудоспособности ввиду временной болезни или временных жизненных обстоятельств, признанные законодателем уважительными, чтобы компенсировать лицу утраченный заработок.

1. Конституция Российской Федерации 1993г. (в последней ред. от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. - №.31. - Ст. 4398.
2. 60 Трудовое право: Учебник. Под ред. О.В. Смирнова. М.: Проспект, 2017. -374с.
3. Галаганов В.П. Право социального обеспечения: учебник / В.П. Галаганов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: КНОРУС, 2014. - 512 с.
4. Виноградова З.Д. Круг лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию по временной нетрудоспособности // Трудовое право, 2006, №3. - С.98-105.
5. Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России. М.: БЕК, 2001. - 156с.
6. Холостова Е.И. Социальная политика и социальная работа: учебное пособие / Е.И. Холостова. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. - 208 с.

Хапаев А.-З.Г.

Объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении

*Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-258

Аннотация

В статье называются объективные и субъективные признаки соучастия. Проводится анализ всех признаков соучастия. Делается вывод о том, что для соучастия свойственны такие признаки, как: участие двух и более лиц в преступлении, совместная деятельность лиц, единый преступный результат, прямой умысел каждого участника по отношению к совершаемому преступлению, взаимная осведомленность о совместной преступной деятельности.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, соучастие, множественность лиц, совместность действий, прямой умысел.

Abstract

The article lists the objective and subjective signs of complicity. All signs of complicity are analyzed. It is concluded that complicity is characterized by such characteristics as: participation of two or more persons in a crime, joint activity of persons, a single criminal result, direct intent of each participant in relation to the crime being committed, mutual awareness of joint criminal activity.

Key words: criminal law, crime, complicity, plurality of persons, joint actions, direct intent.

Институт соучастия является одним из самых сложных в теории уголовного права. До сих пор в научном мире не утихают дискуссии о том, что следует считать соучастием в преступлении. Ученые предлагают свои интерпретации этого определения, пытаясь наиболее полно отразить суть этого явления, однако, несмотря на все их усилия, вопросов все равно пока больше, чем ответов.

П.И. Гришаев и Г.А. Кригер определили соучастие как «определенную форму совершения преступления, имеющая определенные признаки: объективные и субъективные. Благодаря этим признакам можно определить, какие особенности характерны для института соучастия, и отличить его от других подобных ему институтов» [1, с.12].

Но прежде чем анализировать признаки соучастия, необходимо разобраться, что такое «признак». Согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова признак – это «показатель, примета, знак, по которому можно что-то узнать, определить» [2, с. 590]. Толковый словарь Д.Н. Ушакова определяет признак как «ту сторону в объекте или явлении, по которой его можно распознать, определить или описать, которая служит его приметой, знаком» [3, с. 367]. Таким образом, признак – это отличительная примета, свойство, характеристика объекта или явления, по которому он отличается от других, определяется и распознается.

Законодательное определение соучастия дано в ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой: «соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» [4]. Из данного определения следует, что соучастие обладает объективными и субъективными признаками (причем это признается большинством ученых):

К объективным признакам относятся участие двух и более лиц в совершении преступления и совместная деятельность лиц, направленная на совершение общего, единого преступления для всех соучастников.

Субъективные признаки выражаются в том, что соучастие образуют только умышленные действия, и соучастие возможно только в умышленных преступлениях.

Объективные признаки соучастия условно можно разделить на качественные и количественные признаки. Количественный признак предполагает наличие двух или более субъектов в совершении преступления. При этом эти лица должны быть вменяемыми (ст. 19 УК РФ) и достигшими возраста уголовной ответственности (ст. 21 УК РФ). Это правило в полной мере распространяется и на преступления со специальным субъектом. Однако исполнителем (соучастником) в таких преступлениях может быть только лицо, отвечающее характеристикам специального субъекта. Иные лица могут быть только организаторами, подстрекателями или пособниками преступления со специальным субъектом. Следовательно, отечественная доктрина уголовного права почти единогласно исходит из того, что по крайней мере двое соучастников должны иметь характеристики субъекта преступления, то есть они должны достичь возраста уголовной ответственности и быть вменяемыми. Судебная практика также придерживается этой концепции, но время от времени излагает иную позицию. Так, Президиум Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении конкретного уголовного дела признал обоснованной квалификацию убийства группой лиц по предварительному сговору в ситуации, когда один из соучастников преступления был признан невменяемым [5].

Качественным признаком соучастия являются совместные действия участников преступления, при этом действия одного из них создают условия для действий другого или других, если лиц несколько. До сих пор в науке уголовного права и правоприменительной практики не разработаны критерии и содержание совместности. Совместность в большинстве случаев относят к объективным признакам соучастия, однако встречаются мнения об отнесении ее к объективно-субъективным признакам [6, с. 125].

По мнению В.М. Лебедева «совместность – это признак, позволяющий отличить соучастие от ситуаций, когда действия нескольких лиц, приводящие к одному преступному результату, не образуют соучастия (кто-то выбил дверь квартиры, услышав шаги на лестнице, убежал, и последовавший за ним гражданин вошел в открытую квартиру и похитил оттуда ценные вещи)» [7, с. 75].

Еще одной характерной чертой объективных признаков соучастия выступает единый преступный результат, т.е. общие действия всех участников преступного деяния должны привести к наступлению общественно опасного, общего для всех последствия. Общность преступного результата в совершении преступления с

соучастием возникает в результате объединения усилий соучастников, направленных на достижение общей цели. Установление причинно-следственной связи между совместными действиями всех соучастников и общим преступным результатом, а не между действием каждого из соучастников и этим результатом, связано с тем, что одно преступление совершено соучастием.

Причинно-следственная связь - это реальная связь между общими действиями всех участников преступления и единым преступным результатом. Ее особенность заключается в том, что судом устанавливается объективная связь не только между действиями виновного и общественно опасными последствиями, как в преступлении, совершенном одним лицом, но и между действиями подстрекателя, организатора или пособника, которые действовали вне рамок признаков состава преступления (не выполняли объективную сторону преступления), с одной стороны, и действий исполнителя, с другой. Суд должен установить, что действия (бездействия) каждого участника преступного деяния предшествовали по времени действиям исполнителя, являлись условием и вкладом в общие усилия по достижению общественно опасных последствий. Взятые по отдельности, действия каждого из соучастников не могут привести к преступному результату; это может быть достигнуто только совместными усилиями всех лиц, причастных к совершению преступного деяния. Преступный результат как общественно опасное последствие - единственное и естественное последствие действий всех соучастников. Совместность причинения такого результата не означает равных усилий всех соучастников. Они могут различаться по характеру фактического участия в совершении преступления, по степени общественной опасности совершаемых действий, по роли этих действий в достижении цели преступления, которая учитывается судом как при квалификации преступления, так и при назначении наказания.

Отличительной чертой субъективных признаков соучастия является умышленная вина. Если преступление было совершено по неосторожности, то никакого соучастия не может быть [8, с. 154].

Согласно статье 25 УК РФ деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом, признается преступлением, совершенным умышленно. Для соучастия, как правило, характерен прямой умысел, так как лицо умышленно совершило ряд противоправных действий, которые в конечном итоге привели к общественно опасным последствиям, осознавало характер своих действий (бездействий) и предвидело преступный результат. Волевой элемент характеризуется стремлением к его возникновению.

Некоторые ученые говорят, что в действиях соучастников также может иметь место косвенный умысел, утверждая, что «им безразличен преступный результат преступления, совершенного непосредственным исполнителем» [9, с. 19]. Представляется, что такая позиция ошибочна. Любое преступление, совершенное совместно, с самого начала предполагает только прямой умысел всех соучастников. Единственное, что может различаться, - это мотив.

Субъективные признаки института соучастия также можно охарактеризовать тем, что соучастники взаимно осведомлены о совместном совершении преступления.

Таким образом, соучастие характеризуется рядом объективных и субъективных признаков: участие двух и более лиц в преступлении, совместная деятельность лиц, единый преступный результат, прямой умысел каждого участника по отношению к совершаемому преступлению, взаимная осведомленность о совместной преступной деятельности.

1. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. - М.: Госюриздат, 1959.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1992.

3. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
5. Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2010 г. № 81-д10-11 // СПС «Консультант Плюс»
6. Наумов С.Н. Совместность участия как оценочный признак соучастия в преступлении // Общество и право. 2009. №3 (25).
7. Комментарий к УК РФ / Под общей редакцией В.М. Лебедева. - М., 2013.
8. Петрушенков А.Н. Научная обоснованность признаков соучастия в преступлении и их практическая реализуемость в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №1(29).
9. Макарова Т.Г. Виды соучастников в уголовном праве. - СПб, 2004.

Цуканов С.С.

**Правовые основы избирательной системы РСФСР и их реализация на территории
Дальнего Востока России (1923-1926 гг.)**

*Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия
(Россия, Хабаровск)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-259

Аннотация

Завершение на материковой части Дальневосточного региона гражданской войны и военной интервенции поставило перед центральными органами власти и Дальневосточным революционным комитетом задачу формирования вертикали советских органов власти. Представленная статья освещает нормативное регулирование и ход избирательной кампании в регионе.

Ключевые слова. РСФСР, Дальний Восток, избирательное право, советские органы власти.

Abstract

The completion of the civil war and military intervention on the mainland of the Far Eastern region set the central authorities and the Far Eastern Revolutionary Committee with the task of forming a vertical of the Soviet authorities. The presented article covers the regulatory regulation and the course of the election campaign in the region.

Key words. RSFSR, Far East, suffrage, Soviet authorities.

Освобождение территории Дальневосточной Республики (ДВР) от интервентов и белогвардейцев произошло 25 октября 1922 г., когда войска Народно-революционной армии (НРА) заняли Владивосток.

Но окончание боевых действий на фронтах Гражданской войны далеко не означало разрешения всех внешних и внутренних конфликтов в советском обществе. Охватившие не только Дальний Восток, но и всю страну кризисные явления, проявившиеся в забастовочном движении рабочих, в снижении доверия крестьян к проводимой Советской властью и большевистской партией политике на селе, а также в открытых вооруженных выступлениях белогвардейцев. Особую остроту эти выступления приняли на Дальнем Востоке, где на соседней территории Китая, после поражения в Гражданской войне находились большое количество белоэмигрантов, выступавших против советской власти. Трудности восстановления народного хозяйства на Дальнем Востоке усиливались тем, что одновременно надо было создавать советские органы власти, бороться с последствиями интервенции, отбивать попытки иностранных государств, которые стремились затормозить и сорвать укрепление Советской власти в регионе.

Дальневосточный революционный комитет, являлся чрезвычайным органом власти в регионе. Ему предстояло создать на местах избранные на основе Конституции

РСФСР 1925 г. органы государственной власти и приобщить население края к новой жизни и начать восстановление народного хозяйства. Земства и сельские комитеты на местах были заменены волостными и сельскими ревкомом. Главной задачей ревкомов была подготовка перехода от органов власти, создаваемых по принципу назначения, к выборным Советам.

В период с октября 1922 г. до марта 1923 г. в регионе была образована единая система советских органов. Для работы в ревкомы партийные организации направляли наиболее опытных и проверенных коммунистов. В состав ревкомов входили секретари губревкома и укомов партии, а председатели ревкомов являлись членами партийных комитетов. Губернские и уездные партийные комитеты подбирали руководящий состав уездных и волостных ревкомов.

ЦК РКП (б) своим циркуляром от 1 декабря 1922 г. рекомендовал всем образованным на Дальнем Востоке губревкомам использовать предстоящий зимний период для работы среди крестьян. Среди ключевых задач выделялись:

- усиление влияния партии в деревне;
- популяризация и проведение в жизнь Земельного кодекса РСФСР;
- поднятие дееспособности и авторитета сельских коммунистических ячеек;
- сроднение трудового крестьянства с Советской властью.

Следует отметить, что ревкомы на Дальнем Востоке создавались планомерно, и система организации аппарата управления проходила сверху вниз, т.е. вначале образовывались вышестоящие органы, которые организовали низовой аппарат управления. Создание сети ревкомов на Дальнем Востоке проходило строго централизованным порядком. Дальревком и Дальбюро ЦК РКП (б) боролись с кустарничеством и самостийностью при создании органов власти, т.к. на местах было необходимо создать однотипный аппарат с определенными сферами деятельности. Дальбюро ЦК РКП (б) и Дальревком в своей работе учитывали опыт ДВР, где административные органы на местах зачастую носили неформальный характер с крайней разнородностью структуры и форм. Дальбюро ЦК РКП (б) указывало всем губревкомам РКП (б) «на недопустимость проявления самостийности в государственном строительстве без надлежащих инструкций центра. Неправильные мероприятия затрудняли работу центра, поэтому проявление самостийности Дальбюро рассматривает как нарушение партийной дисциплины». Таким образом, принцип назначения, которым руководствовались при создании ревкомов, обеспечивал централизацию, строгий порядок образования всей системы государственного аппарата на Дальнем Востоке.

Подготовка к выборам в Советы началась в январе 1923 г. По указанию ЦК партии Дальбюро ЦК РКП (б) создало в деревне группы содействия Советской власти. Дальревкому было поручено собрать материал об организации советских аппаратов на местах. 3 марта 1923 г. была образована Центральная избирательная комиссия по выборам в Советы. В состав комиссии входили: от Дальбюро – Н.М. Матвеев, от ДВСПС – К.И. Кнопинский, от 5 Красной Армии – В.А. Смирнов, от общего отдела управления Дальревкома – И.Б. Кацва.

Подводя итоги выборов необходимо отметить, что Советский аппарат Дальнего Востока, в особенности волостной, после перевыборов 1924 г., укрупнения волостей и усиления его новыми работниками значительно окреп. Городские советы в большинстве созывались только на торжественные заседания, но в Чите, Благовещенске, Владивостоке и Хабаровске интенсивную работу вели секции горсоветов. Из недостатков работы советских органов необходимо отметить наличие на тот момент «еще не изжитого в некоторых местах налоготворчества низового состава партийного аппарата». Для пополнения низового аппарата опытными работниками

Амурским и Приморским губисполкомами организовывались курсы административно-хозяйственных работников деревни.

Затем были созданы избирательные комиссии на местах - в губерниях, уездах и волостях. По ходатайству Дальревкома ВЦИК, учтя особые условия Дальневосточной области, снизил по ней нормы представительства по выборам в Советы. 25 августа 1924 г. началась вторая кампания по выборам в Советы, которая проходила под лозунгом укрепления союза рабочего класса с крестьянством и оживления работы Советов.

Предвыборная кампания 1925 г. совпала с важным событием. В феврале 1924 г. был проведен съезд по районированию Восточной Сибири, а в 1925 г. на основе суммированного экономического описания округов разработано положение по административному делению. Начатое Дальревкомом районирование Дальневосточной области было вызвано необходимостью приблизить к местам и создания более работоспособных органов Советской власти.

Был образован Дальневосточный край, в который вошло 9 округов (75 районов). Губернии и уезды в начале 1926 г. были упразднены.

Таким образом, выборы 1925 г. проходили уже в новых границах округов и районов. Большое внимание было обращено на ход сельскохозяйственной компании. Уже в марте 1925 г. Дальревком отмечал, что в Забайкалье было вполне удовлетворительное состояние по сбору налога. Однако имелось слабое поступление по Амурскому и Приморскому районам. Вместе с тем, Дальневосточный революционный комитет констатировал, что в значительной степени, точка тяжести советского строительства в 1924 г. была перенесена в деревню. Перевыборы советов, хотя и выявили увеличение активности крестьянства, но в большей части сельсоветов не дали полностью ожидаемого числа участвовавших в выборах. Москва установила, что «работу по советскому строительству в деревне на ближайшее время проводить, имея главной задачей всемерное оживление работы сельсоветов и волысполкомов и укрепление их авторитета среди местного населения. Причем, всеми руководящими органами должно быть обращено внимание, чтобы сельсоветы и волысполкому в своей работе были бы не только органами управления, но, одновременно и органами проявления широкой самодеятельности крестьянских масс».

В январе 1926 г. прошли районные и окружные съезды Советов, а в марте в Хабаровске состоялся первый краевой съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Съезд заслушал отчет Дальревкома о советском строительстве в крае с момента перехода власти от ДВР к Советам. Съезд единодушно одобрил деятельность Дальревкома и избрал на основе Конституции РСФСР 1925 г. Дальневосточный краевой исполнительный комитет. Дальревком закончил работу и передал свои функции вновь избранному Далькрайисполкому.

Таким образом, на Дальнем Востоке путь к Советам лежал через демократический «буфер» (ДВР), который потребовал от ЦК РКП (б) тактики лавирования, обусловленной интервенцией и сложной международной обстановкой. Создание системы ревкомов на территории бывшей Дальневосточной республики подготовило базы для установления Советской системы управления. Переход от органов управления ДВР к ревкомам был проведен постепенно. Он не нарушил повседневной деятельности органов власти. К марту 1923 г. Дальневосточное Бюро ЦК РКП (б) и Дальревком, руководимые ЦК РКП (б) и Выбранным Советским правительством, провели ряд мер по формированию органов управления народным хозяйством, реформированию промышленного сектора и введению советского законодательства.

1. Кулешов, Д.С. Роль органов государственной безопасности в процессе советизации Дальнего Востока: к постановке проблемы / Д.С. Кулешов // Общество : философия, история, культура. – 2016. – № 4. – С. 84-86.

2. Орнацкая, Т.А. Общая теория права: учебно-методическое пособие / Т.А. Орнацкая. – Хабаровск: ХПИ ФСБ России, 2016. – 115 с.
3. Орнацкая, Т.А., Ципкин, Ю.Н. Борьба Советской России и Дальневосточной республики за ликвидацию интервенции на Северном Сахалине в 1920-1925 гг. / Т.А. Орнацкая, Ю.Н. Ципкин // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 2. – С. 138-152.
4. Орнацкая, Т.А., Цуканов, С.С. Дальневосточный революционный комитет: цели, задачи, структура / Т.А. Орнацкая, С.С. Цуканов // История государства и права. – 2010. – № 3. – С. 31-35.
5. Цуканов, С.С. Вклад Дальневосточного революционного комитета в развитие региона (1922-1926 гг.) / С.С. Цуканов – Хабаровск, 2017.
6. Цуканов, С.С. Военная реформа 1924-1925 гг. глазами японского разведчика / С.С. Цуканов // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 4. – С. 29-37.
7. Цуканов, С.С. Реорганизация органов государственной безопасности СССР в первые месяцы Великой Отечественной войны / С.С. Цуканов // Общество : философия, история, культура. – 2018. – № 1. – С. 99-102.
8. Шабельникова, Н.А. Милиция в системе охраны правопорядка на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. / Н.А. Шабельникова. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2019. – 126 с.
9. Шабельникова, Н.А., Шепотько, Л.В., Усов, А.В. История государства и права России / Н.А. Шабельникова, Л.В. Шепотько, А.В. Усов. – М.: Проспект, 2017. – 240 с.

Чимаров Н.С.

Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан в условиях реализации технологии регистрации по биометрическим показателям: на примере зарубежного опыта

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-260

Аннотация

В статье представлен анализ национальной модели новой технологии голосования посредством задействования биометрических показателей избирателей в Кыргызской Республике. Выявляя отдельные стороны нормативно-правового закрепления данной технологии, автор акцентирует внимание на ее потенциале, в части соответствия духу национального конституционализма и укреплению доверия населения к электоральным процедурам инновационного характера.

Ключевые слова: избирательные права граждан, конституционализм, новые технологии голосования, избирательный процесс, выборы, биометрические данные.

Abstract

The article presents an analysis of the national model of a new voting technology through the use of biometric indicators of voters in the Kyrgyz Republic. Identifying certain aspects of the normative and legal consolidation of this technology, the author focuses on its potential, in terms of compliance with the spirit of national constitutionalism and strengthening public confidence in electoral procedures of an innovative nature.

Keywords: electoral rights of citizens, constitutionalism, new voting technologies, electoral process, elections, biometric data.

Конституционные гарантии основных прав человека и примат верховенства права выступают основой развития конституционализма в странах с развивающейся демократией. В этой связи, представляется важным исследование демократических преобразований в избирательных системах отдельных стран с отмеченным выше уровнем развития демократии. Универсальный характер правовых избирательных стандартов новых технологий голосования способствует динамичному развитию различных избирательных систем. С учетом изложенного, мы считаем необходимым наиболее подробно исследовать опыт реализации некоторых электоральных процедур в

соответствии с правовыми избирательными стандартами новых технологий голосования на примере избирательного процесса в Кыргызской Республике (далее – КР). В указанном государстве правовая модель технического переоснащения избирательного процесса впервые была закреплена в Кодексе от 29 мая 1999 г. № 39 «О выборах в Кыргызской Республике». В соответствии с правовыми нормами пункта 4 ст. 24 и ст. 49 данного Кодекса, инновационный аспект избирательных правоотношений, связанных с подготовкой и проведением выборов Президента, депутатов Парламента (Жагорку Кенеша) и местных кенешей был обусловлен применением автоматизированной информационной системы (АИС) «Шайлоо» (от кырг. «Выборы») [3]. Первое применение АИС «Шайлоо» было осуществлено 20 февраля 2000 г. во время первого тура выборов в обе палаты Жагорку Кенеша (от кырг. «Верховный Совет»). С учетом современных достижений IT-технологий, технические возможности АИС «Шайлоо» предусматривали решение задач учета избирательского корпуса, регистрации кандидатов, подготовки данных для проведения процедуры голосования, ускорения процесса обработки итогов голосования и их наглядного отображения в виде таблиц и диаграмм.

Разработанная российскими специалистами модель применения АИС «Шайлоо» позволила КР получить среди государств Центральной Азии первый опыт публичного представления хода и итогов голосования в сети Интернет на специальном созданном сервере ЦИК Республики.

В 2014 г. в Кыргызстане была завершена работа по подготовке программного документа «Автоматизации процесса идентификации избирателей в ходе избирательного цикла 2015-2017 гг.» [6]. Отмеченный документ разработан по Программе ООН KESP-II («Kyrgyz Election Support Project»), с участием Агентства Японии по международному сотрудничеству («JICA») [9]. Реализация в рамках проекта KESP-II технологии электронной системы идентификации избирателей («ЭСИИ») предполагала строгое следование правовому избирательному стандарту прозрачности выборов. Идеология электронной идентификации избирателей получила закрепление в пункте 2 (подпункт 2 - «составление актуализированного списка избирателей») ст. 2 Закона КР от 14 июля 2014 г. № 136, регламентирующего правомерность создания базы данных граждан КР на основе их биометрических данных (цифрового графического изображения лица, графического строения папиллярных узоров пальцев обеих рук, собственноручной подписи) и персональных данных, включая PIN гражданина [2].

Первое применение в национальном масштабе кыргызской модели биометрической регистрации произошло 20 октября 2014 г. При этом, для проживающих за рубежом кыргызстанских граждан регистрация параметров их биометрии проводилась на опорных пунктах при посольствах Республики. К примеру, пункт сбора биометрических данных при посольстве в Берлине позволил пройти регистрацию избирателям, проживающим на территории не только Германии, но и ряда других европейских стран. Вместе с тем, новая технология учета биометрических данных избирателей выявила свои недостатки. По результатам проведенного гражданскими активистами исследования среди электората Баткенской области КР было установлено, что менее чем за месяц до официальной даты проведения выборов 4 октября 2015 г. около 76% граждан области, потенциально входящих в состав избирательского корпуса, не обнаружили себя в списках национального биометрического Регистра. В целом же по Республике число таких граждан по данным партии «Бир бол» составило от 15 до 20% [7]. Представляется, что фактор невключения избирателей в биометрический Регистр объясним не только с точки зрения возникших проблем в механизме регистрации граждан, но и по причине нахождения отдельных из них на позициях абсентеизма, и, как следствие, уклонения ими от прохождения процедуры биометрической регистрации. Несмотря на выявленные недостатки, следует признать, что апробированная в РК национальная модель парламентских выборов 2015

г. продемонстрировала инновационный характер, суть которого заключается в использовании биометрических данных избирателей и автоматического подсчета голосов избирателей посредством автоматически считывающих урн голосования (электронных урн).

В соответствии с поправками в Закон «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» (в редакции конституционного Закона Кыргызской Республики № 88 от 23 апреля 2015 г.) из перечня документов, удостоверяющих личность избирателя исключены удостоверение офицера (прапорщика), военный билет военнослужащего (проходящего службу по призыву), пенсионное и водительское удостоверение. Основными документами, идентифицирующими избирателя, являются паспорт - «ID-card» и общегражданский паспорт. Кроме того, исключена правовая норма об обязательной маркировке избирателей специальным составом. Важно заметить, что идентификация избирателя по его биометрическим и персональным данным осуществляется в помещении для голосования членами участковых избирательных комиссий совместно с операторами, а для идентификации избирателя по его биометрическим и персональным данным согласие избирателя не требуется. После прохождения избирателем процедуры идентификации и получения соответствующего чека, член избирательной комиссии выдает избирателю бюллетень для голосования (в обмен на чек).

Биометрическая регистрация граждан Кыргызстана создается с целью формирования актуализированной базы граждан Кыргызской Республики и в интересах составления актуализированного списка избирателей. При этом сбору, обработке, хранению и использованию в обязательном порядке подлежат следующие биометрические данные: 1) цифровое графическое изображение лица; 2) графическое строение папиллярных узоров пальцев обеих рук; 3) собственноручная подпись. По убеждению председателя Государственной регистрационной службы Кыргызстана А. Шаиковой, полная биометрическая регистрация граждан страны позволит реализовать принцип «один человек - один паспорт - один ПИН», а в избирательном процессе принцип «один человек - один паспорт - один ПИН - один голос» [1].

В интересах технологического обеспечения транспарентности парламентских выборов, ЦИК Кыргызстана организовала ярмарку современного биометрического и электорального оборудования и программных систем. Проанализировав электоральные возможности соответствующей продукции различных компаний из Европы, США, Израиля, России, Японии и Кореи, специально созданная рабочая группа из представителей госсектора и НПО остановила свой выбор на биометрике Японии. В соответствии с заключенным грантовым соглашением японская сторона в интересах Государственной регистрационной системы и ЦИК Кыргызстана поставила в Республику на сумму 6 млн. долларов комплект «из трех тысяч ноутбуков, трех тысяч сканеров отпечатков пальцев, трех тысяч термопринтеров, 2,5 тысячи настенных мониторов и др.» [5]. Каждый избирательный участок в Кыргызской Республике к моменту парламентских выборов (2015 г.) был оборудован камерами видеонаблюдения, ноутбуками, техникой для считывания ID-карт, отпечатков пальцев и автоматически считывающими урнами (основными и запасными). Правовая основа применения в избирательном процессе автоматически считывающих голоса избирателей урн закреплена в Законе № 68 от 2 июля 2011 г. (ст. 31, 34) [4]. Сам алгоритм Кыргызской модели инновационного голосования выглядит следующим образом: а) определение на избирательном участке биометрических данных избирателя с одновременным отражением на мониторе его паспортных данных; б) получение избирателем бюллетеня с последующим его пропуском через сканирующее устройство автоматически считывающей урны; в) выдача автоматической урной после окончания выборов готового протокола о количестве поданных бюллетеней (с последующей его подписью членами избирательной комиссии и ознакомлением наблюдателей). Таким образом, национальная модель КР в части реализации избирательных прав граждан

продемонстрировала стремление государства к обеспечению транспарентности избирательного процесса и повышение уровня электоральной активности граждан по реализации своих избирательных прав. По нашему мнению, отмеченный подход к организации выборов корреспондирует духу конституционализма, выступающего в качестве общего политико-правового символа, согласно которому в обществе действует гарантия предотвращения произвола по отношению к соблюдению конституционно зафиксированных прав и свобод [8, с.29].

Резюмируя изложенное, следует заметить, что: *во-первых*, модернизация современного избирательного процесса выступает неизменным фактором упрочнения демократизма национальной избирательной системы и ее соответствия вектору развития информационного общества; *во-вторых*, рассмотренная технология регистрации избирателей по их биометрическим показателям несомненно способствует повышению уровня доверия граждан к проводимым выборам и содействует повышению легитимности формируемых по итогам проведенных выборов представительных органов власти.

1. Ащеулов Д. Выборы – 2015: внедряем инновации. – URL: <http://www.slovo.kg?p=33282> (дата обращения: 03.03.2021)
2. Закон КР от 14 июля 2014 г. № 136 «О биометрической регистрации граждан Кыргызской Республики» от 14 июля 2014 года // Эркин Тоо, 18 июля 2014 г. – № 56.
3. Кодекс Кыргызской Республики от 29 мая 1999 г. № 39 «О выборах в Кыргызской Республике» // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. – 1999 г. – № 9. – Ст. 436.
4. Конституционный Закон Кыргызской Республики от 2 июня 2011 г. № 68 «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики». – URL: <http://www.grs.gov.kg/tu> (дата обращения: 05.03.2021)
5. Подольская Д. Кыргызстану поможет с биометрикой Япония. – URL: <http://www.24.kg/vyboory> (дата обращения: 04.03.2021)
6. Свободные, честные и прозрачные выборы – вклад в устойчивое развитие Кыргызстана. – URL: <http://www.kg.undp.org/content/kyrgyzstan/ru/home/presscenter/articles/2015/08/12/-0.html> (дата обращения: 09.03.2021)
7. Токсонбаев А. 76% избирателей Баткенской области не находят себя в избирательном списке. – URL: http://www.gezitter.org/vyboory/43704_76_izbirateley_batkenskoy_oblasti_ne_nahodyat_sebya_v_izbiratelnom_spiske (дата обращения: 27.02.2021)
8. Чимаров Н.С. Сравнительный анализ проблемы определения конституционализма в отечественной и зарубежной юриспруденции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 4 (49). – С. 26-30.
9. Kyrgyz Election Support Project (KESP II). UNDP. – URL: https://info.undp.org/docs/pdc/Documents/KGZ/Review%20ProDoc_Grant_Kyrgyz_Election_29Jan2015_JICA_20.03.15.docx (дата обращения: 05.03.2021)

Шамне А.Н.

Влияние причин миграции на миграционно-правовую политику государства

*Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-261

Аннотация

В статье на примере Германии рассматривается феномен миграции с точки зрения типологии, выделяются причины миграции в качестве значимого дифференцирующего признака. В рамках причин разграничиваются факторы выталкивания и притяжения. Характеризуется современная миграционная ситуация Германии. Делается вывод о необходимости законодательной регламентации процесса интеграции мигрантов.

Ключевые слова: миграция, виды миграции, причины миграции, факторы выталкивания и притяжения, миграционная политика

Abstract

The article considers the phenomenon of migration, using the example of Germany, from the perspective of typology and highlights the causes of migration as a significant differentiating feature. Within the framework of causes, push and pull factors are distinguished. The current migration situation in Germany is characterized. The conclusion is made about the need for legislative regulation of the process of migrants' integration.

Keywords: migration, types of migration, causes of migration, push and pull factors, migration policy

Миграция известна человечеству уже очень давно. В разные периоды истории все страны так или иначе сталкивались с данным явлением. Однако в современный период развития общества миграция приобрела глобальные масштабы. С точки зрения различных наук, занимающихся изучением явления миграции, в их центре внимания находится прежде всего внешняя или международная миграция, которая обычно трактуется как физическое перемещение из одного места в другое, а также некий социально-правовой процесс, включающий переход человека из-под юрисдикции одного государства под юрисдикцию другого [1].

Если обратиться к Европе, то одной из самых востребованных стран с точки зрения миграции является Германия, которая к настоящему времени накопила огромный теоретический и практический опыт в сфере регулирования миграционных процессов.

Первоначально понятие миграции в Германии было связано исключительно с такой категорией, как *гастарбайтеры*. Однако на сегодняшний момент основные миграционные потоки – это беженцы. И хотя Германия сохраняет национальное единство культуры и языка, картина народонаселения постоянно изменяется с ростом числа мигрантов.

В немецком правовом дискурсе различаются понятия "мигрант" и "иностранец". Иностранец – это так называемый "невнутристанец", т.е. это все иностранные граждане и лица без гражданства. Понятие "мигрант", помимо иностранцев, включает также немцев с миграционным прошлым (либо их детей), которые "переместились" (пусть даже и когда-то) из чужой культуры и уже получили гражданство Германии, т.е. миграция завершилась, но миграционное прошлое осталось. Данная категория мигрантов обозначается также как немцы с миграционным фоном [2].

Классификация типов (видов) миграции проводится в научной литературе на основе различных признаков; данные типологии преследуют, как правило, цель охарактеризовать различные миграционные потоки для дальнейшего соответствующего регулирования каждого типа (вида) миграции [3]. Охарактеризуем кратко выделяемые в немецкой юридической литературе типологии миграции.

В качестве дифференцирующих признаков устанавливаются: пространство, время, причина, правовой статус, квалификация лица, масштаб:

- с точки зрения *пространства* миграция разделяется на внутренние перемещения и внешние (международные) перемещения;
- с точки зрения *времени* выделяются временную миграция и продолжительную (длительную миграцию);
- с точки зрения *причины*: добровольная / вынужденная миграция (в самом общем виде);
- с точки зрения *правового статуса*: легальная / нелегальная миграция;
- с точки зрения квалификации лица: высококвалифицированные мигранты / квалифицированные / неквалифицированные;
- с точки зрения масштаба: индивидуальные мигранты (преимущественно высококвалифицированные) / групповые мигранты (преимущественно квалифицированные) / массовые мигранты (преимущественно неквалифицированные).

Наиболее значимым признаком в рамках названных является причина, поскольку именно она определяет, как дальше будет развиваться вхождение мигранта в принимающее общество. Добровольность и вынужденность выступают в данном случае как самые общие факторы миграции. На самом деле миграционные перемещения людей вызваны множеством связанных причин и ограничений. Основными международными факторами являются так называемые структурные условия, которые определяют весь мир в целом, то есть различия в развитии и доходах между странами с высокой и низкой заработной платой, политические и этнические конфликты или экологические изменения. Помимо этого, следует выделить такие факторы, как растущая глобализация экономики и увеличивающийся международный обмен товарами и услугами. Для последних лет рост миграции в промышленно развитые страны, а также в политически стабильные, экономически процветающие развивающиеся страны стал весьма характерным.

В исследованиях по миграции разграничивают факторы выталкивания и притяжения в отношении причин миграции, однако они часто настолько тесно взаимосвязаны, что дифференцировать их может быть затруднительно [4]. Объективные факторы – такие, как война или диктатура, могут смешиваться с субъективными представлениями о собственной жизни – такими, как страх преследований, или негативно воспринимаемые жизненные перспективы. Факторы выталкивания, таким образом, представляют собой определенные условия в местах исхода, которые могут восприниматься как угрожающие или невыносимые, но при этом они являются не результатом собственных мотивов или решений, а результатом давления на будущих мигрантов. Что касается факторов притяжения, то они возникают в определенных регионах, которые предлагают работу, высокий уровень жизни, безопасность, что является привлекательным для граждан из ряда стран. Индивидуальное решение о миграции обычно является результатом процесса принятия решения, в котором объединяются различные миграционные мотивы, на которые, в свою очередь, влияет большое количество взаимодействующих факторов выталкивания и притяжения.

Если говорить о миграционной ситуации, сложившейся в настоящее время в Германии, то здесь, безусловно, мы можем наблюдать взаимодействие факторов выталкивания и притяжения, причем зачастую факторы притяжения перевешивают. Именно поэтому Германию пять лет назад буквально захватил поток беженцев из Сирии и североафриканских районов (кризис беженцев 2015 г.). Одной из основных причин миграции была проводимая на тот момент государством политика "Willkommenskultur" (культура "добропожалования", *перевод наци*). Данная политика и привела к тому, что миграционные процессы стали тяжелым испытанием для страны.

В 2019 году в Германии количество преступлений на почве ненависти выросло до 8 585 (для сравнения: в 2018 г. – 8 113 случаев). Об этом свидетельствуют статистические данные о так называемых политически мотивированных преступлениях (нем.: РМК), опубликованные в мае Федеральным управлением уголовной полиции (нем.: ВКА). ВКА считает, что преступления на почве ненависти мотивированы групповыми предрассудками. Сюда входят преступления на почве расизма, антисемитизма и исламофобии; регистрируются также преступления, которые классифицируются как «антинемецкие». Статистика РМК также отдельно выделяет так называемые «ксенофобские» преступления в 2019 г.: против вообще чужих – 7 909 и против иностранцев (мигрантов) – 3703. По сравнению с 2018 годом количество расистских преступлений (2019 год – 2078) увеличилось примерно на 20,5 %. По преступлениям на почве антисемитизма (2032) рост составил 13,0 %, а по преступлениям на исламофобской почве (950) – 4,4 %. В целом количество политически мотивированных преступлений выросло на 14,2 процента до 41 177 преступлений по сравнению с 2018 годом. Представляя цифры, федеральный министр внутренних дел Хорст Зеehoфер подчеркнул, что правый экстремизм по-прежнему является «величайшей угрозой» [5].

В результате сложившейся ситуации на сегодняшний момент в сфере миграционной политики Германии отмечается определенный поворот к постепенному введению ряда ограничений в рамках иммиграции. Во-первых, проводится различие между двумя группами иммигрантов: лица, иммиграция которых не может быть ограничена из-за существующих правовых требований (граждане Европейского Союза (ЕС), лица из третьих стран, ассоциированных с ЕС, признанные беженцы, лица, имеющие право на убежище) и лица, иммиграция которых может быть ограничена (еще непризнанные беженцы, гастарбайтеры, эмигранты). Во-вторых, политика "добропожалования" постепенно меняется и может быть обозначена как "добро пожаловать, но с определенными обязательствами", т.е. программа интеграции мигрантов стала более обширной и обязательной (на уровне языка, социальной, правовой культуры). Помимо собственно программ по интеграции мигрантов, действующих в различных землях Германии, существует программа "предварительной интеграции", в рамках которой потенциальные иммигранты готовятся к жизни в Германии на первом этапе, в частности, через языковые и ориентационные курсы в стране их происхождения, через предложения на рынке труда (например, о возможности признания квалификации). Министерство развития Германии финансирует консультационные центры в ряде стран-партнеров, например, в Афганистане, Албании и Марокко, которые предоставляют информацию о возможностях и требованиях для иммиграции в Германию, а также подчеркивают риски незаконного въезда и проживания.

Мы считаем, что в современных условиях большого количества политических конфликтов в мире, такое направление, как интеграция и адаптация мигрантов, должно занимать ведущее место в миграционной политике государства, которое признано страной иммиграции. И в данном случае Россия, которая, как и Германия, входит в двадцатку ведущих стран по миграции, должна на законодательном уровне в отдельном нормативно-правовом акте закрепить регламентацию процесса интеграции мигрантов, учитывая опыт Германии.

1. Vavoula Niovi Consultation of EU Immigration Databases for Law Enforcement Purposes: a Privacy and Data Protection Assessment // European Journal of Migration and Law Publisher: Brill Academic Publishers. Volume 22 (2020): Issue 2 (Jun 2020). Pages: 139–177.
2. Han P. Soziologie der Migration. Erklärungsmodelle – Fakten – Politische Konsequenzen – Perspektiven. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2000.
3. Waldrauch H. Theorien zu Migration und Migrationspolitik // Journal für Sozialforschung. Jg. 35. Heft 1, 1995. S. 27 – 49.
4. Hollifield James F. Offene Weltwirtschaft und nationales Bürgerrecht: Das liberale Paradox, in: Thränhardt, Dietrich/Hunger, Uwe (Hrg.): Migration im Spannungsfeld von Globalisierung und Nationalstaat, Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2003. S. 35 – 58.
5. Migrationspolitik – Der Monatsrückblick // Bundeszentrale für politische Bildung [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bpb.de/gesellschaft/migration/flucht/monatsrueckblick/>

Шульгин А.А., Лункашу Ю.В.

Применение мер принуждения к лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-262

Аннотация

В данной статье анализируется процесс доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения для получения принудительной медицинской помощи. Акцентируется внимание на положительном влиянии возобновления деятельности медицинских вытрезвителей.

Также указывается о правах полицейских при осуществлении доставления лица в соответствующее учреждение. Делается вывод об обоснованности возвращения медицинских учреждений в качестве меры административно-правового воздействия.

Ключевые слова: вытрезвитель, алкогольное опьянение, полиция, принудительное доставление, административная деятельность.

Abstract

This article analyzes the process of delivering persons who are under the influence of alcohol to receive compulsory medical care. Attention is focused on the positive impact of the resumption of the activity of medical detoxification centers.

It also indicates the rights of police officers when delivering a person to the appropriate institution. The conclusion is made about the validity of the return of medical institutions as a measure of administrative and legal impact.

Keywords: detox, alcohol intoxication, police, forced delivery, administrative activities.

Взаимосвязь между алкоголизмом, наркозависимостью и противоправным поведением остается весьма актуальной на современном этапе проблемой, требующей своего комплексного и своевременного решения.

Достаточно долгое время в нашем государстве отсутствовали эффективные механизмы воздействия на лиц, находящихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения с целью пресечения и профилактики совершения ими преступлений.

Согласно официальной статистике Генеральной прокуратуры РФ за период с января по декабрь 2019 года каждое третье преступление было совершено лицами, прибывающими в состоянии алкогольного опьянения. Число таких преступных действий составило 351 601. Преступления, совершенные в состоянии наркотического опьянения по численности (14 574) значительно уступают первым, однако их общественная опасность ничуть не меньше [6].

При этом, анализ указанной статистики говорит о том, что выявление административных правонарушений, совершенными под воздействием алкоголя уменьшается пропорционально росту совершенных преступлений. Все это говорит о том, что деятельность полиции по пресечению и предупреждению правонарушений является весьма значимой и актуальной.

В соответствии с Законом «О полиции» [2] к основным направлениям деятельности органов внутренних дел относится обеспечение общественного порядка, профилактика, предупреждение и пресечение противоправного поведения в общественных местах. Установление соответствующих норм в полной мере соответствуют требованиям ст. 1.2 КоАП РФ, в соответствии с которой охрана здоровья граждан, обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, санитарно-эпидемиологического благополучия населения являются основными задачами законодательства об административных правонарушениях [1].

На основании вышеуказанных актов к лицам, находящимся в состоянии опьянения, у которых отсутствует способность на самостоятельное передвижение, применяется административно-правовое принуждение.

29 декабря 2020 года был принят Федеральный закон РФ № 464-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения», в соответствии с которым предусматривается создание специализированных организаций - вытрезвителей в субъектах Российской Федерации на базе государственно-частного или муниципально-частного партнерства [4].

Деятельность таких медицинских учреждений будет осуществляться на платной основе, как это было и до ликвидации вытрезвителей в 2010 году, так как осуществление финансирования за счет средств обязательного медицинского страхования может повлечь нецелевое использование бюджета.

Правила организации деятельности указанных специализированных организаций, включая виды оказываемой помощи, утверждаются совместно Минздравом России, Минтрудом России и МВД России.

Также Федеральным законом от 29.12.2020 № 465-ФЗ «О внесении изменений в статью 13 Федерального закона «О полиции»» [5]. Изменения коснулись пункта 14 части 1 ст. 13 Закона, в соответствии с которыми сотруднику полиции предоставляется право доставлять граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, наряду с медицинскими организациями также и в специализированные учреждения.

Помимо этого, Законом устанавливается разрешение проводить медицинское освидетельствование без согласия лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения.

Такое предоставленное право сотрудникам полиции вызвало неоднозначную реакцию со стороны правоведов и общественности.

Теоретики отмечают, что при помещении лица в вытрезвитель ограничивается его право на свободу, а сам процесс вытрезвления является принудительным оказанием медицинской помощи, нарушающим право на неприкосновенность гражданина [7, с. 86].

В соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3] гражданину предоставляется право на отказ от прохождения медицинского освидетельствования и в целом от любого медицинского вмешательства.

Помимо этого, отдельно указывается, что обязательным условием медицинского вмешательства является дача согласия на это самого гражданина либо в определенных случаях его законного представителя.

Также противники данного нововведения указывают на то, что не каждому лицу, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения необходима помощь медицинских вытрезвителей. Помимо этого, лицо может не нести общественной опасности и не представлять угрозы нарушения общественного порядка, следовательно, его помещение в вытрезвитель будет необоснованным и не законным.

На наш взгляд, возвращение вытрезвителей является положительной мерой по предупреждению и пресечению правонарушений и возможных преступлений. Однако, есть ряд проблемных аспектов. Предоставленное сотрудникам полиции право может привести к злоупотреблению должностными полномочиями с их стороны. Также оно может повлечь рост коррупционных проявлений, что потребует введения дополнительных мер по их профилактике и пресечению.

Считаем, что необходимы следующие меры по повышению эффективности деятельности медицинских вытрезвителей.

Медицинские вытрезвители должны находиться в ведении и быть полностью подконтрольными Министерству внутренних дел РФ. ОВД субъектов должно, на наш взгляд, ежемесячно предоставлять отчет о проделанной работе в данном направлении.

На сотрудников внутренних дел должна быть возложена обязанность по доставлению лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсичного опьянения в общественных местах в медицинские вытрезвители в том случае, если:

— такое состояние угрожает их жизни и здоровью,

— они могут стать потенциальными участниками совершения противоправных действий.

Финансирование медицинских вытрезвителей, на наш взгляд, должно осуществляться за счет средств из федерального и/или муниципального бюджетов.

Необходимо внедрить эффективные мотивационные меры по отношению к сотрудникам внутренних дел для того, чтобы сократить возможность роста коррупционных правонарушений с их стороны и позволить осуществлять с честью возложенную на них обязанность.

В целом, отметим, что в настоящее время вытрезвители, несмотря на то, что они уже существовали, является новой административно-правовой мерой, так как происходит постоянное развитие общества и государства. На данный момент еще не во всех субъектах Российской Федерации созданы такие специализированные учреждения.

Эффективность такой деятельности можно будет проверить по истечению некоторого периода времени.

Однако, на наш взгляд, медицинские вытрезвители позволят сократить количество совершаемых в нашей стране противоправных деяний, а, в особенности, преступлений.

1. Кодекс об административных правонарушениях: Федеральный закон РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1. – Ст. 1.
2. О полиции: Федеральный закон РФ от 7.02.2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 7. - Ст. 900.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части оказания помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения: Федеральный закон РФ от 29.12.2020 № 464-ФЗ // Российская газета. – 21.01.2021.
5. О внесении изменений в статью 13 Федерального закона «О полиции»: Федеральный закон РФ от 29.12.2020 № 465-ФЗ // Российская газета. – 11.01.2021.
6. Статистические данные Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/be9/sbornik_12_2019.pdf (дата обращения: 17.03.2021).
7. Вечерникова Д.В. К вопросу о применении мер принуждения к лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах / Д.В. Вечерникова, Ю.В. Лункашу, Е.Е. Власенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2020. - № 1(47). - С. 84-88.

Ямпольская А.И., Мамин А.С.

Сущность государственного управления в сфере санитарно-эпидемиологического управления благополучием населения в Российской Федерации

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-263

Аннотация

В данной статье рассматривается институт государственного управления в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации. Автор уделяет внимание основополагающим элементам, составляющим систему государственного управления в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации и указывает проблемные вопросы, стоящие перед системой на сегодняшний день.

Ключевые слова: управление, государственное управление в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации, санитарно-гигиенический мониторинг.

Abstract

This article examines the institute of public administration in the field of sanitary and epidemiological welfare of the population of the Russian Federation. The author pays attention to the fundamental elements that make up the system of public administration in the field of sanitary and epidemiological well-being of the population of the Russian Federation and points out the problematic issues facing the system today.

Keywords: administration, state administration in the field of sanitary and epidemiological welfare of the population of the Russian Federation, sanitary and hygienic monitoring.

На современном этапе развития российской правовой науки категория управления традиционно рассматривается теоретиками в общем и узком смысле, а научные труды изобилуют разнообразными подходами к формулированию понятия указанного определения.

Доктор юридических наук, профессор Д.Н. Бахрах в своих научных работах при рассмотрении вопроса о сущности управления был солидарен в понимании данной категории с заслуженным деятелем науки Российской Федерации В.Г. Атаманчуком, который определял ее таким образом: «управление - это целеполагающее, то есть созидательное, продуманное, организующее и регулирующее воздействие людей на собственную общественную жизнедеятельность, которое может быть осуществлено как непосредственно (в формах самоуправления), так и через специально созданные органы и структуры (органы государственной власти, политические партии, общественные организации и т.д.)».

Государственное управление, являясь одним из видов управления социального, представляет собой сложное явление, специфической чертой которого является тот факт, что деятельность государства и иных субъектов власти реализуется вне пределов законодательства и правосудия.

Определяющим аспектом в содержании данной категории является цель осуществления такого практического воздействия государства на общественные отношения, которая состоит в оказании соответствующего регулирующего влияния для наиболее эффективного функционирования системы таких общественных отношений.

При помощи государственного управления реализуется исполнительная власть - на основе и в исполнение действующего законодательства в различных отраслях общественной жизни. Применим данный институт тогда, когда имеет место быть необходимость обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Наличие на сегодняшний день системы управления санитарно-эпидемиологическим благополучием населения Российской Федерации обуславливается тем, что Конституция Российской Федерации в статье 2 закрепляет положение о том, что “человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита - обязанность государства”.

В свою очередь Федеральный закон от 30.03.1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» более детально регулирует общественные отношения, возникающие в данной области, демонстрируя собой «одно из основных условий реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду и охрану здоровья» (закрепленных в ст. 18, 42 Конституции РФ).

При этом, как и любая другая система государственного управления, управление в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения характеризуется наличием двух взаимосвязанных и взаимнообусловленных элементов - субъекта и объекта управления.

К первой категории на настоящий момент относятся Министерство здравоохранения и Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия населения совместно с ее территориальными управлениями,

осуществляющими свою деятельность на основе Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 № 322.

Объектами управления в указанной сфере являются следующие:

1. центры гигиены и эпидемиологии в субъектах Российской Федерации;
2. учреждения, структурные подразделения федеральных органов исполнительной власти по вопросам обороны, внутренних дел, юстиции, осуществляющие государственный санитарно-эпидемиологический надзор на объектах специального назначения;
3. государственные научно-исследовательские и иные учреждения, осуществляющие свою деятельность в целях обеспечения государственного санитарно-эпидемиологического надзора в Российской Федерации.

В свою очередь предметом управления выступает санитарно-эпидемиологическое благополучие населения Российской Федерации, которое законодатель определяет как «состояние здоровья населения, среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности».

Одновременно с этим, содержание управления санитарно-эпидемиологическим благополучием населения Российской Федерации представлено общими и специальными функциями.

Общими функциями являются, например, разработка государственных программ и их соответствующее финансирование, а также контроль их исполнения.

К числу специальных функций относятся такие, как:

1. профилактика заболеваний;
2. контроль за соблюдением гражданами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами санитарных правил;
3. осуществление государственного санитарно-эпидемиологического нормирования, надзора, а также сертификации продукции, работ и услуг, лицензирования видов деятельности, государственной регистрации потенциально опасных для человека веществ;
4. проведение санитарно-гигиенического мониторинга;
5. привлечение к ответственности лиц, нарушивших законодательство в указанной области и некоторые другие.

Санитарно-гигиенический мониторинг обладает особой важностью среди иных многочисленных мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, поскольку именно при помощи данного последовательно и регулярно осуществляемого мероприятия удастся реализовать соответствующий сбор и анализ статистических данных о состоянии эпидемиологической обстановки в пределах всего государства в целом и отдельных его субъектов - в частности и осуществить последующее прогнозирование с одновременным выявлением негативных аспектов, влияющих на ее состояние и причин их возникновения.

Так, в соответствии с Государственным докладом о состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации за 2019 год рост доли проб атмосферного воздуха, отобранного в районах жилой застройки, не соответствующего государственным нормативам, обуславливается как наращиванием строительства новых и реконструкцией старых автомобильных дорог, так и деятельностью промышленных предприятий по добыче полезных ископаемых, транспортировке и хранению различных грузов.

В сравнении с 2012 годом значительно изменился перечень приоритетных химических веществ, загрязняющих атмосферный воздух, однако по-прежнему высокие уровни загрязнения отмечаются в 15 субъектах Российской Федерации.

Специалисты указывают, что к числу негативных факторов, повлиявших на качество атмосферного воздуха городских и сельских поселений Российской Федерации относятся техногенные аварии и катастрофы, а также использование на производственных объектах устаревших технологических процессов и оборудования, что, в свою очередь, указывает на дефицит финансовых ресурсов.

Одновременно с этим несоответствие источников централизованного питьевого водоснабжения населения действующим санитарным требованиям обуславливается отсутствием зон санитарной охраны. Отмечается, что в период с 2012 года по 2019 год удельный вес водопроводов, не обеспеченных необходимым комплексом очистных сооружений и обеззараживающими установками, вырос на 1,3 % и на 0,2 %, соответственно.

Исходя из выше сказанного, одними из актуальных проблем, стоящих перед системой государственного управления санитарно-эпидемиологическим благополучием населения Российской Федерации являются следующие:

1. дефицит финансовых вложений в производственные объекты, что демонстрируется использованием устаревших технологических процессов и оборудования;
2. несоблюдение субъектами производственной деятельности требований государственного нормирования и норм санитарно-эпидемиологического законодательства.

Государственное управление в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации осуществляется путем разработки и финансирования соответствующих национальных проектов, государственных программ, а также отдельных программ, реализуемых на территориях субъектов Российской Федерации.

Одним из возможных решений проблемы устаревшего оборудования, которое не отвечает требованиям наилучших доступных технологий, автор считает увеличение сумм межбюджетных трансфертов, часть из которых может быть направлена на замену оборудования, используемого на производственных объектах, а также внедрение новых экологически безопасных технологий.

Одновременно с этим, автор солидарен во мнении с Дзеник А.Д., который указывает тот факт, что «менее затратным способом решения проблемы является не полная замена, а регулярная модернизация уже имеющегося оборудования».

Для того, чтобы мероприятия по замене или модернизации оборудования осуществлялись своевременно и системно, их реализация должна основываться на разрабатываемых плановых документах.

Несоблюдение требований государственного нормирования, а также норм санитарно-эпидемиологического законодательства, которые являются обязательными для физических и юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей, влечет административную и уголовную ответственность.

Исходя из того, что контрольно-надзорные мероприятия в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации имеют своей целью охрану здоровья населения и среды обитания, деятельность по предотвращению правонарушений в данной сфере должна основываться осуществлении профилактических мер и внеплановых проверок в сочетании.

Таким образом можно говорить о том, что государственное управление в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации являет собой сложно устроенную систему, поскольку направлена на регулирование различных многообразных общественных отношений.

Как и перед любой другой системой, с непрерывным развитием общественной жизни и закономерными изменениями окружающей среды перед системой государственного управления в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия

населения Российской Федерации стоит ряд актуальных проблемных вопросов, требующих своевременного разрешения.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Федеральный закон "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения" от 30.03.1999 N 52-ФЗ (ред. от 28.08.2020) //
3. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2019 году» // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=14933 (дата обращения: 02.04.2021);
4. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник – 3-е изд., изм. и пересмотр. // М.: Норма, 2008. 816 с.
5. Дзеник А.Д. Проблема технически устаревшего оборудования и способы его решения // Современная техника и технологии, № 1 (65), 2017. С. 19-20.
6. Мележик Л.М. Понятие и сущность государственного управления санитарно-эпидемиологическим благополучием населения // М.: Новый Индекс, 2010. С. 77-81.

Янова И.В.

Понятие и признаки показаний подозреваемого

*Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия»
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-264

*Научный руководитель
Демидченко Ю.В.*

Аннотация

В статье исследуется такой вид уголовно-процессуальных доказательств, как показания подозреваемого. Называются отличительные признаки данного вида доказательств, характеризующие их как отдельную категорию в рамках уголовно-процессуальных доказательств. Вносятся предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства в части регламентации института показаний подозреваемого.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказательство, показания, подозреваемый, допрос.

Abstract

The article examines this type of criminal procedural evidence as the testimony of a suspect. The distinguishing features of this type of evidence are called, characterizing them as a separate category within the framework of criminal procedural evidence. Proposals are being made to amend the criminal procedure legislation in terms of regulating the institution of the testimony of a suspect.

Key words: criminal proceedings, evidence, testimony, suspect, interrogation.

Как известно, ядром судопроизводства является процесс доказывания, в ходе которого осуществляется сбор необходимой доказательственной базы. Не является исключением и уголовное судопроизводство, которое институтам доказывания и доказательств отводит одноименный Раздел III в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ), в котором Глава 10 раскрывает понятие доказательств, перечисляет виды доказательств и называет требования, предъявляемые к ним.

Так, согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ под доказательствами понимаются «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель ... устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [1]. В части 2 этой же статьи, называются виды доказательств, среди которых законодатель допускает и показания подозреваемого.

Следует отметить, что в процессе расследования практически любого преступления, где появляется такой участник как подозреваемый, лицо, в производстве которого находится уголовное дело имеет дело с таким доказательством, как показания подозреваемого, которые сообщаются им (подозреваемым) в ходе допроса (как известно, согласно ч. 2 ст. 46 УПК РФ «подозреваемый ... должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания»).

Действующий УПК РФ не только регламентирует порядок поучения показаний подозреваемого, но и раскрывает их содержание. Так, ст. 76 УПК РФ определяет, что «показания подозреваемого – это сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства» [1].

Будучи одними из видов сведений, составляющих институт доказательств, показания подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве обладают набором специфических признаков, характеризующие их как отдельную категорию в рамках уголовно-процессуальных доказательств. Анализ вышеприведенного законодательного определения, а также юридической литературы, позволяет выделить следующие отличительные признаки показаний подозреваемого как самостоятельного вида доказательств:

Во-первых, показания подозреваемого – это сведения.

В науке уголовного процесса стоит вопрос, о форме сведений, составляющих показания. Так, одни ученые-процессуалисты считают, что показания в целом и показания подозреваемого в частности являются «только устными сообщениями» [5, с. 57]. Другие указывают, что показания подозреваемого могут выступать в качестве «устного и / или письменного сообщения» [4, с. 25]. Законодатель же по данному вопросу придерживается нейтралитета, поскольку в статье 76 УПК РФ, посвященной показаниям подозреваемого, говорится о «сведениях».

Для решения данного вопроса необходимо обратиться к этимологическому толкованию термина «показания». Согласно толковому словарю Ожегова показания – это «свидетельство, рассказ; сообщение каких-либо сведений» [7, с. 792].

Таким образом, показания подозреваемого – это сведения, сообщенные им как в устной, так и письменной форме.

Во-вторых, показания подозреваемого – это сведения, имеющие значение для расследуемого уголовного дела.

Для раскрытия содержания данного признака необходимо сопоставить ст. 74 УПК, раскрывающей предмет доказывания в уголовном процессе, со ст. 76 УПК РФ, являющейся специальной нормой и раскрывающей предмет показаний подозреваемого. Из данного сопоставления следует несоответствие, т.к. показания подозреваемого в соответствии с существующей законодательной трактовкой могут формировать информацию, выходящую за рамки знания об обстоятельствах предмета доказывания, поскольку УПК РФ в соответствующих статьях, посвященных показаниям подозреваемого, просто говорит об информации, сообщенной в ходе допроса. Это означает, что это может быть разнообразная информация, указывающая на самые разные обстоятельства и факты.

Из данного признака следует, что при получении сведений иного характера при допросе подозреваемого в качестве доказательств принимаются только показания, содержащие сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию в уголовном производстве, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Вся остальная информация, предоставленная им во время допроса, не является доказательством и не может быть отнесена к категории «показаний подозреваемого» [3,

с. 134]. Представляется, что правильнее признать такую информацию средством уголовно-процессуального познания обстоятельств и фактов, которые носят исключительно процессуальный характер.

В-третьих, показания подозреваемого – это показания лиц, являющихся подозреваемыми в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

В уголовно-процессуальной науке проблема определения понятия «подозреваемый» вызывает многочисленные споры и разногласия.

Так, одни авторы считают, что «подозреваемым в уголовном производстве следует считать лицо, в отношении которого были собраны данные, дающие основания подозревать его в совершении преступления, но недостаточные для предъявления обвинения» [2, с. 528]. Другие полагают, что «появление такой фигуры в качестве подозреваемого должно быть связано только с задержанием или выбором одной из мер пресечения» [6, с. 170].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство также четко не формулирует понятие подозреваемого. Согласно ст. 46 УПК РФ, подозреваемым является лицо: «1) в отношении которого возбуждено уголовное дело; 2) или которое задержано; 3) или к которому была применена мера пресечения до предъявления обвинения; 4) либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления» [1].

По нашему мнению, основания для подозрения должны быть связаны с информацией, указывающей на вероятную причастность лица к совершению преступления. Этот вывод основан на доводе о том, что основания для подозрения должны быть выяснены до появления подозреваемого в уголовном деле. Только на основании подозрения рождается процессуальная фигура подозреваемого по уголовному делу.

В-четвертых, показания подозреваемого должны быть сообщением, которое дознаватель или следователь получают в установленном законом порядке.

И, наконец, в-пятых, информация, полученная от подозреваемого, дается в ходе его допроса и фиксируется в установленном законом порядке в протоколе допроса подозреваемого.

Таким образом, следует отметить, что сущность показаний подозреваемого в процессе доказывания по уголовному делу заключается в том, что они являются одним из видов уголовно-процессуальных доказательств.

В целях исключения неоднозначного понимания термина «показания подозреваемого», считаем целесообразным дополнить ст. 76 УПК РФ «Показания подозреваемого» частью второй, следующего содержания: «Показания подозреваемого являются доказательствами по уголовному делу, если сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства в соответствии с требованиями статей 187-190 настоящего Кодекса, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Ахметшин Р.Э., Таскаева Ю.В. Проблемы понятия «подозреваемый» в уголовном процессе // Ученые заметки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 4.
3. Демидченко Ю.В. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела в системе принципов уголовного процесса технологии». Ростов-на-Дону, 2011.
4. // Материалы международного форуму «Инновации. Инвестиции. Кардашевская М.В. Допрос подозреваемого - способ получения новых доказательств по уголовному делу или? // Российский следователь. 2019. № 10.
5. Лайпанов А.А. Особенности оценки показания обвиняемого и подозреваемого по уголовным делам // Современная наука: тенденции развития. 2017. № 18.
6. Миликова А.В., Шабалкина М.И. Понятие и основание появления подозреваемого в уголовном процессе // В сборнике: Междисциплинарность науки как фактор инновационного развития. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2018.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2012.

Ярошук И.А., Амелина У.С.

Псевдоним как объект нейминговой экспертизы

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ
«БелГУ»)
(Россия, Белгород)

doi: 10.18411/lj-04-2021-265

Аннотация

В статье проанализированы подходы к проблеме рассмотрения и применения специальных экспертных знаний при проведении нейминговой экспертизы как нового формирующегося рода, отмечена актуальность данных исследований, сформулировано определение нейминговой экспертизы; рассмотрены объекты исследования – неймы; определено понятие псевдонима и правовая основа его функционирования.

Ключевые слова: объекты нейминговой экспертизы, нейм, имя, псевдоним, авторское право, специальные знания, нормативно-правовая база.

Abstract

The article analyzes the approaches to the problem of consideration and applying special expertise when conducting a nement examination as a new emerging kind, the relevance of these studies was noted, the definition of nementing examination was formulated; Research objects are considered; The concept of a pseudonym and the legal basis of its functioning is determined.

Keywords: nement examination objects, neim, name, alias, copyright, special knowledge, regulatory framework.

На современном этапе развития судебной экспертизы появляются новые виды исследований, которые требуют особого внимания как с правовой и научной стороны, так с технической и методологической точек зрения. Выделение нейминговой экспертизы можно отнести к развитию судебной экспертологии, в которой тщательно рассматривались концепции судебного речеведения, и появлялись новые роды экспертиз, в том числе и необходимость исследований, связанных с «неймом». К разработкам данного рода экспертизы относятся исследования Е. Р. Россинской, в которых сформулированы закономерности возникновения новых видов экспертиз. Данным закономерностям в полной мере отвечает нейминговая экспертиза, которая на современном этапе развития уверенно стремится к выделению в самостоятельный род речеведческих экспертиз.

Так, вслед за Т. П. Соколовой представляется возможным сформулировать следующее определение экспертизы неймов – это «особый род, сформировавшийся внутри класса речеведческих экспертиз в соответствии с особенностями объектов (неймов), кругом решаемых задач и характером используемых специальных знаний».

Отличительной чертой нейминговой экспертизы является специфичность её объектов. Она заключается в их достаточно большом перечне. «Name» в переводе на русский язык – это «имя», а, в свою очередь, имя с точки зрения грамматики – это «имена собственные, то есть слова, которые называют индивидуальные предметы, входящие в класс однородных, однако сами по себе они не несут какого-либо специального указания на этот класс». То есть имя можно разделить на:

- 1) имена собственные в узком смысле этого слова;
- 2) наименования.

В связи с чем круг объектов рассматриваемого рода экспертизы составляют следующие образования: имена личные, никнеймы, наименования географических объектов и урбанонимы и др.

Данные объекты регулируются всеми отраслями права (гражданское, административное, уголовное), например, ст. 19 ГК РФ «Имя гражданина», в которой определяется объект нематериального блага имя как таковое, включающее фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая. Также, например, в ст. 51, 52 ГК РФ Юридическое лицо подлежит государственной регистрации в уполномоченном государственном органе, а его имя включается в открытый в целях ознакомления единый государственный реестр юридических лиц, с учётом которого фирменное наименование рассматривается в качестве неотъемлемой составляющей коммерческих организаций.

Рассмотрим более подробно один из объектов нейминговой экспертизы – *псевдоним*. Для начала необходимо определиться с понятием псевдонима, так как в ономастике и юриспруденции есть как сходство, так и различие в определении данного термина. Так, например, в ономастике: «*псевдоним* – это условное творческое имя, которое адресовано большому кругу участников коммуникации». А вот в сфере юридической, в частности, в ст. 166 УПК РФ понятие «*псевдоним*» трактуется в качестве «имени участника следственного действия для обеспечения защиты и безопасности потерпевшего, его представителя, их близких родственников и близких лиц». С этой точки зрения псевдоним не рассматривается в виде объекта неймингового исследования (согласно ст. 53 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 126-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»). Под псевдонимом в ст. 1265 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплено право авторства, когда одной из ведущих особенностей псевдонима должна являться его уникальность, исключающая возможность его совпадения с именами других лиц, что находит своё подтверждение в п. 4 ст. 19 Гражданского Кодекса Российской Федерации (запрет на приобретение прав и обязанностей под именем другого лица), а так же в п. 3 ст. 17 Конституции РФ (Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц). Также в ст. 1315 Гражданского Кодекса Российской Федерации закреплены права исполнителя, а именно в п. 3 «право на имя – право на указание своего имени или псевдонима на экземплярах фонограммы и в иных случаях использования исполнения...». Указанная норма вовлекает в правовые отношения такой объект, как псевдоним, который может стать причиной спора. Так, творческий псевдоним, или сценическое имя, «Трофим» принадлежит известному певцу Сергею Вячеславовичу Трофимову. Данный нейм незаконно использовался в фонограммах, записанных на компакт-диск, с аудиозаписями Сергея Вячеславовича Трофимова («Трофим»). Даная ситуация признает экземпляры произведения и фонограммы, изготовление или распространение которых влечет за собой нарушение авторских и смежных прав и требует отождествления лица, использующего псевдоним «Трофим» – Сергея Вячеславовича Трофимова.

Также в качестве примера можно сослаться на дело о творческом псевдониме «Дима Билан», а настоящее имя певца – Виктор Николаевич Белан. Данный псевдоним стал предметом спора между продюсерской компанией и Виктором Беланом, которому пришлось доказывать право на использование нейма, а также право на исполнение своих сольных произведений под псевдонимом «Дима Билан». В этом случае также требуется идентификация лица, использующего псевдоним.

Следует отметить, что производство нейминговой экспертизы является необходимым для разрешения споров, которые возникают при разграничении критериев применения положений статей, приведенных выше. Так, например, в ст. 1256 Гражданского Кодекса Российской Федерации указано: «когда псевдоним не оставляет сомнения в его личности». Возьмем псевдоним известного советского писателя «Александр Серафимович», его настоящее имя – Попов Александр Серафимович, то есть, в данном случае вряд ли возникнет сомнения в личности

писателя. А вот другой случай, связанный с псевдонимом известной певицы «Жасмин», которую зовут Сара Семиндуева, сразу наталкивает на сомнение связи данного псевдонима и личности, и именно такие случаи при возникающих спорах требуют применения специальных знаний.

Таким образом, выделение нового рода экспертизы обусловлено стремительным расширением круга объектов исследования, то есть неймов, при изучении которых субъект должен обладать специальными знаниями как из области лингвистики, так и судебной экспертизы и юриспруденции. Неоспорима актуальность данного вида исследования, связанная, прежде всего, с защитой личного имени, авторских прав использования псевдонима, а также фирменных, коммерческих обозначений и т.д. Говоря лишь об одном объекте исследования – *псевдониме* – уже можно сделать вывод, насколько данное исследование является значимым и важным. Так как право на имя, в том числе на творческое имя или псевдоним, имеет каждый гражданин Российской Федерации, что является его личным неимущественным правом, которое тесно взаимосвязано с другими неимущественными правами, а также имеет отношение к имущественным правам. Это доказывает и показывает, почему и как нейм может стать предметом конфликта.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.11.2020).
2. Об актах гражданского состояния. Федеральный закон от 15.11.1997 N 143-ФЗ: [Принят Государственной Думой 22 октября 1997 г.: Одобрен Советом Федерации 5 ноября 1997 г.] // СПС «Гарант» (дата обращения: 23.11.2020).
3. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин. – Москва: Норма: ИНФРА-М. – 2016. – 78с.
4. Соколова, Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство: учеб. пособие / Т. П. Соколова. – Москва: Изд-во Юрлитинформ, 2016. – 65 с.
5. Соколова, Т. П. Нейминговая экспертиза в судопроизводстве: методические и прикладные проблемы / Т. П. Соколова // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. – Москва : Буквовед, 2011. – № 12. – С. 29–31.
6. Ярошук, И. А. Лингвистическая экспертиза: учебное пособие / Н. А. Жукова, Н. И. Долженко. – Белгород: изд-во «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. – 96 с.
7. Ярошук И. А. Проблемы развития нейминговой экспертизы как нового рода лингвистической экспертизы / И. А. Ярошук, Н. Ю. Судникова // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 1 (54). – С. 283–287.

Ястребова А.А.

Триада правовых понятий «банкротство», «трансграничное банкротство» и «субсидиарная ответственность» в деятельности контролирующих должника лиц

*Северо-Западный институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-266

Аннотация

В статье представлен анализ правовых понятий «банкротство», «трансграничное банкротство» и «субсидиарная ответственность», имеющих принципиальное значение для совершения юридически значимых действий контролирующими должника лиц. Выявляя сущностные положения данных понятий и приводя наиболее значимые международные документы в сфере трансграничного банкротства, автор акцентирует внимание на важности совершенствования российского законодательства в части

правового регулирования указанной сферы и его корреспондирования универсальным положениям международного права.

Ключевые слова: международное право, банкротство, несостоятельность, субсидиарная ответственность, трансграничное банкротство, международная конкуренция.

Abstract

The article presents an analysis of the legal concepts of «bankruptcy», «cross-border bankruptcy» and «subsidiary liability», which are of fundamental importance for the commission of legally significant actions of persons controlling the debtor. Revealing the essential provisions of these concepts and citing the most significant international documents in the field of cross-border bankruptcy, the author focuses on the importance of improving Russian legislation in terms of legal regulation of this area and its correspondence to the universal provisions of international law.

Keywords: international law, bankruptcy, insolvency, subsidiary liability, cross-border bankruptcy, international competition.

Современная парадигма международной интеграции обширного ареала финансовых институтов, действие фактора корреляционных отношений, предопределяющих зависимость национальных экономик от импорта обширной номенклатуры предметов производства и сырьевых компонентов, возрастание роли трансграничных корпораций и динамичность проявления тенденций международного соперничества, а также ряд иных факторов глобального значения, способствующих экспоненциальному росту международной конкуренции, переводят решение проблемы трансграничного банкротства (несостоятельности) в разряд чрезвычайно актуальных, в том числе и для дальнейшего развития национальных экономик. Иллюстративным подтверждением отмеченного является следующий вывод А.Н. Тарасевича, «наличие адекватного правового режима разрешения ситуаций несостоятельности (банкротства) является как фактором экономического развития, так и стимулом укрепления экономических отношений в виде предсказуемости последствий хозяйственной деятельности и стабильности гражданского оборота, что создает в том числе необходимый благоприятный инвестиционный климат» [2, с.168]. В пользу актуальности рассмотрения проблемы несостоятельности (банкротства) в трансграничном масштабе свидетельствует также вывод профессора школы права Майами (Флорида, США) профессора Э.Б. Довсона, отметившего сложность правовой системы в отношении сферы трансграничной несостоятельности (банкротства), включающей несколько взаимозависимых правовых систем. В этой связи, необходимо наличие единого универсального суда, способного управлять всемирным имуществом многонационального должника, которому часто приходится подвергаться множеству процедур банкротства по всему миру. При этом судебные решения многих вопросов, связанных с несостоятельностью (банкротством), могут иметь экзогенные последствия. «Например, решение о ликвидации активов должника в юрисдикции «А» может помешать осуществлению планов реорганизации в масштабе всего предприятия в юрисдикции «В». Чтобы сохранить непрерывную стоимость имущественной массы и облегчить реструктуризацию, необходимо наличие некоторых средств координации множественных разбирательств. В данном случае координация включает создание процессуальной структуры, которая будет управлять судами и связывать обязательства должника, кредиторов и других заинтересованных сторон», - констатирует американский юрист [5, р. 678].

Исходя из обстоятельства употребления в правовой науке и отдельных отраслях права понятия «триада» мы считаем правомерным и с научной точки зрения допустимым обращение к указанному понятию для области деятельности, сопряженной

с банкротством. В качестве примера использования понятия «триада» можно обратиться к отечественному гражданскому праву, в котором при уточнении представления о субъективном праве собственности, допускается апеллирование к совокупности или «триаде» трех правомочий: владения, пользования, распоряжения. К понятию «триада» также обращается, О.И. Тиунов, допускающий употребление формулы «триада: международный обычай - международный договор - международно-правовой обычай», обращенной к исследованию данным правоведом способа развития международного права [4, с. 278-279]. Для уточнения сущностных основ компонентов предлагаемой нами триады «банкротство» - «трансграничное банкротство» - «субсидиарная ответственность», проведем анализ каждого из них.

I. Банкротство. Согласно положению ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», под несостоятельностью (банкротством) (далее - банкротством) понимается признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

II. Трансграничное банкротство. При рассмотрении института данного вида банкротства несомненный интерес имеет определение юриста «Incor Alliance Law Office» С. Голунова, констатирующего, что под под трансграничной несостоятельностью следует понимать «систему норм, регулирующих особенности проведения процедуры несостоятельности, осложненной иностранным элементом (имеющей в самом общем виде связь с несколькими правопорядками ввиду распространения на статус должника, кредиторов и активов банкрота правового режима различных юрисдикций)» [1, 24].

Законодательство о несостоятельности (банкротстве) на протяжении всей истории развития правовых отношений было неотъемлемой частью процесса регулирования экономики каждого государства. Однако до недавнего времени производство по делам о несостоятельности (банкротстве) ограничивалось внутренними вопросами государства и как следствие исключительно локальными актами государств. С течением времени во всем мире несостоятельность во многих ситуациях перестала быть локальной проблемой отдельно взятой страны, а переросла в международную проблему, для решения которой необходимо развитие трансграничной несостоятельности (банкротства) как института международного частного права. В настоящее время в Российской Федерации не существует официально принятого законодательства, регулирующего положения о несостоятельности (банкротстве), осложненные иностранным элементом. Вместе с тем, следует заметить, что в самом общем виде нормы трансграничной несостоятельности представлены в указанном Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, согласно п. 6 ст. 1 которого «Решения судов иностранных государств по о несостоятельности (банкротстве) признаются на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации». Обращаясь к вопросу правового регулирования трансграничной несостоятельности (банкротства), следует указать на ряд международно-правовых соглашений, регулирующих обширную область действия указанного института: 1) Типовой закон ЮНСИТРАЛ от 30 мая 1997 г. «О трансграничной несостоятельности»; 2) Регламент ЕС от 29 мая 2000 г. № 1346/2000 «О производстве по делам о несостоятельности»; 3) Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте 1928 г.); 4) Общие принципы сотрудничества при трансграничной несостоятельности для государств-участниц НАФТА; 5) Унифицированный акт стран-участниц договора о создании ОХАДА по организации коллективных процедур ликвидации должников 1998 г. и др. Выявляя особую роль в

решении вопросов трансграничной несостоятельности (банкротства) указанного Типового закона ЮНСИТРАЛ, необходимо отметить то обстоятельство, что устанавливая процедуру координации управления множественными территориальными делами и позволяя обеспечить централизацию управления процессом трансграничной несостоятельности (банкротства), «модельный закон ООН в действительности обладает сетевым эффектом и его ценность тем больше, чем обширнее ареал стран, его принимающих» [5, р. 678].

III. Субсидиарная ответственность В соответствии с положением ст. 399 «Субсидиарная ответственность» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, под subsidiarной ответственностью понимается дополнительная ответственность к ответственности другого лица, являющегося основным должником. Следует заметить, что в некоторых нормативных актах дается определение subsidiarной ответственности применительно к отдельным видам правовых отношений. К примеру, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» subsidiarная ответственность членов кооператива – это ответственность членов кооператива, дополнительная к ответственности кооператива по его обязательствам и возникающая в случае невозможности кооператива в установленные сроки удовлетворить предъявленные к нему требования кредиторов. В соответствии с п. 1 ст. 399 ГК РФ, до предъявления требований к лицу, которое в соответствии с законом, иными правовыми актами или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником (subsidiarную ответственность), кредитор должен предъявить требование к основному должнику. Если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на предъявленное требование, это требование может быть предъявлено лицу, несущему subsidiarную ответственность.

Как отмечается в п. 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», при разрешении споров, связанных с применением subsidiarной ответственности, необходимо иметь в виду, что предусмотренный п. 1 ст. 399 ГК РФ порядок предварительного обращения кредитора к основному должнику может считаться соблюденным, если кредитор предъявил последнему письменное требование и получил отказ должника в его удовлетворении либо не получил ответа на свое требование в разумный срок [2].

В действующем российском законодательстве основные положения относительно контролирующего должника лица, а также вопросы subsidiarной ответственности закреплены в главе III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» указанного Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.

Резюмируя изложенное, представляется необходимым сформулировать некоторые выводы. *Во-первых*, национальная модель трансграничной несостоятельности (банкротства) требует своего дальнейшего совершенствования и учета некоторых нормативных положений международного законодательства, регламентирующего сферу трансграничной несостоятельности (банкротства). В данном случае речь идет о целесообразности дополнения действующей редакции отечественного Федерального закона о несостоятельности (банкротстве), в части: 1) интегрирования в его структуру нового раздела о трансграничном банкротстве; 2) включения в его текст нормативных положений: а) относительно Центра об основных интересах должника (СОМІ-стандарт) Типового закона ЮНСИТРАЛ от 30 мая 1997 г. «О трансграничной несостоятельности»; б) связанных с определением понятия «трансграничная несостоятельность (банкротство)». При этом под трансграничной

несостоятельностью (банкротством) предлагается понимать правоотношения, возникающие в связи с несостоятельностью лица и осложненные в данном случае фактором наличия иностранного элемента, проявляющегося: а) во взаимоотношениях между кредитором и должником, являющимися по отношению друг к другу иностранными; б) во взаимоотношениях участников (учредителей) должника - юридического лица и самого должника, являющимися по отношению друг к другу иностранными; в) при оценке находящегося за рубежом имущества должника; г) при возбуждении в отношении одного и того же должника производств по делу о несостоятельности в нескольких государствах.

Во-вторых, мы считаем необходимым инкорпорировать в текст Федерального закона о несостоятельности (банкротстве) понятия «иностранное производство», «основное иностранное производство» и «неосновное иностранное производство», содержание которых раскрыто в Типовом законе ЮНСИТРАЛ. Данное решение позволит обеспечить корреспондирование отечественной парадигмы нормативно-правового понимания указанных дефиниций общепринятому их пониманию во многих зарубежных странах. На наш взгляд, предлагаемые правовые новеллы позволят обеспечить адаптацию российского законодательства в сфере несостоятельности (банкротства) к международному опыту, характеризующемуся гармонизацией трансграничного законодательства в Европейском союзе и ряде других стран, принявших соответствующие законы на основании указанного Типового закона ЮНСИТРАЛ «О трансграничной несостоятельности».

1. Голунов С. Трансграничная несостоятельность: вызовы для российской практики // Legal insight. - 2018. - № 2 (38). - С. 24-29.
 2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01 июля 1996 (ред. от 25 декабря 2018) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс
 3. Тарасевич А.Н. Процессуальная модель трансграничной несостоятельности в законодательстве России // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 2А. С. 167-176.
 4. Тиунов О.И. Влияние международных договоров и международно-правовых обычаев на национальное законодательство // Вестник РГГУ. - 2009. - № 11. - С. 269-286.
 5. Dawson A.V. Modularity in Cross-Border Insolvency // Chicago-Kent Law Review. - 2018. - Vol. 93 (3). - Pp. 677-710.
-

Научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№72, 04.2021

Апрель 2021 г.
Часть 6

Подписано в печать .24.04.2021 Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.5,52
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович